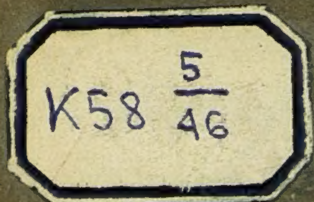
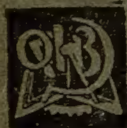
А. ИВАНОВ
Л. ЯКУБИНСКИЙ

Очерки по Языку

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

1932

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

Ан. М. Иванов и Л. П. Якубинский

ОЧЕРКИ ПО ЯЗЫКУ

ДЛЯ РАБОТНИКОВ ЛИТЕРАТУРЫ
И ДЛЯ САМООБРАЗОВАНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ЛЕНИНГРАД 1932 МОСКВА

БИБЛИОТЕКА

1932г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. Эта книга представляет собою *в основном* материал статей, напечатанных нами в журнале «Литературная учеба». Тема книги органически связана с работою Государств. института речевой культуры, а отдельные части ее были прочитаны и обсуждены на заседаниях исследовательских ячеек Института.

Позволяем себе выразить глубокую благодарность как работникам Института, так и работникам редакции «Лит. учебы», помогавшим нам своей инициативой, указаниями, поправками и дополнениями.

2. В книге несомненно много недочетов и много ошибок. Это объясняется, во-первых, степенью нашей методологической и фактической подготовленности, во-вторых, состоянием лингвистики, в которой вовсе не разработаны (а то и не затронуты) многие из поднимаемых нами вопросов. В связи с этим работать нам было трудно.

Указанием на эту трудность мы, однако, не хотим ослабить необходимость самой жесткой критики нашей работы: то обстоятельство, что марксистская лингвистика только строится, ни в коем случае не должно вести к критической «снисходительности». Только в условиях критики и самокритики может развиваться марксистская лингвистика.

3. Мы обращаем внимание читателя, во-первых, на то, что эта книга не пытается дать систематическое и полное освещение затрагиваемых в ней вопросов: это сборник *статей*. Во-вторых, развитие языка при капитализме и в эпоху диктатуры пролетариата дается нами *пока* односторонне, т. е. мы рассматриваем язык в его одной стороне, в его одной (из двух основных) функции, а именно, рассматриваем *язык как средство общения*. В другой работе мы попытаемся осветить движение языка, в эти же периоды, в его *идеологической функции*, дав необходимый синтез. Такой способ изолированного рассматривания каждой из двух основных сто-

рон языка, в действительности абсолютно не отрываемых друг от друга, оказался неизбежным в ходе нашей работы.

4. В заключение мы просим товарищей, у которых будут те или иные вопросы, замечания, поправки, дополнения по нашей работе, обращаться либо в Гос. инст. речевой культуры (Ленинград, площ. Воровского, 5, на наше имя), либо по нашим личным адресам: Ленинград, Тележная ул. 31, кв. 26 — Ан. М. Иванову; канал Грибоедова, 119, кв. 7 — Л. П. Якубинскому.

Июль, 1931 г. Ленинград.

О РАБОТЕ НАЧИНАЮЩЕГО ПИСАТЕЛЯ НАД ЯЗЫКОМ СВОИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

I

1. Для того, чтобы стать инженером, квалифицированным рабочим, врачом, агрономом и т. п., надо учиться.

Надо учиться и для того, чтобы стать писателем, работником художественной литературы или журналистом-публицистом. Многие думают, что достаточно иметь некоторые способности, чтобы сесть за стол и писать статьи, рассказы, стихи и пр. Это неверно. Известные способности нужны для всякой работы, но без выучки ни в какой работе, в том числе и в литературной работе, успеха не достигнешь.

2. Как и любой советский работник, начинающий писатель, в первую очередь, должен всячески расширять свое общее образование, свою политическую грамотность, должен стараться овладеть методом марксизма-ленинизма; в противном случае, он не сможет правильно разбираться в нашей текущей действительности, правильно отбирать из нее материал для своей писательской работы и правильно освещать этот материал. Эта часть писательской учебы имеет огромное значение, потому что наш писатель, прежде всего, участник социалистической стройки, и если он малообразован, да и политически неграмотен, то лучше всего вовсе не писать: от его писаний не будет никакой общественной пользы. Здесь вполне применимы слова, сказанные в свое время Некрасовым:

Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.

Таким образом, *первоочередная задача для всякого начинающего писателя — повышать свое общее и политическое образование;* только в этом случае он сможет дать читателю общественно-полезный и интересный материал. Как мы увидим ниже (6), эта задача имеет и специальное значение для начинающего писателя.

Но этого мало.

3. Литературная работа, как и всякая работа, имеет свои специальные задания, свою особую технику, которой также нужно научиться. Как бы ни были интересны те мысли и образы, которые писатель хочет передать своему читателю, из его работы ничего не получится, если он не овладел техникой своего дела. В этой специальной области писательской учебы *особенно важное значение имеет работа над языком.*

4. Каждый из нас прекрасно знает, какое огромное значение имеет тот язык, которым написано литературное произведение или статья в газете. Самые интересные мысли пропадают для читателя, если писатель не умеет владеть языком; ведь читатель судит о литературном произведении не по замыслам писателя, а по тому, как эти замыслы *изложены посредством языка.* Вот почему даже крупнейшие наши писатели долго и упорно работали над языком своих литературных произведений; они заменяли одни слова и выражения другими, более подходящими, выбрасывали лишнее или неудачное, придумывали все новые поправки к первоначальному черновому наброску своего произведения. Каждая фраза, каждое слово подвергались ими тщательной проработке. Сохранившиеся в наших литературных музеях и архивах черновые тетради крупнейших писателей наглядно показывают, какую работу проделывали они над языком своих произведений, прежде чем выпускать их в свет. А эти писатели, в большинстве, происходили из дворянско-помещичьего или буржуазного класса: они имели возможность получить длительное образование и много читать, а это одно уже развивает и совершенствует язык. Для современного писателя из рабочих и крестьян *дело обстоит труднее*, поэтому и работа над языком своего произведения приобретает для него еще более важное значение, становится еще *более ответственной.*

5. Работа эта становится еще более ответственной, если принять во внимание то положение, в котором находится сейчас русский язык в результате крупнейших социальных сдвигов, вызванных Октябрьской революцией. Писатель должен уяснить себе это положение, чтобы осознать свое место в общей работе по поднятию языковой культуры в нашей стране. Прежде чем осветить это положение, следует, однако, остановиться на уже затронутом вопросе о том, какое спе-

циальное значение для начинающего писателя должна иметь работа по самообразованию (см. § 2).

6. Самая большая опасность, которая подстерегает человека, начинающего писать (в равной мере как и начинающего выступать публично с докладами и т. п.) — это то, что, овладевая искусством гладкой, даже красивой речи, он может упустить основное — содержание своей речи. Примеры такой внешне гладкой и вполне благополучной, но внутренно бессодержательной речи у нас встречаются на каждом шагу. Начинающий должен сразу же предохранить себя от этого пустозвонства; оно принесет ему только вред. На первых порах он будет даже доволен своим видимым успехом, будет считать это своим достижением, но успех этот только кажущийся. У такого человека внешняя языковая техника оторвалась от того внутреннего материала, для обнаружения которого она только и должна существовать, которым она должна питаться; ей грозит участь засохнуть, как растению, корень которого обнажен.

Как избегнуть этой участи? *Крепкой увязкой обучения языковой технике с самообразованием*, в частности, с работой по использованию книги. Только в этом случае работа по развитию языка будет итти нога в ногу с работой по развитию мышления, приобретению знаний, обогащению внутреннего опыта.

7. Ясно, что вопрос о том, как научиться писать, тесно связан с вопросом о том, как научиться читать. Уже читая книгу, начинающий овладевает литературным языком, но если он *только* читает, он овладевает им пассивно. Бывает и еще хуже: «Читать может, а понимать не может», т. е. после *только* чтения остается только развести руками и пожалеть о бесплодно потерянном времени. Мало только читать, необходимо читаемое *прорабатывать*. Работая над выписками из книги, начинающий закрепляет и углубляет свое знание литературного языка; составляя конспекты и тезисы, он занимается уже более самостоятельной письменной работой, «не теряя, однако, связи со своим образцом — с книгой».

Но работа по самообразованию и чтению имеет еще и иное практическое значение: начинающий писатель *тем лучше сумеет работать над языком своих произведений, чем больше он будет обогащать свой язык* приобретением новых слов, выражений, новых способов связывать слова и предложения между собой и т. д. Ведь ему придется постоянно *выбирать* между разными возможностями выразить одну и

ту же мысль, один и тот же образ; начинающий писатель постоянно должен будет ставить себе вопрос: а нельзя ли точнее и лучше высказать ту мысль, которую он только что записал? Но для этого нужно, чтобы ему было *из чего выбирать,* чтобы его язык был, по возможности, более богатым, более разнообразным. *Огромную помощь для развития и обогащения языка окажет ему самообразование и чтение книг.*

II

8. Октябрьская революция поставила перед нами на разрешение ряд важнейших практических заданий в области языка. Никогда и нигде в мире не стоял, например, так, как у нас, вопрос о создании доступной по языку для широчайших масс газеты; не менее актуально стоит и вопрос о массовой устной публичной речи, о речи докладчиков, агитаторов и пропагандистов, лекторов и т. п.; разве вставал когда-нибудь раньше вопрос о том, что язык наших законов, правительственных распоряжений, циркуляров и пр. должен быть рассчитан на то, чтобы его могли легко усваивать широчайшие массы? Разве раньше заботились сколько-нибудь серьезно о создании доступной для широких масс художественной литературы? Нет. Эти вопросы поставила перед нами только Октябрьская революция. Но этим дело не ограничивается. В. И. Ленин говорил, что в наших условиях каждая кухарка должна научиться управлять государством. А это значит, что перед широкими массами стоит *задача овладеть теми сложными видами речи, которые раньше находились в руках господствующих классов.*

Рабочие и крестьяне должны научиться писать статьи и книги, делать доклады, читать лекции. Перед рабочими и крестьянами стоит задача по созданию *новой языковой культуры,* которая по своему качеству должна быть не только не ниже, но и выше и шире той языковой культуры, которую в свое время создали дворяне-помещики и буржуазия; использовав все ценное в достижениях прошлого, мы должны и в этой области превысить дореволюционный уровень. Задача перед нами стоит большая и трудная; кое-что в этой области делается и сделано. Но идем ли мы вперед? И правильно ли идем? Этот вопрос невольно возникает в связи с тем, что мы постоянно слышим о крупных недостатках нашего современного языка, о том, что наша современная языковая культура очень низка.

9. Время от времени в наших газетах и журналах появляются статьи и заметки, посвященные современному русскому языку. Авторы этих статей и заметок указывают на крупные недостатки нашего современного языка и приводят соответствующие примеры из газетных статей, речей наших ораторов и докладчиков и из произведений художественной литературы. К этим статьям и заметкам следует относиться очень осторожно, потому что многие из них написаны людьми мало сведущими в вопросах языка; но, с другой стороны, не нужно от них просто отмахиваться, закрывать глаза на то многое верное, что они отмечают. Эти статьи и заметки сигнализируют о некоторых действительных недочетах в строительстве нашей языковой культуры. В этой области нашего строительства, действительно, не все обстоит благополучно. Для того чтобы обратить внимание на этот вопрос, мы приведем небольшую заметку В. И. Ленина «Об очистке русского языка». Заметка эта не предназначалась для печати, она была передана В. И. Лениным Н. И. Бухарину в 1919 или 1920 г. и опубликована в «Правде» в 1925 г. В. И. в этой заметке касается одного из вопросов нашей современной языковой культуры, а именно, вопроса об употреблении в нашей речи иностранных слов; приводим эту заметку, как высоко авторитетное свидетельство о том, что отрицательная оценка многих сторон нашего современного языка имеет под собой действительные основания. Вот эта заметка:

ОБ ОЧИСТКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать «недочеты», или «недостатки», или пробелы».

Конечно, когда человек, недавно научившийся читать вообще, и особенно читать газеты, принимается усердно читатать их, он невольно усваивает газетные обороты речи. Именно газетный язык у нас, однако, тоже начинает портиться. Если недавно научившемуся читать простительно употреблять, как новичку, иностранные слова, то литераторам простить этого нельзя. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?

Сознаюсь, что, если меня употребление иностранных слов без надобности озлобляет (ибо это затрудняет наше влияние на массу), то некоторые ошибки пишущих в газетах совсем

уже могут вывести из себя. Например, употребляют слово «будировать» в смысле возбуждать, тормошить, будить. Но французское слово «bouder» (будэ) значит «сердиться», «дуться». Поэтому «будировать» значит, на самом деле, «сердиться», «дуться». Перенимать французско-нижегородское словоупотребление значит перенимать худшее от худших представителей руского помещичьего класса, который по-французски учился, но, во-первых, недоучился, а во-вторых, коверкал русский язык.

Не пора ли объявить войну коверканью русского языка?

10. Итак, при огромных и трудных задачах, которые стоят перед нами в области повышения и организации нашей языковой культуры, и при некоторых достижениях, которые в этой области имеются, мы должны считаться с тем, что в современном нашем языке *не все обстоит благополучно*, что, в известной мере, мы можем говорить о порче русского языка. Начинающий писатель должен хорошенько усвоить, что та работа над языком своих произведений, которая ему предстоит, *есть лишь часть всей большой работы по развитию нашей языковой культуры*. Писатель есть *лишь один* из борцов за эту языковую культуру, но один из ответственных борцов, потому что его работа идет в широкие массы и может либо повысить, либо, если он не на высоте, понизить уровень языковой культуры масс.

Эта работа — одна из его боевых задач на фронте культурной революции.

О ЗНАЧЕНИИ ПЕЧАТИ И ЯЗЫКОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПИСАТЕЛЯ

I

1. Мы говорили о том, что начинающий писатель (работник художественной литературы, критик, журналист, публицист и пр.) должен самым тщательным образом работать над языком своего литературного произведения (стихотворения, рассказа, статьи, фельетона и т. п.). Работая над языком своего произведения, писатель должен не только следить за *общей* связью своей речи и *за общим* соответствием ее тем мыслям, которые он хочет выразить, но и внимательнейшим образом входить в оценку *отдельных* слов и выражений, а также выбирать наилучшее построение *отдельных* фраз.

Писатель должен отвечать за каждую фразу, за каждое слово, которое он выпускает из-под пера.

Существует, однако, мнение, которое мы также вскользь отмечали, что писателю вовсе не нужно «ковыряться» в отдельных словах и выражениях, в построении фраз и других тому подобных, как выражаются сторонники этого мнения, «мелочах». Сторонники этого мнения приводят различные доводы *против* необходимости тщательной проработки писателем языка своего произведения. Что это за доводы, и в чем подоплека такой *неверной и вредной* точки зрения?

2. Многие думают, что писателю достаточно знать, о чем писать, и «прочувствовать» свой материал, а слова «и сами пойдут» (на манер, очевидно, знаменитой «дубинушки»); писатель, дескать, не «ремесленник», а «творец», работает не с натуги, а по «вдохновению», «душой», «нутром». Писатель «творит» свободно, как поет птица; заставлять его размениваться на мелочную «кропательскую» проработку языка — это значит убивать его вдохновение, губить его непосредственный талант. Одним словом, сторонники этого мнения явным образом рекомендуют писателю «творить» по образу пушкинского Моцарта (исторически существовавший Мо-

царт весьма не похож на пушкинского). Такую точку зрения можно встретить даже среди советского писательского молодняка. В чем ее корни?

3. Иногда ларчик открывается довольно просто, и находим мы в нем самое откровенное *неумение и нежелание работать*, соединенное, зачастую, с некоторой порцией *литературного чванства:* напечатал человек рассказ или стихотворение, вообразил себя великим «талантом» и почил от дел на лаврах «вдохновения». Сплошь и рядом достаточно немного поскрести такого «моцарта», чтобы открыть «митрофанушку», бездельника и лежебоку. В самом деле, ведь гораздо «легче» творить по «вдохновению» и «из нутра», чем, сознательно продумывая различные возможные способы выразить свою мысль, остановиться на наилучшем, наиболее целесообразном. Те, кто советует писать по «вдохновению» и «из нутра», кто отрицает необходимость серьезной проработки языкового материала, внимательнейшего отношения к слову, те — сознательно или бессознательно — зовут нас работать по способу «тяп-ляп и готово», но *«тяпляпству» не место в писательской работе, как и во всякой другой.* Нужно всячески бороться с лентяями или халтурщиками, которые придумывают оправдание своей лени или халтуре и находят его в «вдохновении» и «нутре».

4. Но очень часто наш «моцарт» оказывается несколько иного и еще более сомнительного происхождения; достаточно немного поскрести *такого* «моцарта», чтобы открыть человека *совершенно чуждой нам идеологии,* который под шумок высокопарных фраз о «вдохновении» и «свободном непосредственном творчестве» или простецких фраз о «нутре» протаскивает *чисто поповские взгляды* на писателя и, особенно, на поэта-стихотворца. Поясним в чем дело.

5. В доброе старое время существовал взгляд на работника искусства, художника, как на человека совершенно *особого*, и особого не только и не столько потому, что он обладал специальными дарованиями, «талантом», но, главным образом, потому, что он находился в *особых тесных сношениях с высшим существом* — богом, диаволом, музой. Художник творит под диктовку этого высшего существа, которое осеняет его вдохновением, даже вселяется в него, пробуждая все его внутренние «душевные» силы (его «нутро»); боговдохновенный художник поэтому часто ставится на одну доску с пророками и жрецами. Эта старая точка зрения прекрасно изложена в известном стихотворении Пушкина (не следует,

конечно, думать, что Пушкин придерживался сам этой точки зрения):

Пока не требует поэта
К *священной жертве* Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен.
Молчит его *святая лира*,
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира
Быть может всех ничтожней он.
Но лишь *божественный глагол*
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел...

Подобно тому, как пророк не сам пророчествует, а его устами говорит бог, подобно тому, как чудотворец не сам «творит» чудеса, а лишь через него «творит» их тот же бог, — подобно этому и поэт не сам создает свои произведения, а все тот же бог или иное высшее существо, вселившееся в поэта, действующее через него.

6. С этой — откровенно поповской — точки зрения роль самого поэта, его собственного *труда* естественно сводится к нулю; с этой точки зрения вполне законно отрицать необходимость тщательной работы над литературным произведением вообще и над его языком в частности: «осенил» тебя господь — хорошо; не осенил — все равно ничего не выйдет; как ни старайся, как ни работай, а твоя «святая лира» будет молчать: ведь тебя Аполлон не пригласил к «священной жертве». Роль поэта сводится, следовательно, к тому, чтобы сидеть и ждать у моря погоды или у рабочего стола — «божественный глагол».

В наши дни никто не станет всерьез говорить о боге или музе; Аполлоны, несомненно, вышли из моды; но есть люди, даже в нашей советской обстановке, которые никак не могут расстаться со старым хламом и преподносят его в несколько подновленном и осовремененном виде. Когда в наши дни, ссылаясь на «вдохновение», на «нутро», на «свободное творчество», говорят о ненужности для поэта работать над своим материалом, то совершенно ясно, что здесь из-за всех этих громких слов выглядывает господь бог: посетило тебя таинственное «вдохновение», заговорила твоя «душа», твое «нутро» — хорошо, можно и не работать; вдохновение и нутро (т. е. «господь бог») сами за тебя все сделают.

Возражать во имя «вдохновения» и т. д. против тщатель-

ной проработки литературным работником своего произведения — это значит, снижая качество его работы, одновременно разлагать его мировоззрение; это значит — *заниматься вредительством в области литературной работы на основе явно поповской идеологии.*

7. Кое-кто считает ненужной тщательную работу над языком, рассуждая, примерно, так: писать нужно попросту, без затей, не «мудрствуя лукаво»; вместо того, чтобы корпеть над словами и фразами, оценивать их, отбирать наилучшее — пиши просто, пиши, как говоришь. Это мнение, действительно, подкупает своей «простотой», но за этой простотой скрывается, к сожалению, невежество. Мы не должны писать так, как говорим. Ниже мы постараемся доказать почему.

Наша повседневная разговорная речь воспитывает в нас невнимательное и небрежное отношение к слову; в повседневном бытовом разговоре мы не особенно обдумываем то, *как нам выразить нашу мысль;* обычно мы говорим «как попало», лишь бы нас поняли, а если нас не поняли или неправильно поняли, мы имеем возможность тут же поправиться: наш собеседник находится в непосредственной связи с нами, мы его видим и слышим. Повседневное языковое общение не воспитывает в нас *ответственности* за каждую фразу, за каждое слово, которое мы высказываем. С другой стороны, самое понимание нас нашим собеседником в повседневном разговорном общении осуществляется не только за счет тех фраз, которые мы произносим, но и за счет интонаций нашего голоса, мимики, жестов и самой внешней обстановки разговора; наш собеседник понимает нас не только потому, что воспринимает те слова, которые мы произносим, но и потому, что видит и слышит нас; иногда в разговорном языке интонации голоса и жесты имеют более важное значение для понимания, чем самые слова. Вот почему сплошь и рядом мы понимаем друг друга в разговоре с полуслова, с намека.

8. Иное дело в *письменной* и, особенно, в *печатной* речи.

Печатная речь обращена не к одному или нескольким собеседникам, как речь разговорная, а к сотням и тысячам, а то и к бо́льшему количеству. Писатель обращается к массе, и по этому одному, как мы уже говорили, должен отвечать за каждую фразу, за каждое слово; невнимательное и небрежное отношение к слову, которое и в разговоре сплошь да рядом ведет к недоразумениям (здесь, однако, мы можем легко поправиться), в печатной речи является *преступлением*

перед массами, к которым обращается писатель. Печатная речь неизмеримо более *ответственное дело,* чем разговорная; недаром говорят: «что написано пером, того не вырубить топором»; в еще большей степени это можно сказать о том, что *напечатано.*

С другой стороны, в письменной речи вообще и в печатной в частности слова предоставлены самим себе, они не имеют поддержки ввиде мимики, жестов, интонации голоса; читатель только читает написанные писателем слова, но не видит и не слышит его. Поэтому печатная речь должна строиться более тщательно, более полно, более отчетливо, чем разговорная; здесь ни в коем случае нельзя отделаться намеками и полусловами; здесь должны быть мобилизованы все слова, нужные для того, чтобы читатель *наверняка* уяснил мысль писателя.

Из того, что сказано, ясно, что нельзя писать, как говоришь; советовать писателю писать так, как он говорит, это все равно, что советовать певцу открывать рот при пении так, как он это делает, когда мурлычит что-нибудь про себя или зевает. Разная социальная установка и обстановка письменной и разговорной речи определяют и разную технику самого высказывания, разный способ обращения со словами и фразами, разный способ построения фраз. Начинающему писателю нужно посоветовать *отучиться писать так, как он говорит* в повседневном разговоре, т. е. отучиться от небрежного и неряшливого обращения с речью, а научиться тому способу построения речи, который свойственен письменной речи, где мы имеем более или менее длительное, связное и организованное изложение мыслей, в отличие от разговора, где мы перебрасываемся короткими и неорганизованными репликами.

9. Некоторые думают, что тщательная проработка отдельных фраз и слов принесет писателю вред в том отношении, что он, увлекшись «мелочами», забудет о главном — о *содержании* своего произведения. Язык, думают они, станет для писателя *самоцелью,* его писательство превратится в *игру словами;* писатель потеряет ощущение *целого* произведения, за «деревьями» не будет видеть «леса».

Эти соображения необходимо иметь ввиду каждому писателю, но не как *возражения* против необходимости работать над языком своего произведения, а как *предостережение* против возможного нездорового уклона в его работе.

Работа над языком ни в коем случае не должна становиться самоцелью; работа над языком должна в первую очередь иметь ввиду наиболее *экономное*, наиболее *отчетливое*, наиболее *понятное* для того читателя, на которого рассчитывает автор, изложение мыслей и образов писателя; таким образом, *при всей важности ее*, работа над языком имеет *подсобное значение*. Если писателю нечего сказать, если он не продумал свой материал, если его произведение не имеет социально-ценной установки, то, конечно, его работа над языком окажется игрой в бирюльки, пустым делом. Но чем *значительнее* то, что писатель имеет передать читателю, тем *необходимее* и *ответственнее* становится работа над языком и, при этом, работа самая тщательная, самая подробная.

Внимательное и ответственное отношение к слову — это то, что писатель должен во что бы то ни стало выработать у себя, это должно стать его привычкой.

II

10. Писатель должен осознать себя *как работника печати*, занимающего ответственное место в социалистическом строительстве. О значении, месте и задачах печати для рабочего класса высказывался неоднократно Ленин, расценивая печать как «центр и основу политической организации». В 1926 году ГИЗ выпустил сборник, суммирующий высказывания Ленина о рабочей печати («В. И. Ленин о рабочей печати»). Эту книгу необходимо прочитать и усвоить, проработать, как следует, каждому сознательному рабочему, каждому рабкору, каждому сознательному молодому пролетарскому писателю, проводнику языковой политики партии. Ибо: «Печать — единственное орудие, при помощи которого партия ежедневно, ежечасно говорит с рабочим классом на своем, нужном ему языке. Других средств протянуть духовные нити между партией и классом, другого такого гибкого аппарата — в природе не имеется». [И. Сталин. XII съезд РКП(б).]

11. В «Правде», в 1921 году (сб. «В. И. Ленин о рабочей печати», гл. V — «Коммунистическая печать в переходный период») Ленин писал: «Мы начали делать из газеты орудие просвещения масс и обучения их жить и строить свое хозяйство без помещиков и капиталистов».

Как же культурно-просветительная работа многотысяч-

ной армии рабкоров и начинающих писателей будет полноценной, если товарищи не будут сознательно относиться к языковому процессу, к могучему орудию классовой борьбы, отметая в сторону небрежное, прохладное, невнимательное отношение к языку?

Участию в органах печати именно самих рабочих, а не профессионалов литераторов, Ленин придавал главенствующее значение. Еще в 1904 году, в письме к товарищу по газете «Вперед» (Сб. «В. И. Ленин о рабочей печати», гл. II — «Как сделать газету действительным органом рабочего класса»), у Ленина находим: «Мы будем вести орган лишь при условии, чтобы он был органом русского движения, а никаким образом не заграничного кружка. Для этого необходимо прежде всего — энергичная «литературная» поддержка, вернее, литературное участие из России; я подчеркиваю и ставлю в кавычки слово «литературная», чтобы отметить сразу особый смысл его и предостеречь от недоразумения, очень обычного и страшно вредного для дела. Это недоразумение, будто бы именно литераторы и только литераторы (в профессиональном смысле этого слова) способны с успехом участвовать в органе; напротив, орган будет живым и жизненным лишь тогда, когда на пяток руководящих и постоянно пишущих литераторов — придется пятьсот и пять тысяч работников не литераторов. Мы печатали, бывало, всегда почти без исключения все, присылавшееся из России. Орган действительно живой должен печатать $^{1}/_{10}$ присылаемого, утилизируя остальное для информации и указания литераторам».

В условиях нашей социалистической стройки, при наличии сильно развитого рабселькоровского движения, при наличии сильной тяги в литературу рабочего и крестьянского молодняка, вопросы культуры языка, вопросы языкового строительства приобретают первостепенное значение. *Призыв масс в печать и литературу требует с их стороны внимательного и ответственного отношения к слову.*

12. *Привычкой* внимательное отношение к слову является у всех крупнейших писателей и не только у работников художественной литературы, но и у крупнейших общественных деятелей, которым по роду *своей* деятельности приходится пользоваться теми или иными разновидностями устной и письменной речи.

Любопытнейший материал в этом отношении дает переписка Маркса и Энгельса по поводу заглавия брошюры

Маркса «Господин Фогт». В сентябре 1860 года Маркс писал Энгельсу: «Кстати! Ты прав, что «Экс-имперский Фогт» заглавие неподходящее. «Карл Фогт» кажется неудобно потому, что я не хочу поставить «Карл Маркс» под «Карлом Фогтом». Поэтому я хочу озаглавить: «Да-Да-Фогт». Как сказано у меня в главе, посвященной критике фогтовских исследований, Да-Да — это арабский писатель, которым Бонапарт пользуется в Алжире, точно так, как Фогтом в Женеве. Да-Да возбуждает любопытство у обывателя и звучит комично».

Энгельс — Марксу: «По вопросу о Фогте: я должен сказать, что твое заглавие мне совсем не нравится. Если ты хочешь дать ему кличку, то она должна быть понятна до чтения книги, или ее можно употребить в самой книге, после объясняющего ее места. Я думаю, что чем проще и непритязательнее будет заглавие, тем лучше, но кроме «Фогта» в нем должен быть, по возможности, упомянут Бонапарт, или, по крайней мере, Плон-Плон. Если «Карл Фогт» тебя стесняет, назови его «Господин Фогт», хотя я не вижу почему «Карл» не может стоять перед Карлом — шутить по этому поводу над тобой никто не станет».

Маркс — Энгельсу: «О заглавии я еще подумаю. То обстоятельство, что Да-Да возбудит у обывателя любопытство, нравится мне и подходит к системе насмешки и третирования. Но я еще тщательно посоветуюсь на этот счет со своей критической совестью».

Энгельс — Марксу: «Что касается заглавия, я повторяю, что во всяком случае то заглавие самое неудачное, которое можно понять лишь после того, как прочтешь полкниги. Это мое мнение определенно разделяет Лупус. Обыватель уже давно не так интересуется Фогтом, чтобы ломать себе голову над загадкой, почему ты называешь его Да-Да? Единственно, что может сделать Фогта интересным — это его связь с Бонапартом и Плон-Плоном, и это ты должен подчеркнуть в заглавии, чтобы возбудить любопытство у обывателя. Системой насмешек и третирования в заглавии ты вряд ли добьешься чего-либо иного, кроме вычурного или искусственного заглавия. Простое заглавие, несомненно, лучше всего; насмешек и третирования имеется достаточно в самой книге».

В ноябре 1860 года Маркс согласился с вариантом заголовка, предложенным Энгельсом: «Господин Фогт». «В вопросе о заглавии я тебе уступил и (вчера) поставил «Господин Фогт». Моя жена решительно против этого и настаивала

на «Да-Да-Фогт», сделав весьма ученое замечание, что даже в греческих трагедиях часто на первый взгляд нет никакой связи между заглавием и содержанием». Таким образом, даже такой с первого взгляда «пустяк», как заголовок брошюры, подвергается тщательному обсуждению.

Для нашего начинающего писателя особенно поучительным может быть пример В. И. Ленина. Ниже мы приводим ряд примеров из произведений В. И., характеризующих его отношение к слову. Слово для Ленина, как увидит читатель, было ответственнейшим делом.

III

13. В 1920 г. в РСФСР приезжал член английской рабочей партии Ленсбери; между прочим, он указывал, что вожди английских тред-юнионов говорят, что «компромиссы допустимы и для них, если они допустимы для большевизма»; В. И. Ленин в статье «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (том XVII, стр. 129) дает подробный анализ (разбор) значения слова «компромисс» и показывает, что такое утверждение английских «вождей» основано на неряшливом употреблении слова «компромисс», опровергая, таким образом, возможность ссылки на тактику большевизма для оправдания оппортунистической тактики английских тред-юнионов Ленин говорит:

«...когда я слышу замечание товарища Ленсбери, сделанное им в разговоре со мной: «наши английские вожди тред-юнионов говорят, что компромиссы допустимы и для них, если они были допустимы для «большевизма», я отвечаю обыкновенно прежде всего простым и «популярным» сравнением: представьте себе, что ваш автомобиль остановили вооруженные бандиты. Вы даете им деньги, паспорт, револьвер, автомобиль. Вы получаете избавление от приятного соседства с бандитами. Компромисс налицо, несомненно. «Do ut des» («даю» тебе деньги, оружие, автомобиль, «чтобы ты дал» мне возможность уйти подобру-поздорову). Но трудно найти не сошедшего с ума человека, который бы объявил подобный компромисс «принципиально недопустимым» или объявил лицо, заключившее такой компромисс, соучастником бандитов (хотя бандиты, сев на автомобиль, могли употребить и его и оружие для новых разбоев). Наш компромисс с бандитами германского империализма был подобен такому компромиссу».

То есть, слово «компромисс» имеет в данном случае иное значение, чем в применении к обстановке, в которой заключают «компромиссы» вожди тред-юнионов, а в связи с этим падают и все их доводы.

14. В заключительном слове Ленина по докладу на VII съезде РКП мы читаем:

«Тов. Троцкий говорит, что мир (речь идет о Брестском мире) будет предательством в полном смысле слова. Я утверждаю, что это совершенно неверный способ рассуждения, когда люди впадают в фразу»;

и дальше:

«слова, что мы предали Финляндию, являются самой ребяческой фразой».

Почему? Потому, что слово «предали» употреблено здесь в общем, неопределенном значении, без анализа конкретного явления, которое оно обозначает, и без точного представления о значении самого слова. Ленин на примерах поясняет, почему слово «предали» здесь неприменимо:

«Два человека идут. На них нападает десять. Один борется, другой бежит. Это предательство. Две армии по 100 тысяч; против них пять таких же армий. Одну армию окружили 200 тысяч; другая должна итти на помощь, но она вдруг узнает, что 300 тысяч подготовили ей на пути ловушку. Можно ли ей итти на помощь? Нет, нельзя! Это уже не предательство и не трусость».

15. В статье о «левом» ребячестве и мелкобуржуазности» (т. XV, стр. 239) Ленин полемизирует с «левыми» коммунистами по вопросу об отношении к войне, причем разоблачает их лозунг «международная революционная пропаганда делом» как пустой набор слов без всякого конкретного значения:

«Своей» политики у «левых» нет; объявить отступление сейчас ненужным они не смеют. Они вертятся и виляют, играя словами, подсовывают вопрос о «непрерывном» избегании боя на место вопроса об избегании боя в данный момент. Они пускают мыльные пузыри: «Международная революционная пропаганда делом»!! Что это значит? Это может значить только одно из двух: либо это ноздревщина, либо это наступательная война в целях свержения международного империализма. Сказать открыто такой вздор нельзя, а потому и приходится «левым» коммунистам спасаться от осмеяния их всяким сознательным пролетарием под сень громкозвучащих и пустейших фраз: авось, дескать, невнима-

тельный читатель не заметит, что это собственно такое значит: «международная революционная пропаганда делом». Швыряться громкими фразами — свойство деклассированной мелкобуржуазной интеллигенции. Организованные пролетарии-коммунисты за эту «манеру» будут карать наверное не меньше, как насмешками и изгнанием со всякого ответственного поста. Надо говорить массам горькую правду просто, ясно, прямо. . .»

16. В статье «Прикрашивание буржуазии левонародниками» (т. XII, ч. 2, стр. 426) Ленин обрушивается на одного из левонародников за нечистоплотное употребление выражения «трудовое хозяйство»; Ленин говорит:

«Спрашивается, разве это не подкрашивание буржуазии и капитализма, когда за «трудовые хозяйства» выдаются батраки и поденщики, наемные рабочие?! Разве не служит здесь глупенькое словечко «трудовой хозяин» для того, чтобы затушевать пропасть между пролетариатом и буржуазией?? Разве это словечко не служит протаскиванию буржуазных теорий??»

17. В речи «об единстве партии и анархо-синдикалистском уклоне» (т. XVIII, ч. I, стр. 156—7) Ленин сперва говорит о невозможности употреблять слова «вообще» (не уточняя, не конкретизируя их значения), а затем, упомянув о существовании анархо-синдикалистского уклона, во избежание недоразумений тотчас же дает подробное толкование этого слова:

«Маркс и Энгельс беспощадно боролись с людьми, которые забывали о различии классов, говорили о производителях, о народе или о трудящихся вообще. Кто сколько-нибудь знает произведения Маркса и Энгельса, тот не может забыть, что через все эти произведения проходит высмеивание тех, кто говорит о производителях, о народе, о трудящихся вообще... при таких условиях возникновение у нас платформы с тезисами, мною прочитанными, представляет явный и очевидный уклон синдикалистско-анархический. Эти слова не чрезмерные, они обдуманы. Уклон не есть еще готовое течение. Уклон есть то, что можно поправить. Люди несколько сбились с дороги или начинают сбиваться, но поправить еще можно. Это, на мой взгляд, и выражается русским словом «уклон». Это подчеркивание того, что тут еще нет чего-либо окончательного, подчеркивание того, что дело — легко поправить, — это желание предостеречь и поставить вопрос во всей полноте и принципиально.

Если кто-либо найдет русское слово, более выражающее эту мысль, пожалуйста...»

18. В статье «О роли и задачах профсоюзов» (т. XVIII, ч. I, стр. 20) Ленин полемизирует с Троцким по поводу значения слова *«зафиксировать»*, которое в данном случае он считает неудачно примененным:

«Тов. Троцкий говорит в тезисах, что по вопросу о рабочей демократии съезду остается «только единодушно зафиксировать». Это неверно. Недостаточно зафиксировать, зафиксировать, значит закрепить то, что вполне взвешено и измерено, а между тем вопрос о производственной демократии далеко еще не взвешен до конца, не испытан, не проверен...»

Требуя от других точного употребления слова и внимательного к нему отношения, Ленин всегда был готов признать и свою ошибку в этой области; так в примечании к «докладу об объединительном съезде РСДРП» (т. VII, ч. I, стр. 115) Ленин соглашается, что он раньше употребил неверный термин:

«в моем проекте сказано «конфискованными»... надо сказать «захваченными», конфискация есть юридическое признание захвата, утверждение его законом».

19. В статье «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина» (т. XVIII, ч. I, стр. 43) Ленин останавливается на том значении, которое имеет самое малое, казалось бы, случайно брошенное слово:

«Тов. Троцкому теперь кажется, что приписывание ему политики «перетряхиванья сверху» «представляет собой чистейшую карикатуру» (Л. Троцкий «Ответ петроградским товарищам» в «Правде» 1921 г. № 9, от 15 января). Но словечко «перетряхиванье» является настоящим «крылатым словечком» не только в том смысле, что, будучи сказано т. Троцким на V Всероссийской конференции профсоюзов, оно облетело, так сказать, и партию и профсоюзы. Нет. Оно остается верным, к сожалению, и посейчас в гораздо более глубоком смысле. Именно: оно одно выражает, в кратчайшей форме, *весь дух, всю тенденцию* брошюры-платформы «Роль и задачи профсоюзов».

20. По поводу поправок к одной резолюции («Защита тактики Коммунистического интернационала», т. XVIII, ч. I, стр. 303), Ленин входит в подробный сравнительный разбор слов «положения», «принципы» и «цели»; он говорит:

«Основные положения и цели — две разные вещи: в целях с нами будут согласны и анархисты, потому что и они стоят

за уничтожение эксплоатации и различия классов. Я в своей жизни встречался и разговаривал с немногими анархистами, все же их было достаточно. Мне подчас удавалось столковаться с ними о целях, но никогда о принципах. Принципы — это не цель, и не программа, и не тактика, и не теория. Тактика и теория — это не принципы. Что отличает нас от анархистов в отношении принципов? Принципы коммунизма заключаются в установлении диктатуры пролетариата и в применении государственного принуждения в переходный период. Таковы принципы коммунизма, но его целью это отнюдь не является. И товарищи, внесшие такое предложение, совершили ошибку».

21. Сознание огромного значения слова, в частности названия, заставило Ленина в 1917 г. требовать замены старого названия партии [РСДРП(б)] новым (Коммунистическая партия); в статье «Задачи пролетариата в нашей революции» (т. XIV, ч. I, стр. 63) Ленин указывает:

«Объективное, всемирное положение таково, что старое название нашей партии *облегчает* обман масс, *тормозит* движение вперед, ибо на каждом шагу, в каждой газете, в каждой парламентской фракции масса видит *вождей,* т. е. людей, слова которых громче слышны, дела дальше видны, — и все они «тоже — социал-демократы», все они «за единство» с изменниками социализма, социал-шовинистами, все они представляют к уплате старые векселя, выданные «социал-демократией».

22. Очень интересны также соображения Ленина, высказанные им по поводу названия «политпросвет», «политпросветчики» в речи на II Всероссийском съезде политпросветов (т. XVIII, ч. I, ст. 383—4):

«Вас спросят, как сделать, чтобы не было взяток, чтобы в исполкоме такой-то взяток не брал, научите, как этого добиться. И, если политпросветчики скажут: «это не по нашему ведомству», «у нас изданы по этому поводу брошюры и прокламации», народ нам скажет: «плохие вы члены партии: это, правда, не по вашему ведомству, для этого есть рабкоры, но ведь вы являетесь членами партии». Вы взяли на себя название политического просвещения. Когда вы такое название брали, вас предупреждали: не запахивайтесь очень в название, а берите название попроще. Но вы хотели взять название политического просвещения, а в этом названии многое заключается. Ведь вы не назвали себя людьми, которые

учат народ азбуке, но вы взяли название политического просвещения».

23. Высказываясь о необходимости внимательного отношения к слову, Ленин особо останавливался на отдельных своеобразных случаях речевого высказывания в той или иной специальной обстановке; так в статье « О карикатуре на марксизм», говоря об условиях ведения *дискуссии,* Ленин говорит:

«спорить о словах, конечно, не умно. Запретить употреблять «слово» империализм так или иначе невозможно. Но надо точно выяснить понятия, если хотеть вести дискуссию».

В статье-рецензии на книгу А. Богданова «Краткий курс экономической науки» (т. II, стр. 375) он высказывается о роли слова в такой особой литературной форме, как *конспект;* высказав общие замечания по поведу разбираемой книги и заметив, что автор сам называет свою книгу «конспектом», Ленин говорит:

«Обратимся теперь ко второй части наших замечаний, к указанию тех мест книги т. Богданова, которые требуют, по нашему мнению, исправления или дополнения. Надеемся, что почтенный автор не посетует на нас за мелкость и даже придирчивость этих замечаний: в конспекте отдельные фразы и даже отдельные слова имеют несравненно более важное значение, чем в обстоятельном и подробном изложении».

Далее, в статье «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина» (т. XVIII, ч. I, стр. 47 — 48) делает подобного же типа замечания по поводу *тезисов:*

«То, чем отличаются тезисы Троцкого от тезисов Рудзутака, неверно у Троцкого. Возьмем для начала пресловутую «производственную демократию», которую т. Бухарин поспешил вставить в резолюцию ЦК от 7 декабря. Конечно, смешно было бы придираться к этому неуклюжему и интеллигентски-искусственному («выкрутасы») термину, если бы он был употреблен в речи или в статье. Но ведь как раз Троцкий и Бухарин поставили себя в такое смешное положение, что они настаивают в тезисах именно на этом термине, отличающем их «платформы» от принятых профсоюзами тезисов Рудзутака... Посмотрите на разъяснение этого термина самим Бухариным в написанной им резолюции пленума ЦК от 7 декабря. «Поэтому, — писал там Бухарин, —методы ра-

бочей демократии должны быть методами производственной демократии». Это значит — заметьте: «это значит!» — Бухарин обращение к массам начинает с такого мудреного термина, что его надо особо объяснять: по-моему, с точки зрения демократизма, это недемократично; для масс надо писать без таких новых терминов, кои требуют особого объяснения».

24. В случае необходимости употреблять термин, требующий особого разъяснения, Ленин всегда разъяснял этот термин (речь идет о случаях, когда он писал для масс; в работах, рассчитанных на более узкий круг читателей, например, в научных работах, Ленин, естественно, оставлял без разъяснения общеизвестные в научной среде, хотя, быть может, и непонятные массам, термины); так, например, в статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» (т. XIV, ч. 2, стр. 177) читаем:

«Капиталисты умышленно и неуклонно саботируют (портят, останавливают, подрывают, тормозят) производство, надеясь, что неслыханная катастрофа будет крахом республики и демократизма. . .»

В речи на Всероссийской апрельской конференции РСДРП 1917 г. находим следующее место:

«Никакого доверия не заслуживают обещания нынешнего правительства отказаться от аннексий, т. е. от завоеваний чужих стран, или от насильственного удержания в пределах России каких-либо народностей» (из проекта резолюции). Так как слово «аннексия» — иностранное, то мы даем ему точное политическое определение, которого ни партия к.-д., ни партия мелкобуржуазных демократов (народники и меньшевики) не могут дать. Нет слов, которые бы употреблялись столь бессмысленно и неопрятно».

25. Употребляя и иностранные термины там, где это было необходимо в научных работах, Ленин, однако, жестоко нападал на любовь некоторых ученых к замысловатым и вычурным терминам, за которыми не было точно уясненного понятия; Ленин справедливо считал это пристрастие к новым ненужным и неясным терминам делом вредным и затемняющим анализ соответствующего явления. Примеров на эту тему можно было бы найти в научных работах Ленина великое множество; приведем некоторые из них. В «Материализме и эмпириокритицизме» (т. X, стр. 272), заканчивая анализ философских работ Петцольдта, Маха и Блея, Ленин так характеризует их:

«Бесцеремонное тупоумие мещанина, самодовольно размазывающего самый истасканный хлам под прикрытием «новой» эмпириокритической систематизации и терминологии,— вот к чему сводятся социологические экскурсии Блея, Петцольда и Маха. Претенциозный костюм словесных вывертов. . .»

В том же сочинении об Авенариусе Ленин говорит (стр. 71): «такой же тарабарщиной, о которой достаточно сказать два слова, является особая терминология Авенариуса, создавшего бесконечное обилие разных «номалов», «секуралов», «фиденциалов» и пр. и пр.».

О Юшкевиче (там же, стр. 136): «в костюме арлекина из кусочков пестрой крикливой «новейшей» терминологии, перед нами — субъективный идеалист. . .»

В противоположность этому (там же, стр. 118):

«Гениальность Маркса и Энгельса и проявилась между прочим в том, что они презирали гелертерскую («ученую» *И. Я.)* игру в новые словечки, мудреные термины, хитрые «измы». . .»

26. Высказываясь о самых сложных научных терминах, Ленин иногда примечал важность таких мелочей языка, на которые иной не обратил бы никакого внимания; в этом отношении чрезвычайно любопытны замечания его о некоторых подробностях языка фабричного закона, изданного в 1897 г. (т. II, стр. 142—143). Ленин говорит здесь о больших правах, предоставленных новым законом министрам по изданию дополнительных правил к этому закону:

«рабочие видят теперь, почему мы сказали, что нельзя перечислить те вопросы, разрешать которые предоставлено министрам: в законе везде наставлено здесь: «и т. п.» да «и пр.». Русские законы можно вообще разделить на два разряда: одни законы, которыми предоставлены какие-нибудь права рабочим и простому народу вообще, другие законы, которые запрещают что-либо и позволяют чиновникам запрещать. В первых законах все самые мелкие права рабочих *перечислены с полной точностью* (даже, напр., право рабочих не являться на работу по уважительным причинам), и *ни малейших* отступлений не полагается под страхом самых свирепых кар. В таких законах никогда уже вы не встретите ни одного «и т. п.» или «и пр.». В законах второго рода всегда даются только общие запрещения, без всякого точного перечисления, так что администрация может запретить все, что ей угодно; в этих законах всегда есть маленькие, но важ-

ные добавления: «и т. п.», «и пр.». Такие словечки наглядно показывают всевластие русских чиновников, полное бесправие народа перед ними...»

27. Сам внимательнейшим образом относившийся к языку и требовавший такого же отношения у других, Ленин всячески боролся с вычурной и запутанной речью, которая обычно скрывает отсутствие ясности мысли или имеет целью сознательно запутать читателя; Ленин беспощадно клеймил такую игру словами. Во многих произведениях Ленина имеются его комментарии (примечания, отзывы) к отрывкам из чужих произведений; иногда Ленин просто переводит на «русский язык» чужую тарабарщину.

В статье «Еще одно уничтожение социализма» Ленин приводит слова Струве:

«Мы определяем хозяйство, как субъективное телеологическое единство рациональной экономической деятельности, или хозяйствования»

и сопровождает их замечанием:

«Это звучит «ужасно учено», но на самом деле представляет из себя пустейшую игру словами» (т. XII, ч. 2, стр. 387).

В статье «Возрастающее несоответствие» (т. XII, ч. 2, стр. 61—62) Ленин приводит выдержку из постановления совещания партии к.-д. по вопросу о тактике:

«Тактика объединенной деятельности всем фронтом оппозиции, представляя необходимое условие для осуществления очередной деловой деятельности Гос. думы, не гарантирует однако ни получения прочного и постоянного большинства Гос. думы для законопроектов оппозиции, ни действительного осуществления тех законопроектов, которые оппозиция могла бы провести через Гос. думу при помощи думского центра».

По поводу этой запутаннейшей цитаты Ленин замечает:

«Эта тарабарщина в переводе на русский язык означает вот что: либералы только с октябристами могут составить большинство в Гос. думе. Такое большинство непостоянно, и его решения в жизнь не проходят».

По поводу другого отрывка из того же постановления Ленин говорит:

«Язык запутан так, как клубок ниток, с которым давно играл котенок».

Цитируя декларацию советского большинства, оглашенную на демократическом совещании (в 1917 г.) Мартовым:

«...Советы депутатов рабочих, солдатских и крестьян-

ских, — созданные в первые дни революции могучим порывом народного творчества, образовали собой ту новую ткань революционной государственности, которая заменила обветшавшую ткань государственного старого режима...» —

Ленин замечает:

«Это сказано немножко чересчур красиво, т. е. вычурность выражений прикрывает здесь недостаток ясности политической мысли. Советы не заменили еще старой «ткани», и эта старая «ткань» не есть государственность старого режима, а государственность и царизма и буржуазной республики».

28. В 1917 г. (после Февральской революции) в речах, статьях, листовках очень в ходу были такие слова, как «революционный народ», «свобода», «революционная демократия» и т. п., причем сплошь и рядом в эти выражения не вкладывалось никакого точного содержания, а бросались они в массы, как побрякушки, которые должны были отвлечь внимание масс от совсем не «революционных» действий тех, кто их бросал. В статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» (том XIV, часть 2, стр. 186) Ленин высказывается об одном из таких выражений:

«Слово «революционная демократия» стало у нас (особенно у эсеров и меньшевиков) почти условной фразой, вроде выражения «слава богу», которое употребляется и людьми не настолько невежественными, чтобы верить в бога, или вроде выражения: «почетный гражданин», с которым обращаются даже иногда к сотрудникам «Дня» или «Единства», хотя почти все догадываются, что газеты эти основаны и содержатся капиталистами в интересах капиталистов и что поэтому участие в них якобы социалистов имеет в себе очень мало «почтенного». Если слова «революционная демократия» употреблять не как шаблонную парадную фразу, не как условную кличку, а *думать* над их значением, то быть демократом значит на деле считаться с интересами большинства народа, а не меньшинства, быть революционером значит ломать все вредное, отжившее самым решительным, самым беспощадным образом».

Ленин требует здесь, чтобы слова употреблялись не автоматически, не механически, но, чтобы, употребляя слова, мы *думали над их значением, точно представляли себе их конкретный смысл.* В этом же смысле Ленин высказы-

вается в другой статье — «Новые времена, старые ошибки в новом виде» (т. XVIII, ч. I, стр. 356). В связи с деятельностью бывшего немецкого коммуниста Леви, Ленин говорит следующее:

«...докатившийся до меньшевизма Леви советует большевикам (победу капитализма над коими он «предсказывает» так же, как все мещане, демократы, социал-демократы и пр. предсказывали нашу гибель в случае разгона нами учредилки) обратиться за помощью ко *всему* рабочему классу. Ибо, извольте видеть, до сих пор помогала им лишь часть его. Здесь Леви совпадает замечательным образом с полуанархистами и крикунами, отчасти с некоторыми из бывшей «рабочей оппозиции», которые любят говорить громкие фразы на тему о том, что большевики теперь «не верят в силы рабочего класса». И меньшевики и анархиствующие превращают это понятие «силы рабочего класса» в фетиш, не умея подумать о его фактическом, конкретном содержании. На место изучения и анализа этого содержания ставится декламация».

В статье «О твердой революционной власти» (т. XIV, ч. 1, стр. 177) Ленин снова возвращается к этому же вопросу:

«Мы за твердую революционную власть. Как бы ни усиливались капиталисты и их прихвостни кричать про нас обратное, ложь их остается ложью. Надо только, чтобы фраза не темнила умы, не засоряла сознания. Когда говорят о «революции», о «революционном народе», о «революционной демократии» и т. п., то *в девяти случаях из десяти* это лганье или самообман. Надо спрашивать, о революции *какого класса* идет речь? о революции *против кого?*»

29. Борьба против «фразы», т. е. против неточного, неопределенного употребления слов, против безответственного швыряния громкими словами (значение которых не учитывается), проходит красной нитью через всю деятельность Владимира Ильича. В момент острейшего политического напряжения Ленин воюет против «фразы», которая «темнит умы, засоряет сознание». В эпоху Брестского мира В. И. так заканчивает статью «О революционной фразе»:

«Летом 1907 г. наша партия тоже пережила аналогичную в некоторых отношениях болезнь революционной фразы... Болезнь повторилась. Время более трудное. Вопрос в миллион раз важнее: заболеть в такое время значит рисковать гибелью революции. Надо воевать против революционной фразы, приходится воевать, обязательно воевать, чтобы не

сказали про нас когда-нибудь горькой правды: революционная фраза о революционной войне погубила революцию».

В заседании ЦК 24 февраля, посвященном обсуждению немецких условий мира и закончившемся их принятием, Ленин в ультимативной форме настаивает на принятии условий Германии, причем его первое выступление зафиксировано в протоколе заседания так:

«Ленин считает, что политика революционной фразы окончена. Если политика эта теперь будет продолжаться, то он выходит из правительства и из ЦК...»

В своем втором выступлении на том же заседании Ленин, отвечая на упреки в том, что он ставил ультиматум, говорит: «У меня нет ни малейшей тени колебания. Я ставлю ультиматум не для того, чтобы его снимать. Я не хочу революционной фразы».

Нельзя ярче подчеркнуть важность борьбы за внимательное отношение к слову, за точный учет его значения, за речевую ответственность.

IV

30. Однако, в практике нашей печати, в практике наших издательств мы встречаем ряд вопиющих проявлений *небрежного, неряшливого, невнимательного отношения к языку*. В последнее время в ЦО «Правда» М. Горький обратил внимание общественности на ряд таких фактов. Приводим выдержку из материалов Горького.

О РАБОТЕ: НЕУМЕЛОЙ, НЕБРЕЖНОЙ, НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ И Т. Д

Издательство «Молодая Гвардия» выпустило на рынок знаменитую книгу А. Э. Брема «Жизнь животных». Книга эта издана под таким титулом:

«Жизнь животных»

«по А. Э. Брему в переработке В. И. Язвицкого и М. А. Гремяцкого, под редакцией профессора Н. С. Понятского». Несколько ниже напечатано еще четыре слова: «Допущено Государственным ученым советом». Куда «допущено» — об этом не говорится. Посмотрим, что «допущено». Предо мной 3-й том этой книги — «Животные млекопитающие». Советские граждане Язвицкий и Гремяцкий не сговорились,

как нужно писать: лазить или лазать? Они пишут этот глагол и так и этак. Это, конечно, пустяки для грамотных людей. Читателю важно, что и как рассказывают эти люди о животных.

Прибавив муравьеду еще одно, совершенно лишнее наименование — мурашеед, и признавая его «наиболее красивым из сумчатых животных», они говорят о нем: «животное производит приятное впечатление особенно живым». Итак, читатель узнает, что «красивое животное производит приятное впечатление». Но что значит «особенно живым»?

Тафа: «так больно кусается, что даже туземцы не решаются подставить руку живому животному». Что значит здесь словечко: «даже»? И неужели туземцы решаются «подставлять» свои руки укусам других животных?

У сумчатой куницы «хвост длинный, со всех сторон густо покрытый волосами». Этот всесторонне волосатый хвост возбуждает сомнение в грамотности граждан, которые «переделали» Брема. Далее сомнение усиливается.

О кроте мы узнаем, что «жизнь он проводит в постоянном рытье». Не спит, не ест, а «постоянно» роет. Вомбат вырывает корни «усилиями морды». «Движения его медлительны, но постоянны и сильны». Если его схватить за ноги, он «обнаруживает большую злобу и кусается очень решительно». А разве есть зверюшки, которые кусают нерешительно?

О насекомоядных читатель узнает, что: «Насекомоядное не умерщвляет сначала добычу, а сразу начинает пожирать ее живьем. При его зубах оно в сущности и не может поступать иначе: эти зубы сразу впиваются в тело добычи, *а пила, как известно, всегда очень болезненная вещь*».

Землеройки: «Человек не может извлечь непосредственной пользы из этих животных, остается только косвенная польза, которую приносят землеройки. Пользу эту сознавали, вероятно, уже древние египтяне, потому что они бальзамировали один вид землероек и хоронили их вместе со своими покойниками». Вот какая чепуха «допущена» Ученым советом к обращению среди советских читателей.

«Крот имеет тело формы валька» — сообщают граждане Язвицкий и Гремяцкий, причем оказывается, что они видели валек только одной, наименее распространенной формы. Ибо, по их словам: «Валек — тело одинакового поперечника по всей длине», а в действительности наиболее

удобный и распространенный валек расширяется от ручки до конца. «Благодаря форме своего тела крот никогда не может быть ущемлен в своих шахтах и сколько нужно вертится вокруг длинной оси своего тела, не имея для этого надобности рыть снова». Затем в опровержение сказанного об одинаковом поперечнике авторы этой ерунды говорят: «передняя часть тела крота гораздо толще задней».

О шиншилах сказано так: «С изумительной легкостью лазят они туда и сюда по отвесным скалам, на которых, казалось бы, не за что уцепиться». «Самки, которых легко отличить по меньшей величине, усаживаются на пятки и издают особые звуки». По Язвицкому и Гремяцкому у прыгающих грызунов: «Не только кости ног, но и все длинные кости тела этих животных во взрослом состоянии пусты внутри и лишены костного мозга». Ну, а во младенческом состоянии костный мозг есть в костях?

О тушканчиках говорится: «Тушканчик на всем скоку мчится так быстро, что лучший конь не в силах догнать его». «Нельзя сказать, что они чересчур боязливы, но они беспокойны и трусливы». «Если увидеть зверька, бегущего в некотором отдалении, то можно принять его за снаряд, пущенный из орудия». Острое зрение у Язвицкого и Гремяцкого: граждане эти видят даже «снаряды, пущенные из орудия».

О «мышах-малютках» они рассказывают так: «Детеныши уже на первом году строят себе довольно затейливые гнезда и отдыхают в них. В своей великолепной колыбели они остаются до той поры, пока не сделаются зрячими». Читатель имеет право удивиться: слепые мышата строят затейливые и даже великолепные гнезда!

Интересно по малограмотности рассказано о тюленях (стр. 32), так же интересно и о китах: кит, утомленный погоней, останавливается «и начинает валяться по волнам» (стр. 348). На 358 стр., выписав откуда-то рассказ об охоте на китов, Язвицкий и Гремяцкий добавляют от себя: «Ловля кончилась благополучно, хотя на нее смотрели с берега пастор и несколько беременных женщин». Здесь словцо «хотя» дает читателю право умозаключить, что попы и беременные женщины действуют на китобойный промысел не «благополучно».

Кашалот «поражает своей асимметричностью, которая стоит на границе возможного». «В одном случае кашалот,

ударяясь о судно, так сильно разбился, что стал в бешенстве валяться по волнам».

. . . .

У гималайского медведя «зубы доходят длиною до 1 метра».

. . . .

Возможно, что читатели упрекнут меня: слишком много выписано глупостей! Но в книге 693 страницы, и глупости посеяны почти на каждой из них. Я считаю себя достаточно хорошо знакомым с небрежностью работы наших издательств. Небрежность эту нельзя объяснить только малограмотностью, ибо она весьма часто вызывает впечатление явной недобросовестности».

31. При рассмотрении рукописей начинающих авторов на ряду с недочетами, объясняющимися другими причинами, сплошь и рядом наталкиваешься на следы невнимательности, небрежности и неряшливости, которые дают повод неправильно понимать автора, а иногда ставят автора в смешное положение (настолько нелепыми получаются те или иные его формулировки). Мы даем здесь ряд иллюстрирующих нашу мысль примеров.

а) «До заблудившегося в тайге путника не долетало ни единого *человеческого* голоса, за исключением надтреснутого лая». Курсив везде наш. *И. Я.)*

Конечно, автор и не думал отожествлять собачий лай с человеческим голосом, но он настолько невнимательно отнесся к выражению своей мысли, что, кончая свою фразу, позабыл, что в начале ее речь шла об отсутствии именно звуков *человеческого* голоса. В результате получился курьез.

б) «Ковбой остановился, сплюнул и резко заговорил своим осипшим, видно от пьянства, голосом:

«— Куда держите путь, сэр? Почему вы без лошади? Или вы недостаточно привыкли к *седлу лошади?!*»

Конечно, можно говорить о седлах лошади, верблюда, мула, осла и т. п., но такая дифференцировка, уточнение здесь неуместны, поскольку ясно, что речь идет именно о седле лошади. Автор недостаточно внимательно проработал этот отрывок, не поставил в связь конец последней фразы с ее началом, иначе он, конечно, заметил бы никчемность, в данном случае, выражения «к седлу лошади» и написал бы вместо него или «к седлу» или «к лошади».

в) «На других стенах находились шкафы с очень хорошей *на вид* посудой».

Какую роль выполняет в этой фразе выражение «на вид»? Какое значение имела бы эта фраза, если бы выражение «на вид» было опущено? Ответ ясен: во втором случае мы имели бы решительное утверждение автора о том, что посуда была действительно хорошая, тогда как в первом случае автор не берет на себя ответственности за качество посуды, она была хорошая «на вид», и читателю внушается мысль, что она, может быть, была хорошая *только* на вид; между тем в намерение автора несомненно не входило заронить у читателя сомнение в качестве посуды, так как в рассказе речь идет о комнате богатого муллы и автор прилагает все старания к тому, чтобы поярче описать его богатство. «На вид» попало в данную фразу по небрежности автора.

г) Начинающий автор пишет в редакцию: «если рассказ мой не будет принят, то почему? Прошу указать в *предыдущем* номере журнала». Автор, очевидно, никогда не получит ответа на свой вопрос — и по заслугам: он настолько неряшлив, что вместо «следующем» (номере) пишет «предыдущем» (т. е. в том, который уже вышел).

д) «Возле пушек неизменно находились пятнадцать снарядов и пять пулеметов, кроме того вся команда была вооружена *с ног до головы и до зубов*». Речь у автора идет об описании пиратского судна: картина получается несомненно устрашающая, но и смешная: автор самым неряшливым образом спутал два однозначных выражения: «вооружен с ног до головы» и «вооружен до зубов».

е) «*Полусгнившим*, но еще красивым мачтам хотелось послушать красивый голос и слова команды, и от ветра они так низко *пригинались* к своему властелину (кораблю), что *трещали по всем швам, как пулемет*».

Корабельные мачты вообще, а тем более «*полусгнившие мачты*», низко *пригинаться* к своему властелину (кораблю), конечно, не могут.

Корабельным мачтам трещать от сильного ветра и на корабле и в литературе не возбраняется; но «*полусгнившим* мачтам» даже от сильного ветра ни на корабле ни в литературе трещать нельзя.

Ведь гнилое дерево не трещит.

Есть ходячее выражение: «корабль трещал по всем швам», но чтобы пулемет трещал по всем швам — как-то не верится, в особенности, если трескотня пулемета сравнивается с треском полусгнивших мачт корабля.

В современном русском литературном языке имеются глаголы «пригнуться», «пригибаться», а глагола «пригинаться» — нет. Глагол пригинаться — диалектизм, допущенный автором в предложении без всякой надобности, исключительно потому, что им еще не усвоено словоупотребление литературного языка.

Таким образом невнимательное отношение автора к слову и сравнению и более чем невнимательное отношение автора к содержанию того, о чем он пишет, может вызвать у читателя впечатление, что автор не только не думает о том, *как* он пишет, но и *что* он пишет.

ж) «Мулла вскрикнул, вскинул руками и исчез *в волнах волнистого* моря.

В сочетании слов «в волнах волнистого моря» имеется смысловая неувязка.

Если на море волны, то зачем же писать, что оно волнисто? Получилось «масляное масло» языковой непродуманности.

з) «Меня, *спустя два часа тому назад,* во время сна, укусила за ногу большого размера ящерица. Боюсь, не оказался бы укус серьезным, и я теперь не в силах шагнуть шага».

Автор смешал два выражения: а) два часа тому назад и б) спустя два часа. Между тем, по смыслу фразы нужно было сказать: «Два часа тому назад меня во время сна» и т. д. Это вполне выражало бы мысль автора.

и) Целые сутки Чарльз бродит по широким, *но* немного знакомым ему степям. *Он* был здесь несколько лет тому назад и поэтому успел *усвоить* себе некоторые места».

В этой фразе союз «но» противопоставляет *широкое* — *знакомому*. Такое противопоставление, явившиеся следствием небрежного отношения автора к тому, что он пишет, — не логично.

В русском литературном языке глагол «усвоить» означает: сделать что-либо чужое своим. Например: я усвоил себе мысль автора, или: трудно усвоить то, чего не понимаешь, сказать же: усвоил себе некоторые места — нельзя. По-русски так не говорят.

к) «В середине потолок был из разноцветных стекол, по стенам стояли шкафы с ключами *и редкостными коллекциями*».

Неряшливо построенная автором фраза создает впечатление, что в шкафах находятся не только редкостные коллекции, но и ключи от шкафов.

л) Войдя в аэроплан, он поставил в него свой ящик и еще кое-какие предметы, *а затем повернул четырехугольный паркет на полу,* и над головой его разверся потолок».

Невнимательность автора очевидна.

Посадив героя в аэроплан, автор позабыл выпустить его обратно. Следовательно, повернуть герою четырехугольный паркет на полу — вряд ли возможно. (Речь идет о небольшом аэроплане, стоявшем в большой комнате.)

К тому же несколько неуклюже звучит «повернуть паркет на полу», потому что слово паркет употребляется главным образом для обозначения всей площади особого вида пола, а не для его отдельной составной части.

м) «Надо было взбираться на огромную ледяную гору, которая ежеминутно грозила *сорваться со своей точки опоры*».

Написано заковыристо, с претензией на т. н. «литературность штиля».

Ледяная гора, которая ежеминутно грозила обрушиться, у начинающего автора грозит «сорваться со своей точки опоры».

н) *Зарево* восхода *играло* громадным *пламенем* огня на голубом тихом небе».

Типичный пример неуменья использовать свой словарный материал надлежащим образом.

Пытаясь противопоставить «зарево восхода» «голубому, тихому небу», автор чересчур злоупотребляет близкими по значению словами, нагромождая их одно на другое.

Получается: *Зарево играет пламенем огня*».

о) «Были здесь и такие, которые пускали себе пули в лоб или бросались в холодные волны рек, и там *на дне их* песчаного *ложа* находили себе покой».

Зачем писать «на дне их песчаного ложа», когда можно сказать короче — *на их песчаном дне?* В смысловом отношении было бы одно и то же.

Стремление написать «повычурнее» и «покрасивее» — основная ошибка автора.

п) Чувствовалось, что в прошлом этого человека было что-то особенное, загадочное; об этом говорили и *голова и лицо*».

Совершенно неясно, в каком значении автор употребляет здесь слово «голова». Если в обычном значении, то «лицо» есть часть «головы», и непонятно, для какой цели здесь поставлены оба слова. Если в каком-либо ином значении, то неясно, в каком.

О ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ УЧЕБЕ ПИСАТЕЛЯ

I

1. Нужны ли литературному работнику-практику *теоретические знания* в области языковедения, а литературному работнику-практику, работающему на материале русского языка, знания, в частности, в области *науки о русском языке?*

Несомненно, нужны. Почему?

2. На этот вопрос ответим вопросом: нужна ли теоретическая подготовка политработнику-практику? педагогу-практику? агроному-практику? и т. д. и т. п.

Самый вопрос кажется смешным. *Конечно, нужна.*

Практика, взятая вне теории, представляет собой слепую деятельность, не имеющую своего метода, своей цели и своего направления.

Ясно, что и литературный работник должен быть подкован теоретически; писатель не может бороться за высокую языковую культуру «без метода, цели и направления»; не имея теоретической подготовки, мы будем делать в нашей области такие же глупости, какие делал бы политик, не знающий законов развития общества, или агроном, ничего не смыслящий в технике и экономике сельского хозяйства.

3. Почему же самый вопрос о необходимости теоретической подготовки кажется смешным, когда речь идет об агрономе, политработнике, педагоге и пр., и все-таки возникает, когда речь идет о литературном работнике? — Потому, что многие и не подозревают о существовании такой важной проблемы, как *проблема языковой политики.*

Что такое языковая политика?

Языковая политика — это сознательное вмешательство класса в развивающийся языковый процесс, сознательное руководство этим процессом.

4. Писатель должен осознать работу над языком своих произведений как момент общей языковой политики рабочего класса и советской власти. Эта языковая политика в свою очередь есть лишь часть общей политики пролетариата, осуществляемой в генеральной линии партии.

Но политика пролетариата есть *научная* политика. Мы можем переделывать действительность, преобразовывать ее лишь в том случае, если мы познаем законы этой действительности. С другой стороны, самый смысл науки и заключается в том, что она обосновывает практику. Вот почему выброшенный партией лозунг единства теории и практики должен быть положен в основу работы писателя как участника языкового строительства.

Утверждая единство теории и практики, пролетариат считает, что нет такой области общественной практики, которая была бы недоступна научному познанию, а, следовательно, и организованному вмешательству.

Это целиком относится и к языку.

5. Возможна ли языковая политика? — Мы можем дать только утвердительный ответ на этот вопрос. Однако, некоторые буржуазные ученые думают, что языковая политика невозможна, что язык развивается стихийно, независимо от воли людей, что общество должно брать язык таким, каким получает его от старших поколений и не властно в нем что-нибудь изменить. Если эта точка зрения верна, то, конечно, незачем говорить о теоретической подготовке для писателя; больше того, не нужна и сама теория языка: ведь теория существует лишь для того, чтобы, познав законы развития какого-нибудь явления (например, языка), дать возможность сознательного воздействия на процесс этого развития.

6. Ощущаем ли мы *необходимость* языковой политики? Несомненно. Целый ряд явлений в современном русском языке требует сознательного вмешательства в языковый процесс. Разве не призывом к языковой политике звучит приведенная в нашей первой лекции заметка В. И. Ленина о порче русского языка? Иностранные слова «стихийно» затопляют нам язык; можем ли мы, сложив ручки, ожидать независимого от нашего вмешательства «стихийного» разрешения этого вопроса? Конечно, нет. Множество других вопросов современного языка требует нашего сознательного вмешательства, требует языковой политики.

7. Итак, *языковая политика возможна и необходима.* Но,

если языковая политика хочет достичь каких-нибудь результатов, хочет быть общественно-полезной, она должна быть *рациональной и целесообразной* политикой, а для этого она *должна опираться на научную теорию.* Первейшим условием успеха языковой политики является распространение хотя бы элементарных знаний о языке в широких массах и *хорошая теоретическая подготовка того руководящего актива, который эту политику осуществляет. Писатель осуществляет языковую политику:* самый факт опубликования литературного произведения есть уже *сознательное воздействие на языковую культуру широких масс;* следовательно, *писатель должен быть теоретически подготовлен в области языка.*

8. Но Пушкин? Но другие крупные поэты, беллетристы, журналисты прошлого? Они ведь не сдавали вузовских зачетов по общему языковедению и истории русского языка? Не прорабатывали они и научной литературы по языковедению? А писали неплохо. Следовательно... Ничего не «следовательно»; ссылка на прошлое не имеет в данном случае никакого значения. Дело в том, что многие писатели прошлого обладали изрядным для своего времени количеством знаний по языку, а языковая культура наших писателей еще недостаточно высока (хотя качественно она совершенно отличная от языковой культуры прошлого), но наши писатели не должны забывать ни на одну минуту, что им необходимо создавать языковую культуру *более высокую, чем это было у Пушкина и других великих писателей.* Мы вовсе не хотим воспитывать в вас наплевательское отношение к языковой культуре прошлого, мы должны взять от прошлого все, что в нем было по-настоящему ценного, но смотреть мы должны не назад, а *вперед.* Смотрите поэтому вперед и не отталкивайте от себя такого мощного орудия, как теоретическое знание в той области, в которой вы работаете; *организуйте вашу писательскую практику на здоровой теоретической базе; участвуйте в осуществлении языковой политики на основе теоретической подготовки в области языка.*

II

9. Наука о языке является одним из самых отсталых участков идеологического фронта. Достаточно указать, что откровенно идеалистическая школа индоевропейской лингвистики и ее порождение — формальная школа грамматики — владеет еще важнейшими позициями в области языкове-

ния, выступая сплошь и рядом под маской социологической и даже марксистской фразеологии.

10. То обстоятельство, что марксистская лингвистика только строится, ни в коей мере не должно порождать примиренческого отношения ко всякого рода эклектизму, к своим собственным ошибкам, к различным извращениям марксизма, в частности механистическим, и ни в коей мере не должно снижать борьбы с основным врагом — индоевропеистикой. Наша научная практика сейчас особенно нуждается в жесткой критике и самокритике.

11. Марксистская лингвистика строится ныне на основе тщательнейшего изучения трудов классиков марксизма-ленинизма, которые дают не только совершенно достаточные положения для разработки диалектико-материалистических установок языковедения, но целый ряд конкретных высказываний по вопросам теории языка и языковой политики.

В этой работе по построению марксистской лингвистики центральное и руководящее место занимает *школа ак. Н. Я. Марра.*

Здесь не место характеризовать ее достижения, однако, не можем не отметить некоторые основные, особенно важные, черты учения ак. Марра. Мы имеем в виду учение о едином стадиальном глотогоническом процессе, обусловленном классовой борьбой и движением развивающегося экономического базиса общества; учение о происхождении языка; учение о специфических для каждой стадии развития языка семантических закономерностях; палеонтологический анализ; изучение языковой современности малых народностей в увязке с их практическим языковым строительством, в борьбе с великодержавным шовинизмом и местным национализмом; анализ языка современности в его тенденции к бесклассовому интернациональному языку будущего на базе единого мирового хозяйства; беспощадная борьба с идеалистической лингвистикой, индоевропеистикой, в ее открытых и прикрытых формах, разоблачение империалистской сущности буржуазной лингвистической науки.

12. Особенно важны достижения нового учения о языке по вопросу о *языке и мышлении.* В этой области учение ак. Марра не только обогатило лингвистику ценнейшими выводами, но сделало действительно возможной разработку истории самого мышления в том плане, как понимал эту науку Энгельс: «Наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть историческая наука, наука об историческом развитии

человеческого мышления. И это имеет значение и для практического применения к эмпирическим областям, ибо теория законов мышления не есть вовсе какая-то раз навсегда установленная «вечная истина», как это связывает со словом «логика» филистерская мысль. . .» («Антидюринг», Гиз, 1928, стр. 317).

13. Наука о языке, как и всякая другая наука, есть историческая наука; наше лингвистическое мировоззрение должно быть *насквозь историчным.* Мы ничего не поймем в русском языке, как и в любом другом языке, если не уясним себе со всей определенностью, что русский язык, как и любой другой язык, не упал в готовом виде с неба, а является результатом длительнейшего и сложнейшего развития.

Мы ничего не поймем в современном русском языке, как и в любом другом языке, если не уясним себе со всей определенностью, что история русского языка *не только в прошлом, но и в настоящем;* история русского языка *продолжается,* она и сейчас осуществляется на наших глазах: *общественные классы нашего современного общества являются ее действующими лицами.* Современный русский язык не свод различных *установившихся, застывших* правил о том, как нужно произносить слова, склонять, спрягать, составлять фразы и т. п., а непрерывный *процесс,* непрерывное *движение.* Мы должны научиться понимать законы этого движения для того, чтобы им руководить и быть сознательными строителями *той истории, которая предстоит русскому языку в будущем.*

14. История русского языка есть частный случай — единого мирового глотогонического процесса, поэтому русский язык нельзя изучать изолированно, но в стадиальной увязке с другими языками мира, в частности с менее и наименее развитыми. Однако, такое изучение ни в коей мере не предполагает смазывания специфичного характера развития именно данного языка: «Хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми языками, но именно отличие их от этого всеобщего и общего и есть то, что образует их развитие» (Маркс, «Введение к критике. . .», Гиз, 1931, стр. 53).

15. Начиная изучение русского языка с его наиболее развитой и многосторонней формы (которую мы собственно и называем «русским» языком), мы не должны забывать, что это изучение позволяет проникнуть в строение отживших его стадий. Здесь очень важно вспомнить то, что говорил

Маркс о буржуазном обществе: «Категории, выражающие его отношения, понимание его организации позволяет вместе с тем проникнуть в строение и производственные отношения отживших общественных форм, *из обломков и элементов которых оно строится, продолжая частью влачить за собой их остатки, которые оно не успело преодолеть,* частью развивая до полного значения то, что прежде имелось лишь в виде намека» ... «отношения предшествующих формаций встречаются в нем часто лишь в выродившемся или даже замаскированном виде... Они могут содержаться в ней в развитом, в искаженном, в карикатурном, во всяком случае в существенно измененном виде» («Введение к критике...», Гиз, 1931, стр. 75—76).

На ту же тему говорит Маркс в «18 брюмера»: «Люди делают свою собственную историю, но они ее не делают самопроизвольно, — им приходится действовать не при обстоятельствах, выбранных ими самими, а при обстоятельствах, независимых от их выбора, непосредственно их окружающих и унаследованных. Предания всех мертвых поколений тяготеют кошмаром над умами живых» (Маркс — Энгельс, т. VIII, стр. 323). Для того чтобы преодолеть эти обломки и остатки, которые мы продолжаем частью за собою влачить, для того чтобы преодолеть «предания всех мертвых поколений», мы должны *прежде всего их осознать, понять, изучить.* Путь к такому преодолению дает нам в области языка блестяще развитый новым учением о языке *палеонтологический анализ.*

III

16. Итак, мы ничего не поймем в современном русском языке, если не подойдем к нему с исторической точки зрения. Но где же начало истории русского языка, и насколько длителен тот путь его развития, о котором мы говорим?

История русского языка, как и история любого другого языка, уходит своими корнями в *древнейшие эпохи существования человеческой речи,* а в конечном счете ведет нас *к эпохе происхождения языка.*

Это не значит, конечно, что для разрешения *всякого* практического вопроса современной языковой культуры мы должны углубляться в самую глубь веков, но это значит, что общий строй русского языка мы не поймем без учета первобытнейших эпох существования человеческой речи и

что ряд отдельных вопросов современного русского языка находит себе ответ лишь в фактах древнейшей языковой культуры. Возьмем несколько примеров.

17. В современном русском языке имеется слово «звездануть» в значении «нанести сильный удар *по лбу*» (собственно — «лобануть»); в современном сербо-хорватском языке существует выражение: «ударио га по звезди», в буквальном переводе на русский язык это выражение значит: «ударил его по звезде», между тем как настоящее значение этого выражения: «ударил его по лбу»; в современном немецком языке слово «звезда» звучит «Stern» («штэрн»), слово созвездие «Gestirn («гэштирн»), а слово «лоб» — «Stirn» («штирн»). В чем дело? Откуда эта связь «лба» и «звезды» в современных языках? Случайна ли эта связь? Едва ли; ведь на нее указывают разные языки. Можем ли мы уяснить эту связь из нашего современного мышления? Нет: для нас с вами между лбом и звездой общего довольно мало. Откуда же эта связь? Она унаследована нами от прошлого; очевидно, в прошлом существовала такая эпоха, когда люди иначе связывали предметы внешнего мира, чем мы с вами. Попробуем разобраться в этом вопросе.

Древнейший источник интересующей нас связи таков: существовала такая эпоха в развитии человеческого языка, когда люди пользовались одним и тем же названием для обозначения и целого предмета и его частей; таким образом, для обозначения лба пользовались тем же словом, что и для обозначения целого, т. е. «головы»; этим же словом могли пользоваться и для обозначения других частей головы, например, «лица», «черепа», «затылка» и пр.; что слово «лоб» первоначально обозначало именно «голову» и ее части, а не специально «лоб», доказывается теми значениями, которые имеют соответствующие слова в других языках: болгарское «лоб» значит «череп», сербо-хорватское «лобона» — «череп», греческое «lophos» («лопхос») — «затылок», польское «leb» («лэб») — «голова» (кабанья, рыбья) и т. д. Таким образом, анализ значения слова «лоб» *ведет нас к значению «голова»* (и ее части).

Таким же путем анализ значения слова «звезда» ведет нас к значению «небо», потому что в определенную и достаточно древнюю эпоху звезды, как и другие светила, воспринимались *как части неба:* для неба и для небесных светил употреблялось одно и то же слово.

Итак, мы имеем уже не связь «звезды» и «лба», а связь

«неба» и «головы»; эта связь разъясняется таким образом: в отдаленном прошлом для обозначения верхней части мира (неба) и верхней части человека (головы) употреблялось одно и то же слово; по этому конкретному образу «верха» этим словом могла обозначаться и «гора» (сравните, например, уже упомянутое греческое слово «лопхос», которое обозначает не только «затылок», но и «холм»; сравните русское «взлобок» — «подъем на гору» и др.).

Таким образом, для нас выясняется древнейший источник связи между «лбом» и «звездой»; графически наш вывод можно изобразить так:

небо = голова
↓ ↓
звезда = лоб

Эта связь «звезды» и «лба» в позднейшие эпохи могла осознаваться на новой основе; так, например, в эпоху уже сравнительно развитого скотоводства белая отметина на лбу животного получает название «звезды» (отсюда и такие клички, как «звездун», «звездуха»); при убое скота старались ударить именно по «звезде» (т. е. по лбу); «звездануть» стало обозначать «нанести сильный удар по лбу», а потом и вообще «нанести сильный удар». Но было бы неправильно думать, что можно исходить именно от этой сравнительно поздней эпохи при объяснении связи «звезды» и «лба»; это опровергается данными языка древних индусов, у которых слово «bhalam» («бхалам») обозначало и «лоб» и «свет»; понятие «света» неразрывно связывалось в древнейшие эпохи мышления с конкретным источником света — светилом, солнцем, в конечном счете, как мы видим, с небом. У древних индусов мы имеем древнейшие источники связи, поддержанные в позднейшее время на иной основе, чем у русских.

Возьмем другой пример.

18. Всякому известно, что имена существительные в русском языке обладают признаком т. н. *грамматического рода:* имена существительные могут быть *мужеского* (напр., *отец, стол, мир), женского* (напр., *мать, стена, кость)* и *среднего* рода (напр., *дитя, село, поле).*

Можем ли мы уяснить себе с точки зрения современного языка и современного мышления, почему одни имена существительные бывают мужеского, другие — женского, а третьи — среднего рода? Мы еще можем уяснить себе, по-

чему слова, обозначающие предметы мужеского *пола* (напр., *отец, брат* и т. д.), относятся к мужескому роду, а слова, обозначающие предметы женского пола, — к женскому роду (напр., *мать, сестра, жена* и т. д.); деление слов на группы соответственно тому, что они обозначают предметы мужеского или женского *пола,* нам понятно. Но почему слова *пол, диван, город, год, сапог* и пр. — мужеского рода, *стена, кровать, кость, вода, нога, весна* — женского рода, а *село, поле, море, ружье, солнце, время* — среднего рода, этого мы, исходя из современного языка и современного мышления, никак уяснить себе не можем; мы, действительно, никак не можем понять, почему, например, среди названий небесных светил слова *звезда* и *луна* — женского рода, *солнце* (и самое слово *светило)* — среднего рода, а *месяц* — мужеского. Деление слов по грамматическому роду кажется нам ничем не оправданным, и действительно, оно не имеет оснований в мировоззрении современного человека и получено им в наследство от отдаленнейших предков, мышление и мировоззрение которых было *качественно* иным и язык которых был *качественно* иным, чем наш современный язык: то самое явление (деление слов по грамматическому роду), которое для нас является *мертвым пережитком,* для начала отдаленнейших предков было *живым,* возникало как живое, отражая их, совершенно *чуждую для* нас, точку зрения на предметы внешнего мира.

19. Возьмем еще пример: всякому известно, что в русском языке имена существительные *склоняются;* известно также то, что разные имена существительные *склоняются по-разному;* например, слова женского рода склоняются по типу *вода, земля* и по типу *кость, плеть;* слова мужеского рода по типу *староста, воевода* и по типу *стол, пол,* да еще слово *путь* склоняется на особый лад; слова среднего рода — по типу *село, поле* и по типу *время, дитя.*

Памятники древнерусской письменности и анализ современного русского языка показывают, что в древнерусском языке было еще больше разных типов склонения имен существительных; например, такие слова женского рода, как *любов, свекровь* склонялись по-особому (отлично от таких слов, как *кость, плеть,* по образцу которых они склоняются теперь); было больше способов склонять имена среднего рода и, например, такие слова, как *небо, слово,* склонялись отлично от таких слов, как *стадо, село* и т. д.; такие слова мужеского рода, как *сын, вол,* склонялись иначе, чем *стол, город.*

Почему разные имена склоняются по-разному? Почему существуют в русском языке разные типы склонения имен? *Какая в этом необходимость?* Как бы мы ни старались, но из современного русского языка и из исторически известного нам по памятникам письменности русского языка *мы этого не поймем.* С нашей точки зрения — это лишь *совершенно ненужная сложность нашей грамматики.*

Но ведь эта «ненужная сложность» когда-то существовала как *живое* явление, когда-то *возникала* как живое явление, была *необходима.* Нам это непонятно, но это несомненно так. Ясно, однако, то, что те наши языковые предки, для которых это явление было живым и необходимым, по своему мышлению качественно отличались от нас. Ясно, что нас отделяет от них не только длительнейший промежуток времени, не только изрядное *количество* столетий, а быть может, и тысячелетий, но и совершенно иное *качество* экономической, социальной и надстроечной культуры. Нас отделяет от них ряд *революционных сдвигов, скачков* в истории человеческого общества, мышления и языка. Таким образом, в языке сегодняшнего дня налицо переживания отдаленнейших эпох. *Что с ними делать?* Мириться с их существованием или, если это действительно *мертвый* груз *прошлого*, принимать какие-то меры *к его изъятию?* Это как раз *один из вопросов языковой политики.* Но языковая политика наделает *много чепухи* в ликвидации этого — и многих других ему подобных — пережитков прошлого, если не изучит возникновения и развития соответствующего явления в его связи с другими. Как бы мы ни разрешали этот вопрос, несомненно одно: *актуальнейшие вопросы современной языковой политики упираются в древнейшие эпохи возникновения и развития человеческого языка.*

Перефразируя Баратынского, можно сказать:

> Пережиток — он обломок
> древней правды...

Эти «обломки» иногда довольно безобидны, иногда могут быть использованы на потребу сегодняшнего дня, часто загромождают площадь, на которой нужно строить новое здание.

Мы строим новое здание языковой культуры; мы должны знать, что нам делать с обломками старых строений, а для этого мы должны понять, как в каждом конкретном случае «древняя правда» проделала свой путь к «обломку».

IV

20. В этой части статьи мы постараемся разобрать один факт современного русского языка с *исторической* точки зрения и вместе с тем сделать конкретные предложения по этому факту с точки зрения *языковой политики.*

Мы возьмем пример из области так называемых «неправильностей» современного русского языка.

В современном русском языке мы имеем два типа спряжения слова «пеку».

1)		2)
пеку		пеку
печешь		пекешь
печет		пекет
печем		пекем
печете		пекете
пекут		пекут

В первом типе спряжения мы имеем в 1-ом лице единственного числа и в 3-м лице множественного числа основу *пек,* а в остальных лицах единственного и множественного числа основу *печ;* — во втором типе соответственно *к* и *ч* первого типа имеем *к* и *к* смягченное.

Первый тип спряжения считается «правильным», а второй «неправильным».

Исторически первый тип является более *древним,* а второй — более *новым.*

Существование двух подобных типов спряжения мы имеем не только для глагола «пеку», но и для ряда других глаголов, основа которых оканчивается на заднеязычный согласный звук, например: *теку (течет* и *текет), запрягу (запряжет* и *запрягет), жгу (жжет* и *жгет), стерегу (стережет* и *стерегет)* и др.

21. В языке дореволюционной интеллигенции (главным образом дворянской и буржуазной) существовал только первый (старый) тип спряжения (т. е. пеку, печешь и т. д.); если бы дореволюционный интеллигент стал бы спрягать *пеку, пекешь* (например, сказал бы о своей кухарке, что «она плохо пекет пироги»), то на него посмотрели бы в его кругу как на недостаточно образованного человека, как на человека низшей марки, над ним смеялись бы. Такое отношение ко второму типу спряжения объясняется тем, что второй (новый) тип был распространен в *«низших классах русского дореволюционного общества,* в рабочем классе, в некоторых

слоях городской мелкой буржуазии, у крестьян. Таким образом существование двух типов спряжения наших глаголов оказалось связанным *с классовой структурой русского общества*.

22. Почему второй (новый) тип спряжения оказался прикрепленным к низшим классам? Потому, что высшие классы благодаря школьному обучению, влиянию письменности в большей мере сохраняют старые грамматические формы, более *консервативны* в этом отношении; те причины, которые вызвали появление нового типа спряжения, действовали и в языке высших классов, но они парализовались силой традиции, подкрепленной школой, более тщательным наблюдением за языком детей, книгой и пр.; а после возникновения этого типа спряжения в языке низших классов, возникновение его в языке классов высших оказалось уже окончательно невозможным; высшие классы не могли спрягать «пеку, пекешь» и т. д. уже и потому, что так спрягали низшие классы; дворянину и буржуа не хотелось походить на мужика или фабричного, на лавочника или сапожника.

23. Как обстоит дело с обоими типами спряжения после Октябрьской революции? Положение вещей не изменилось. По вполне понятным причинам второй тип спряжения (пеку, пекешь) довольно распространен в языке новой советской интеллигенции. Мы имеем многочисленные наблюдения в этой области; мы знаем многих, окончивших вузы и говоривших *жгет, пекет, влекет* и др.; второй тип очень распространен среди служащих советского аппарата, среди рабочего, партийного и профсоюзного актива. Встает *конкретный вопрос языковой политики:* нужно ли бороться с распространением второго типа, считая его неправильным и зловредным? Нужно ли в школах переучивать тех детей, которые пользуются вторым типом?

По этому поводу может существовать несколько мнений.

24. Некоторые думают, что нужно предоставить дело своей судьбе: перемелется — мука будет; незачем вмешиваться в естественный процесс развития языка; все образуется со временем само собой; жизнь покажет, какой тип спряжения «лучше»: какой выживет — тот и лучше. *Это — противники языковой политики,* о которых мы уже говорили выше; это люди с мелкобуржуазной психологией, мещанские пилаты, умывающие руки. Их девиз: моя хата с краю — ничего не знаю. В позе стороннего наблюдателя, они готовы предать «естественному развитию» все на свете, кроме собственного

желудка; но, если заболит живот, они — по шкурной своей природе — тотчас начнут применять все средства медицинской «политики». Об этом — довольно.

25. Иные думают, что нужно отдать предпочтение первому типу. Почему? Во многих случаях здесь сказывается старая барская психология: человек, который привык говорить «печет» и привык фикать на тех, кто говорит «пекет», этот человек и посейчас фикает и фикает не только на тех, кто говорит «пекет», но и на те причины, которые этих людей выдвинули на командные политические позиции. Лозунг: долой «пекет», да здравствует «печет»! — равносилен для них лозунгу «долой диктатуру пролетариата!», является частным выражением этого лозунга.

26. Некоторые говорят так: из двух типов спряжения нужно выбрать первый потому именно, что он старый и его употребляют в своих произведениях все великие писатели земли русской; выбрать второй тип — это значит портить «великий, могучий и свободный» (в устах буржуазии и дворянства) русский язык; одним словом, хочу говорить, как Тургенев, и никаких гвоздей. Но здесь кроется большое недоразумение. Эти любители великого русского языка забывают, что даже самый великий язык обладает свойством *изменяться* и что если положить в основу языковой политики *принцип сохранения старины*, то этим самым делается невозможной никакая языковая политика: нельзя управлять *движением* посредством *стояния на месте*, нельзя ехать вперед, пятясь назад. Если и защищать первый тип, то какими-нибудь иными доводами.

27. Как же нам подойти к разрешению поставленного вопроса? Конечно, не таким образом, что мы посоветуем принять второй тип именно по той причине, что он был свойственен языку низших классов, а поскольку низшие классы старого режима стали высшими при советской власти, то и спрягать слова нужно так, как спрягали их низшие классы старого режима. Ведь по такому методу можно было бы посоветовать всем сморкаться в пальцы, поскольку этот обычай был довольно широко распространен в низших классах старого режима.

Мы должны подойти к вопросу по существу, без легкомысленной и вредной демагогии.

28. Чем отличается первый тип спряжения от второго? В первом типе мы имеем в основе чередование совершенно

различных звуков *к* и *ч*, *г* и *ж*. Это чередование возникло в довольно отдаленный период истории русского языка и вызвано было тем, что для наших предков по каким-то причинам, нам неясным, всякий звук *к*, стоящий перед передним гласным звуком (напр., *е*, *и*) заменялся посредством *ч*; всякое *г* в таких же условиях изменялось в *ж*. В связи с этим изменением *звуковой* стороны слов, изменялась и усложнялась система спряжения русских глаголов: на ряду с таким типом спряжения, как *несу*, *несешь*; *веду*, *ведешь*; *везу*, *везешь*; *плету*, *плетешь* и т. д. и т. п. (число примеров такого типа огромно), появился новый (для того времени) тип: *пеку*, *печешь*; *теку течешь* и т. д. (наш *первый* тип); в типе *несу*, *несешь* и т. д. конечный согласный звук основы в общем один и тот же, с тою только разницей, что он в первом лице единственного числа и в третьем лице множественного числа *твердый*, а в остальных случаях — *мягкий*. В нашем первом типе, как мы уже говорили, в основе чередуются совершенно различные звуки. Возникновение нашего второго типа объективно упрощало возникшее усложнение в системе русского спряжения: по второму нашему типу глаголы *пеку*, *теку* и пр. по спряжению в настоящем времени становятся *тожественны* с огромной группой глаголов типа *везу*, *несу*, *плету* и др. Таким образом наш второй тип *упрощает* систему спряжения. *Он объективно более целесообразен*. Поэтому мы должны отдать ему предпочтение.[1]

29. В высшей степени любопытно, что история русского литературного языка дает и другие примеры подобных же упрощений в системе спряжения и склонения, а это значит, что мы не навязываем русскому языку каких-то новшеств, совершенно чуждых исторически складывавшемуся его строю. Большое количество таких упрощений канонизовано, и никто, без знания истории русского языка, не догадается, что это были когда-то такие же «неправильности», как «текет», «пекет». Старая форма повелительного наклонения от того же глагола *пеку* должна была бы звучать *пеци:* звук *ц* вытеснен здесь звуком *к* (мягким) по тем же причинам, по которым в *текет* звук *к* мягкое вытесняет звук *ч*. В склоне-

---

[1] Но нормальной, правильной формой остается все-таки «печешь», пока на основе пересмотра всех подобных случаев не будет проведена организованная реформа в нашем языке.

нии слова *рука* в древнерусском языке в дательном и предложном падежах в конце основы стоял звук *ц* (руце); форма *руке,* для нас единственно возможная, когда-то была такою же «неправильностью», как «пекет» и «текет». Подобных примеров можно было бы привести великое множество.

Мы думаем, что читатели хоть несколько убедились в том, что не только структуру современного русского языка, но и отдельные его факты нельзя понять без исторического к ним подхода и что история русского языка — не только в прошлом, но и в настоящем. Современный русский язык есть сложный *процесс,* а не *установившаяся вещь.* Ниже мы даем небольшой материал читателям для проработки как раз по вопросу о понимании современного русского языка, как процесса.

30. Рабочие и крестьяне, пробующие заниматься литературным трудом, отходящие от норм того языка, который был им свойственен с детства, и не усвоившие навыков литературной речи и норм литературного языка, дают в своих литературных произведениях прекрасные иллюстрации того процесса, который мы наблюдаем в современном массовом русском языке. В языке их литературных произведений обнаруживаются и факты крестьянского языка, и штампы традиционной литературной речи, и слова местных говоров, и плохо понятые иностранные слова, и даже слова старого канцелярского языка; вся сложность социально-языковых влияний, которым подвергается растущая языковая культура масс, отражается здесь, как в зеркале; мы имеем здесь как бы сомоментальную фотографию противоречивого движения современного массового русского языка.

31. Ниже мы будем говорить о рассказе одного товарища, повидимому, крестьянина, присланном в литконсультацию «Литературной учебы». Самый рассказ перепечатывается ниже с сохранением орфографии, пунктуации и расположения абзацев. Мы предлагаем читателям детальнейшим образом проработать этот рассказ на основании тех указаний, которые мы сделали. Рассказ прислан из Села Макушино, Уральской области.

32. Очень характерно письмо, при котором прислан рассказ. Вот оно:

9 апреля 1928 года.

Многоуважаемые товарищи

Редакторы, Посылаю вам Рукопись сочиненного мною разсказа тема взята мною из случая одного моего знакомого Охотника и если сей разсказ

подойдет то прошу вас напечатать в журнале... а мне выслать соответствующий гонор, с товарищеским Почтением.

N...

Обращает на себя внимание, что автор не вполне овладел техникой связной письменной речи, но вместе с тем знает штампы канцелярского языка (сравните такие слова, как «соответствующий», «сей»); любопытно употребление слова «гонор» вместо «гонорар», при «правильном» употреблении иностранного же слова «тема» («тема моего рассказа взята мною...»); при ряде «правильных» литературных оборотов и выражений, явно отклоняющееся от литературного выражение «из случая одного моего знакомого» и т. д.

33. В самом рассказе наблюдаем подобное же противоречие.

Для упрощения мы здесь не сохраняем орфографии подлинника, тем более, что она сохранена в нижеприводимом тексте рассказа.

С одной стороны имеем типичные штампы литературно-книжного происхождения, например: «Мой костер ярко пылал, поблескивая красным пламенем, унося в звездное небо серые клубы дыма», или «кроваво-красные отблески вечерней зари стали бледнеть», или «солнце закатилось за горизонт, оставляя за собой кровавое зарево вечерней зари». С другой стороны имеем такие фразы, как «ко *врему* вечерней зари мы *припоздали,* «наконец послышались шаги *приближающих* охотников», «котелок повешенный над *пламем»,* «попросил Сергея Петровича рассказать давно уже *обещанного нам его приключения...»* (падеж!) и т. д. Встречается излишнее употребление иностранных слов: например, «атмосфера» вместо «воздух» (такая замена вполне возможна по контексту).

34. Итак, мы предлагаем читателям выделить в этом рассказе слова, выражения, обороты *местного* говора; слова, выражения, обороты, попавшие в язык автора из *литературно-книжного языка;* проследить, *насколько точно* употребляет автор те или иные слова и выражения литературного языка; отметить случаи, когда автор не справляется с *построением сложных фраз, и в чем у него неувязка;* проследить употребление иностранных слов; установить непоследовательности в языке автора (например, автор в одних случаях говорит «пламенем», в других «пламем» и др.).

СИГНАЛ СПАСШИЙ ОХОТНИКА

Солнце закатилось за горизонт оставляя за собой кровавое зарево вечерней зари. Мы расположились на отлогом берегу большого торфенистого поросшего высокими камышами Озера. Я сидел у пылающего костра время от времени бросая в пламя сухие прутьия — котелок подвешенный над пламем костра кипел подымая клубы пара в верх и смешиваясь с дымом рассеивался в атмосфере.

Над озером свистя короткими крыльями. Носились то туда то суда стаи диких уток, а из камышей тои дело слышались выстрелы моих товарищей охотников.

Кроваво-красные одблески вечерьней зори стали бледнеть и через некоторое время зоря совершенно изчезла с горизонта, внезапно наступила тьма. На небе стали появляться яркие звезды.

Мой костер ярко пылал поблескивая — красным пламенем унася в звездное небо серые клубы дыма.

Выстрелы совсем уже почти прекратились только изредка из камышей верьх поднимались огненные языки, а через минуту слышался звук выстрела.

Наконец послышались шаги приближающих к костру охотников, а спустя некоторое время оне уже все сидели в кружке над разложеным белым полотном на котором лежали разные кушание во главе которых стояла бутылка «Русского Горького» Охотники выпили по стаканьчику принялись за кушанья предварительно поужинав я постарался убрать остатки пищи уложив все по своим местам охотники тоже занимались кто стелил себе постель кто расматривал убитых уток нагнувшись над пламенем костра а некоторые сидели оживленно разговаривая, наконец управившись с делами я уселся около костра и вспомнив что Сергей Петрович пожилой человек среднего роста всегда умевший много и интересно росказывать про свои охотничьи приключения я приглосил товарищей сесть вокруг костра после чего попросил Сергея Петровича расказать давно уж обещенного нам его приключения как он заблудился и чуть не погиб, Он охотно согласился и потрепав за шерсть лежавшую возле его большую собаку, он начал свой Расказ.

Это было 5 лет тому назад собравшись по обыкновению в суботу подвоскресение с товарищами по охоте я поехал

на охоту на вечернюю зорю.[1] на озеро называющего (бабие) озеро то имело в длину верст 20 с лишним а в ширину верст 5-ть—6-ть но воды в нем было вто время в самом глубоком месте на одну четверть Аршина и камыш в два раза превышает человеческий рост ко врему вечерьней зари мы припоздали а потому приехав к берегу озера оставив распрегать и варить ужин одного товарищя мы поспешили уйти в камышы на охоту Вечером поохотится не пришлось почти совсем из за наступивших сумерек. Постепенно стало темнеть а через некоторое время я не различял в трех шагах от себя ни одного предмета. Вышев из камышей я направился к ярко горящему костру около которого уже сидели мои товарищи разговаривая о результатах сегодняшней охоты меня встретили не без усмешливым вопросом. Сколько застрелил. Вероятно тебе нужно помочь донести раздался голос охотника. Что-то вы уж больно здорово полили как из пулемета, добавил другой охотник. Какого же черта с досадой ответил я еще бы надо покопаться чясика два так тогда бы еще вы захотели чего нибудь застрелить. Посидев немножко у костра и поговоривши кое-очем мы принялис за ужин, после чего сейчяс же легли спать Так как утром мы ращитывали встать пораньше, чтобы не опоздать на утреньний перелет, а после оконьчяния перелета охотится на релках[2] на которых масса плаволо диких уток а подойти конечно с надлежащей осторожностью по камышам не достовлялось особенной трудности.

Утром я пробудившис открыл намокшее от росы одеяло и увидев свет я торопливо соскочил с постели я разбудил спящих товарищей. Стал разводить костер. Скипятил чай и пригласив товарищей мы приступили к утреннему чяепитию На востоке закраснела зоря с запода веело Росистой прохладой Дикие утки уже стали стаями перелетать над озером а потому поторопившись поконьчить чаепитием мы взяли свои ружя и отправились вглуб камышей камыши были смочены росой слившейся в крупные капли. Солнце стало всходить и оне стали переливаться во все цвета радуги от косых лучей солнца. На утренний лет мы немножко припоздали так как солнце уже взошло и лет начял приходить к концу я

[1] Вечером как только садится солнце утки начинают делать перелеты с одного озера на другое по этому охотники их стреляют в лет из камышей.

[2] Голубое чистое место среди камышей на котором в изобилии плавает разной дичи.

выпалил 8 патронов но не одной утки неубил посидевши в камышах еще немного я в досаде на не удачную охоту побрел и отойдя увидел релку на которой плавали дикие утки я стал тихо крадучись подходить к ним. Зеркальная гладь воды отражала голубое небо по которому бежали белые облачки и стоящие стеной зеленые камыши яркие лучи солнца играли на поверхности прозрачной воды.

Дикие утки не замечяя меня смирно плавали опустив голову в воду а некоторые перевернувшись ловили в воде мелкую рыбу и водяных насекомых я дождался такого момента когда утки сплылись в кучку и тщятельно нацелившись в них я спустил курок первую минуту звук выстрела и всплеск воды от взлетевших уток нарушили тишину, отражение солнечных лучей словно испуганое внезапным выстрелом запрыголо в разные стороны словно растерявшись и захваченое в расплох ужасным врагом после того как рассеялся дым от моего выстрела я увидел лежащих в воде кверх брюшками терх касатых уток оне медлено стали потплывать к краю релки подгоняемые слабым ветерком я подошол к краю релки и протянув руку достал свою добычу подвезав всех трех к поесу я отправился искать другую релку бродя по камышам.

Я уже настрелял 13 штук крупных уток разных пород полящее солнце уже стало склонятся за полден и хорошо помявшись ходьбой по камышам я невольно вспомнил о пище и отдыхе и проговорив просебя ну хватит с меня всех уток не перестреляеш я направился к берегу. Дневная жара ни чуть не спадала она наоборот все усиливалась с меня грани чуть не спадала она наоборот все усиливалась с меня градом катил пот ноги стали ощущять усталость и потея ныли словно просили освободить от тяжелых охотничьих сапог. Я шел по камышам и по моим ращетам уже должен бы выйти на берег но берега не было видно невольно у меня в голове мелькнула мысль уж не заблудился ли я ведь озеро большое и если заблудится в этих камышах то не скоро выберемся. из них нервно забегали по спине мурашки а в ответ солнце зловеще палило с высоты а тень камышей не чуть не спосала от его полящих лучей и ноги стали не выносимо болеть от натертых сапогами мозолей. Тяжесть ружья и подвешеных к поясу уток стала еще чувствительней и казалось что я от усталости вот вот свалюсь в камыш но я не поддавался усталости и надеясь выбраться на берег повернул на право и пошол раздирая густые камыши я надееясь вы-ти на берег но увы сколько бы я не шел я ви-

дел только небо да камыш и опять все безпрерывно камыш. и кое где поблескивающие зеркально гладью релки на которых плавали мирно утки я теперь на них не обрящал почти ни кокого внимания и измученный весь *только* мечтал как бы *только* выбраться из проклятого камыша наконец утомление свое взело мои ноги совершенно отказались ходить я нарезал охапку камыша и усевшись на него стал отдыхать от усталости все члены моего тела ныли взглянув в вверх я увидел высоко кружившихся над головой журавлей. Невольно меня охватил ужас и собравшись с силами я стал кричять думая что меня услышат товарищи и придут комне напомощ я кричал до хрипоты зовя на помощ после чего я встал и подошев к лужище напился грязной воды с большим трудом я поплелся раздвигая высокий камыш. Солнце постепенно началозакатываться в голове моей поднялась сильная боль коморы почуяв приближение вечерней прохлады немилосердно стали кусать весь измученный разбитый и предоставленый на седени коморов я проклинал охоту и камыш поймавший меня в ловушку руже и уток носить мне стало в не силах а потому я все то решил бросить теперь и шол раздвигая камыши но куда я сам не отдавал себе отчета наконец солнце закатилось и внезапно наступила непроглядная тьма. В глубоком отчаянии я нарезал большую кучу камыша и растелив его поудобней я лег на него но заснуть я не как не мог каморы словно живем хотели меня сесть мучительно кусали все открытые чясти тела и тяжолые мысли отчаяния что придется погибнуть в этих проклятых камыщах ни как не давали спать.

В это время все мои товарищи собрались еще с полудня стали ждать моего возвращения оне ждали чяса три а так как у нас было условлено возвращяться к полудню то оне поговорив между собой решили что я заблудился. Поговорив еще немного оне решили разойтись в разные стороны и разошедши друг от друга на 300 саженей оне стали кричять но убедившись что ихние крики не кчему не приводят оне стали стрелять в верх но и стрельба не кчему не привела ответа не последовало. убедившись что это ни к чему не привело. Охотники собрались и единогласно решили что я гденибудь потонул а потому охотники решили ехать домой и сообщить печяльную весть моему семейству.

В это время как уже я говорил наступила ночь и прозрачные иглы звезд пронизывали темно-синее небо я лежал на куче срезанного камыша измученный и голодный и тер-

заемый безжалостно комарами я пробовал бороться отмахиваясь руками но это не помогало а измученые руки отказывались делать движения. Я пробовал лицо закрывать своей курткой но через минуту я задыхался от духоты о потому был принужден открывать лицо на изедение камарам так я промучился до рассвета. Как только стало светло я поднялся и пошол с слабой надеждой выбраться на берег но вскоре я был принужден от безсилья свалится на мокрый мох теперь у меня резало в животе словно вострый нож разрезал мои кишки на мелкие куски. Теперь обезсилев окончательно я был принужден лежать на мокром мхе и дожидатся медленой но мучительной смерти. Приступ отчаяния внезапно приступил ко мне и я стал плакать как маленький ребенок в ответ высокие камыши казалось радовались тому что поймали меня в свою ловушку оне покачивались от леккого дуновения ветра и зловеще шелестели задевая друг друга. Наконец минул полдень и солнце заметно стало склоняться к закату. я лежал это день на мокром мху не в силах встать только без сильно поворачиваясь с боку на бок. вдруг сразу потемнело из дали послышались раскаты грома а помере приближения тучи громовые раскаты становились громче и громче на конец над головой сверкнула молния а за ней последовал реский удар грома и наменя полились потоки дождя дождь длился с полчаса или меньше но он был очень силен я весь промок до нитки и лежал в струившейся воде сперьва дождик как будто немного освежил меня но зато через некоторое время я дрожал как в лихоратке. собрав все свои последние силы я поднялся и побрел раздвигая мокрые камыши но отойдя несколько шагов я обессилев упал в лужу воды Теперь в отчаянии я плакал как маленький ребенок и мысленно прощался со своими родными. Незаметно солнце закатилось и в камыши вкралась непроглядная тьма темные тучи заволокли небо а потому звезд не было видно теперь я невсилах уже был нарезать камыша для своей постели как я делал в первую ночь да и нарезать у меня было не чем так как нож я потерял в прежнем ночлеге а потому мне пришлось лежать на мокром мхе хотя луж не было так как оне стекли и впитались в землю. Вторая ноч в камышах проходила для меня еще мучительней меня стало сильно лихорадить сильная ознобь сменялась жаром голова моя казалас весила два пуда а временами она раскалывалась от сильной боли я лежал ворочаясь в полу-сознательном состоянии а без-

жалостные камары терзали меня с резкими писками мокрая одежда не приятно прилипала к моему телу. Вторую половину я не помни Толи я спал толи был в безсознательном состоянии.

В это время узнав о моей гибели от охотников вся моя семья и мои товарищи решили ехать утром еще поискать меня. Приехав к озеру оне ходили по камышам по всем направлениям стреляли из Ружей в надежде найти меня наконец видя что это ни к чему не приводит охотники собрались ехатъ домой решив что я потонул нечяено попав в трясину запрегая лошадей мой 15-тилетний сынишка Коля заметил что Сигнал куда то исчез он стал громким криком звать исчезнувшую собаку но осмотревшись во все стороны и убедившись что сигнала нет он обратился к заплаканной с опухшим лицом матери, а что мама уж не пошол ли наш сигнал искать папу ведь у него чутье хорошее с вспыхнувшей надеждой проговорил Коля. Обсудив этот вопрос Охотники в числе трех человек и 4-го Коли решили остаться ночевать на берегу до утра и дождаться возвращения исчезнувшего сигнала а остальные и в числе них моя жена уехали домой.

Утром я очнулся от мягкого щекотания моего уха повернувшись со слабым стоном я преоткрыл свои глаза и увидел пред собой наклонившегося Сигнала я хотел что то сказать но присохший к ньобу язык не повернулся и из горла вылетела слабая хрипота. Вдруг сигнал внезапно перескочил через меня скрылся в густых камышах я остался лежать в недоумении и несилясь разобраться восне ли все это я видел, или на яву. Чистое голубое небо смотрело на меня с верху желтовато-зеленые камуши блестели от ярких лучей взошедшего солнца. Вдруг до моих ушей донесся пронзительный лай Сигнала. В это время трое охотников и мой сын Коля встав утром и предварительно исследовав берег по всем направлениям без-успешно вынуждены были ехать домей без всяких результатов меня найти оне потеряли последние надежды а про Сигнала оне думали что он давно убежал домой хотя этого с ним не когда не случялось. Наконец оне запрегли лошадь и усевшись в ходок поехали домой. Дорога проходила край берега обогнув озеро в полукруге. Проехав край камышей обогнув озеро оне уже свернули на главную дорогу ведущую домой оне медлено удалялись от озера. оне ехали не говоря ни слова повернув свой взгляд вперед дороги вдруг сзади их донеслось до их ушей прон-

зительный лай. Обернувшись на зад и приставив к глазам лодонь защищая их от яркого блеска утреньнего солнца оне увидели в дали около высоких камышей на берегу озера лающую собаку.

Э да это ведь Сигнал радостно прокричал Коля и повернул лошадь оне быстро поехали к берегу озера в направление лающего пса. увидев падежающих охотников Сигнал завертелся помахивая лохматым хвостом. Подехав охотники спрыгнули с ходка и пошли в камыш за скрывшимся Сигналом пройдя несколько саженей от берега оне наконец увидели меня. При виде их я от радости потерял сознание а потому оне взяв меня унесли на берег и уложив в ходок поехали домой дома я очнулся вечером и увидел себя лежащего в постеле вымотого и в чистом белье, пролежав в постеле полторы недели я наконец поправился и теперь век не забуду своего славного друга Сигнала который спас мне жизнь.

КАПИТАЛИЗМ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК

I

1. В предыдущей статье указывалось, что мы, современники, являемся действующими лицами той истории русского языка, которая происходит на наших глазах. Следовательно, действующими лицами ее являются и наши начинающие писатели — рабочие и крестьяне, причем они «играют» в ней «на первых ролях».

Наши начинающие писатели — рабочие и крестьяне — являются действующими лицами современной истории русского языка не каждый сам по себе, а как представители своих общественных классов: «экономическое производство и неизбежно обусловливаемое им строение общества составляет основу политической и умственной истории данной исторической эпохи... Соответственно этому, вся история с тех пор, как разложилось первобытное общественное землевладение, была историей классовой борьбы». (Из предисловия Энгельса к немецкому изданию «Коммунистического манифеста» в 1883 г.)

Наши начинающие писатели не смогут быть сознательными участниками и руководителями современной истории русского языка (а они должны быть ими), если не уяснят себе классовую основу происходящих в современном русском языке процессов, а в частности классового состава современного русского языка.

2. Для того, чтобы понять закономерности развития современного языка, необходимо уяснить себе закономерности развития языка при капитализме. В этой статье мы освещаем общие линии развития языка при капитализме, затрагивая и эпоху феодализма (поскольку это необходимо).

3. Современная буржуазная лингвистика, в лице своей т. н. «социологической» школы, пытаясь понять специфичность объекта своего исследования, стремилась исходить из теории *многообразных функций языка*. Язык, по мнению

этой школы, может служить для разнообразных целей — коммуникации (передачи мыслей), экспрессии (выразительности), номинации (называния явлений) и т. д., и т. п. В результате такой постановки вопроса язык *как единство исчезает* из поля зрения «социологической» лингвистики и оказывается безнадежно разорванным на ряд несвязанных между собой функций. Этой теорией проникнуты многие новейшие пособия по языку. Поэтому нужно уяснить наше отношение к ней.

Марксистская лингвистика не может пойти по линии голого отрицания той или иной функции языка, констатированной предшествующей наукой в порядке эмпирических наблюдений над языком. Наше отношение к лингвистическому наследству целиком определяется следующими словами Ленина: «Философский идеализм есть *только* чепуха, с точки зрения материализма грубого, простого, метафизического. Наоборот, с точки зрения *диалектического* материализма философский идеализм есть одностороннее, преувеличенное развитие (раздувание) одной из черточек, сторон, граней познания — в абсолют. . .»

Тем более марксистская лингвистика не может пойти по линии абсолютизации, гипертрофирования (преувеличенного, одностороннего раздувания) одной из этих функций («сторон», «черточек») языка.

4. Язык и познание, мышление — совершенно неотделимы друг от друга (хотя, конечно, и не представляют собою тождества). Наше познание неизбежно материализуется в языке (на первых порах развития человеческого общества — в кинетическом, мимико-жестикуляторном, «ручном» языке, а затем — в звуковом). На эту связь языка и познания указывает Ленин, когда отмечает сугубую важность истории языка для разработки материалистической диалектики (9-ый Ленинский сборник). С другой стороны, Ленин характеризует язык «как важнейшее средство человеческого общения». Маркс (Архив Маркса и Энгельса, кн. I, стр. 220), высказываясь о связи языка и сознания, говорит следующее: «. . . оно не имеется заранее как «чистое» сознание. На «духе» заранее тяготеет проклятие «отягощения» его материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, в виде звуков, коротко говоря, в виде языка. Язык так же древен, как сознание, язык — это *практическое, существующее для других людей*, а значит, существующее также для меня самого, *реальное сознание*, и язык, подобно сознанию,

возникает по потребности сношений с другими людьми» (курсив наш). В другом месте («Введение к критике политической экономии», стр. 52) в качестве примера *бессмыслицы* Маркс приводит предположение о возможности развития языка «без *совместно* живущих друг с другом говорящих индивидов.

5. В соответствии с этими высказываниями Маркса и Ленина мы устанавливаем *две* основных функции языка: 1) *язык как средство общения* и 2) *язык как идеология.* Все же «функции», о которых говорилось выше, присутствуют в языке лишь как отдельные «стороны», «черточки», «грани» языка, выступающего как средство общения и как идеология.

Обе эти основные функции ни в коем случае нельзя отрывать одну от другой: во всяком своем проявлении язык выступает *сразу* в обеих этих функциях. Марксистская лингвистика устанавливает таким образом, что язык есть *единство* этих двух функций, и показывает, как, на разных этапах развития общества, эти две стороны языка, как единства, вступают в *противоречие* между собой и как это противоречие, определяемое социально-экономической обстановкой, выступает *внутренним двигателем* в развитии языка.

6. Являясь, таким образом, неизбежной формой нашего познания, а на заре своего существования, как с убедительностью показал ак. Марр, самостоятельной идеологией, язык, по мере образования и диференциации надстроечного мира, выступает как одна из форм существования большинства других идеологий (религиозной, правовой, научной, политической и пр.).

Но история в классовом обществе есть борьба классов, а история идеологий есть борьба классовых идеологий. Классовая диференциация идеологий в историческом процессе становится все более четкой, она усиливается максимально при капитализме, как формации, связанной с максимальным классовым антагонизмом. Таким образом, язык становится формой существования классово-различных сознаний (психоидеологий).

7. Однако, этот процесс классовой диференциации языка, *как идеологии,* сопровождается другим процессом (вернее — это две стороны одного и того же процесса), а именно *расширением сферы действия языка, как средства общения.*

Тот же самый капитализм, который максимально диференцирует язык, как идеологию, стремится превратить его в

общенациональное межклассовое средство общения. Таким образом, язык, сложившийся в капиталистическом обществе, характеризуется максимальным обострением того внутреннего противоречия, о котором говорилось выше. Это противоречие может быть сформулировано, как противоречие всеобщности языка, как средства общения (форма), и классовой диференциации языка, как идеологии (содержание).

В этой книге мы будем характеризовать в дальнейшем развитие языка как средства общения. Вопросам развития языка в его идеологической функции будет посвящена особая работа.

II

8. Для феодализма характерна территориальная (районная) раздробленность населения, в том числе (и прежде всего) — крестьянского. Это стоит в связи с основными признаками феодализма как экономической формации, а именно: феодализм предполагает наличие крупного землевладения, крупных земельных поместий с мелким замкнутым хозяйством: крестьянство работает на себя и на помещика-феодала, «производя все виды хозяйственных работ, начиная от добывания разных видов сырья и кончая окончательной подготовкой их к потреблению». (Ленин, «Развитие капитализма в России», собран. сочин., 1926, т. III, стр. 15.). Каждое такое поместье представляет собою своего рода «государство», в котором помещик-феодал обладает политической властью, находясь в определенных отношениях связи с другими более крупными и менее крупными феодалами (ср. Покровский, «Русская история с древнейших времен», Гиз, 1924, т. I, стр. 28 и след.). Таким образом мы имеем не только территориальную раздробленность населения, но и значительную изолированность (обособленность) отдельных районов (поместий). Эта изолированность касалась в первую очередь именно крестьян: помещики, находившиеся в определенных отношениях зависимости друг к другу, в большей массе могли выходить за пределы своего района-поместья, они осуществляли «межрайонную связь» в пределах раздробленного феодального общества. Они имели и некоторую «межрайонную» политическую организацию.

К сказанному необходимо прибавить, что территориальная раздробленность и обособленность районов в еще большей мере была свойственна до-феодальному обществу, где

основной хозяйственной единицей была *замкнутая хозяйственная группа,* коллективно самообслуживающаяся. Феодальное поместье могло включать и включало ряд таких первобытных хозяйственных групп, и таким образом феодализм, создавая обособленные и изолированные феодальные поместья, сам нарушал обособленность и изолированность более мелких социальных единиц предшествующего ему общественного строя.

Изолированность крестьянского населения феодальных поместий не следует понимать как абсолютную (полную) изолированность; при феодализме невозможны переходы крестьян от одного феодала к другому, хотя в общем крестьянство на деле прикреплено к своему феодалу, что и выражается позднее в крепостном праве. С другой стороны, обособленность населения в поздний период феодализма разрушается расширяющимся торговым обменом и развитием городов, но здесь уже начинают действовать те экономические силы, которые впоследствии взрывают самый феодализм и приводят к капитализму.

9. Феодальной языковой общественности *было присуще районирование;* феодальное общество распадалось на ряд *языковых районов,* соответствующих феодальным поместьям; эти языковые районы мы условимся называть *поместными диалектами* (наречиями, говорами).

В какой мере были *изолированы* (обособлены) поместные диалекты? В такой же мере, в какой было изолировано население феодального поместья, говорившее на этом диалекте, т. е. в *значительной мере.* Эта обособленность особенно касалась крестьянского населения поместий, поскольку помещики-феодалы в значительно большей степени выходили, по своей социальной функции, за пределы своего поместья.

10. Было ли совершенно однородным по своему языку население феодального поместья, или, иными словами, являлся ли *совершенно однородной единицей поместный диалект?* Нет, потому что население феодального поместья могло включать в свой состав население *ряда* хозяйственных групп. Но, независимо от происхождения населения данного поместья, оно вырабатывало *общие черты своего* поместного диалекта, имевшего определенные *границы.* Таким образом то *различное,* что мы имеем внутри поместного диалекта, *не характерно* для феодальной языковой общественности и является пережитком как предшествующей стадии развития

общества, так и нарастанием нового различия по некоторой общественно-хозяйственной связи с другими поместными диалектами, а то *общее*, что мы имеем в поместном диалекте, и *отграниченность, замкнутость этого общего* характеризует феодальную языковую общественность, *присуще* ей. В феодальном обществе крестьяне говорили *в разных районах по-разному,* а внутри района вырабатывали естественно *общие черты* языка, хотя имели и черты различия, указанные выше.

Правда, и при феодализме были крупные государственные объединения, но они резко качественно отличны от национальных объединений капитализма.

«В средние века государство состояло из многочисленных областей, из объединений, т. н. феодов, которые сами собой управлялись, в хозяйственном отношении были самостоятельными и были связаны с государственной властью лишь военной правовой зависимостью. В каждой из этих маленьких общин, естественно, господствовал один только язык. Но не было вовсе необходимости в том, чтобы все эти общины, составляющие одно государство, пользовались одним и тем же языком. Государственная власть имела так мало общего с внутренним управлением отдельных общин, что многоязычие последних не вызывало ощутительных неудобств.

«Дело изменилось, когда капитализм принес денежное хозяйство, когда отдельные области и общины пришли в более тесные хозяйственные сношения друг с другом и одновременно также самоуправление маленьких общин уступило место централизованному управлению посредством оплачиваемой государством бюрократии, а феодальное войско вассалов — наемному войску.

«Большое значение получило одноязычие для бюрократии, на долю которой выпали важнейшие и многообразнейшие дела юстиции и полиции, хозяйства таможенного и податного дела, путей сообщения и т. д., что делало необходимым долгие разбирательства и отчеты. И если не весь бюрократический аппарат был одноязычным, это создавало большие трудности и помехи при ведении государственных дел. Вот почему централизованный бюрократический абсолютизм повсюду заботился о проведении одноязычия в государственном управлении. Но бюрократии приходилось сноситься не только друг с другом, но и с населением, в движение, которого государство вмешивалось на каждом шагу. А для этого представителю государства при-

ходилось понимать также язык населения. Одноязычие народа получило отныне столь же важное значение, как и одноязычие бюрократии. Поэтому уже абсолютистское государство XVIII столетия стремится стать *национальным* государством, в границах которого употреблялся бы *один язык*».

С другой стороны, «по мере того как производство становится товарным, приходится закреплять на бумаге права и обязательства, надо уметь писать и читать документы, писать и читать письма. Без писем, календаря, газет в настоящее время не может обойтись уже и крестьянин. Если раньше сын изучал в хозяйстве своего отца, дочь в домашнем хозяйстве матери все необходимое для того, чтобы занять свое место в жизни, то теперь для этого уже нужна *школа*. Если раньше школа была привилегией имущих, то теперь известный минимум школьного образования для всего народа становится необходимым условием преуспеяния общества. Но это образование действительно сводится к минимуму, — для изучения чужих языков у народа нет времени. Высшие школы — те всегда служат, между прочим, также изучению культурных языков, помимо родного; народная школа с самого начала является чисто национальной. Народ может и хочет получить образование на родном языке. Он требует себе учителей из среды собственной нации, которых он сразу понимает. Но с развитием производства и наук у народной массы возникает потребность еще и в других работниках умственного труда помимо учителей. Мелкому собственнику, крестьянину, лавочнику, ремесленнику нужны адвокаты, и всему населению нужны врачи. И с ними народ может объясняться тоже только в том случае, если они говорят на родном языке». (*К. Каутский,* хрестоматия Комакадемии стр. 210—211.)

III

11. Капитализм зарождается еще в рамках феодального общества. Капитализм порождает новое разделение труда между городом и деревней и общественные отношения внутри города складываются как капиталистические. «Буржуазия подчинила деревню господству города. Она вызвала к жизни огромные города, в высокой степени увеличила городское население, сравнительно с сельским, и освободила таким образом значительную часть населения от идиотизма деревенской жизни» («Комм. манифест»). Следовательно, в

городах нужно искать зарождения и развития новых капиталистических языковых отношений.

Что нового приносит стремящийся к капитализму и уже капиталистический город в языковую культуру по сравнению с языковой культурой феодализма?

Прежде всего необходимо отметить, что население городов в высокой степени *смешанное*; смешанный характер населения присущ городу с *самого начала его существования;* население города составлялось из людей различных феодальных поместий (см. § 9), иногда значительно отдаленных от города. Поэтому в городе образовывался некоторый *общий разговорный язык,* отражающий черты тех поместных диалектов, население которого пришло в город и осело в нем. Но этого мало. Если бы дело ограничивалось только образованием ряда различных смешанных городских диалектов, то ничего *качественно нового* в этом не было бы: возникло бы великое количество новых местных диалектов, уже городских. *Принципиально-новым* — и в высшей степени важным — является то обстоятельство, что общий язык *каждого отдельного города* слагается в обстановке все усиливающегося *межгородного взаимодействия* на основе разговорного языка наиболее крупного для данного общества центра (или центров). Разговорный городской язык слагается *как общий* разговорный язык *всех городов* данного общества, как так называемый *общенациональный язык.* «Буржуазия все более и более уничтожает раздробление имущества населения и средств производства. Она сгустила население, централизовала средства производства и концентрировала собственность в немногих руках. Необходимым следствием этого была политическая централизация. Независимые, связанные почти только союзными отношениями провинции, с различными интересами, законами, управлением и таможенным тарифом, сплотились в одну нацию, с единым правительством, единым законодательством, единым национальным классовым интересом и единой таможенной политикой» («Комм. манифест»).

Языковая общественность становится все менее похожей на тот мешок с диалектами, которым она была при феодализме.

12. Образование национального языка определяется образованием *нации и национального государства* в эпоху подымающегося капитализма. «Нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определен-

ной эпохи, эпохи подымающегося капитализма. Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации» (*Сталин*, «Марксизм и национальный вопрос»).

Ленин так характеризует этот процесс.

«Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всех препятствий развитию того языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условия тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем» (*Ленин*, «О праве наций на самоопределение»).

«Образование *национальных государств*, наиболе удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения. Самые глубокие экономические факторы толкают к этому, и для всей Западной Европы, более того, для всего цивилизованного мира — типичным, нормальным для капиталистического периода является поэтому национальное государство» (*Ленин*, там же).

13. О возникновении национальных связей, именно как буржуазных связей, специально в примененных к русской истории, Ленин говорит: «...в средние века, в эпоху московского царства, этих родовых связей уже не существовало, т. е. государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, а общины, составляющиеся таким образом, были чисто территориальным союзом. Однако, о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные земли, часто даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы

и т. д. Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое... оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководящими хозяевами этого процесса были капиталисты — купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных» («Что такое друзья народа?», т. I, стр. 73).

14. Итак, городской разговорный язык развивается как общий разговорный язык всех городов данного капиталистического общества; этот процесс обусловлен развитием капитализма. Необходимо, однако, в связи с этим сделать две существенных оговорки. Первая оговорка. Если мы говорим, что разговорный городской *язык слагается* (развивается) как язык общий для всех городов данного капиталистического общества, то это нельзя понимать так, что этот язык на *любой* стадии развития капитализма и во всех городах данного капиталистического общества является абсолютно *тожественным*. Речь идет не о *тожестве*, а о тенденции (стремлении) к общности: это во-первых. Во-вторых, — чем ниже стадия развития капитализма, тем слабее проявляется эта общность, тем сильнее проявляются черты *местного* происхождения городского населения (т. е. тем сильнее следы феодального прошлого городов). В-третьих, — население города постоянно *подновляется* за счет крестьянства, приносящего свой *местный язык*. В-четвертых, — чем слабее город как капиталистический центр, тем сильнее в нем пережитки местного происхождения его населения. В-пятых, — но здесь начинается вторая оговорка.

15. Население города не является однородным по своему составу: оно включает *разные общественные классы* — в городе всегда налицо и значительная прослойка *профессиональной интеллигенции* (техническая интеллигенция, лица вольных профессий, служащие различных государственных и общественных учреждений и др.).

Совершенно очевидно, что *степень общности языка разных общественных классов капиталистического города — различна*. Разные классы обобщают свой язык в разной степени в зависимости от того, насколько их *понуждают* к этому их *объективные классовые интересы* и насколько *допускают* это обобщение *объективные политические условия*, в

которых существует и развивается данный класс; в этом последнем отношении господствующие классы обладают бо́льшими техническими возможностями обобщения, чем подчиненные (сравните хотя бы такое *мощное* средство обобщения языка, как систематическое и длительное образование, совершенно недоступное, как правило, подчиненным классам).

Наибольшую степень общности языка мы ожидаем найти в том классе, который является непосредственным командиром капиталистического общества, т. е. у *буржуазии*. Капиталист не только *главный собственник* в капиталистическом обществе, но и собственник, *непосредственно организующий* производственный процесс (в этом положение капиталиста коренным образом отличается от помещика при феодальном строе). Развивающийся капитализм требует от буржуазии высокой квалификации, т. е. длительного и систематического образования, а об обобщающей силе образования мы уже говорили выше. Буржуазия развивает общность своего языка, не только понуждаемая к этому объективными классовыми интересами, не только потому, что политическое господство ее в обществе не ставит ей в этом отношении никаких преград, но и сознательно, как «класс для себя»; местная разобщенность в области языка снижала бы наступательную и оборонительную силу буржуазии; местная прикрепленность не вяжется с самым существом буржуазии, как класса: буржуа не житель того или иного города, а житель всей страны; он как знаменитый цирульник: «Фигаро здесь, Фигаро там». Любопытно, что буржуазия (в лице своих идеологов) неоднократно развивала необходимость общности языка, как высокое достижение культуры, и поддерживала эту общность силой своего государственного аппарата; буржуазия перерастала в этом отношении даже границы национальных обществ: на основе осознания необходимости обобщения языка буржуазии уже в международном, мировом масштабе возникает тяга к изучению иностранных языков и появляются первые проекты международных языков (в том числе и эсперанто), «потребность в постоянно возрастающем сбыте ее продуктов заставляет буржуазию обегать весь земной шар» («Комм. манифест»). Класс крупных земельных собственников-помещиков, хотя и является в капиталистическом обществе классом пережиточным, унаследованным от феодализма, но с развитием капитализма в большей или меньшей степени сращивается с буржуазией и развивает те же черты общения языка, что и эта последняя.

Профессиональная интеллигенция капиталистического общества, — в огромной своей массе оруженосец, идеолог и помощник буржуазии, — следует по ее стопам. Роль в образовании и обобщении языка у нее, быть может, еще более значительна, чем у самой буржуазии.

Иначе обстоит дело с *мелкой буржуазией и пролетариатом.* Здесь черты обобщения не столь значительны. И это понятно.

Мелкая буржуазия по своей роли в капиталистическом хозяйстве гораздо меньше нуждается в обобщении своего языка; длительное, систематическое образование доступно ей в малой степени; если мелкая буржуазия и обобщает свой язык, то отраженным светом, посильно приспобляясь к языку буржуазии и интеллигенции, по образу и подобию которых она хотела бы существовать. Пролетариату и крестьянству посвящены ниже отдельные статьи.

Таким образом капиталистическое общество развивает *общий разговорный язык;* этот обобщающий процесс развивается *неравномерно,* отражая противоречия капиталистического общества; капиталистическое общество, порождая этот процесс, само же ставит ему *пределы;* но во всех своих противоречиях этот процесс *присущ капиталистическому обществу* и является одним из основных фактов «капитализации» языковых отношений.

В отличие от феодализма, которому присущи языковое *районирование и особенность языковых районов,* капитализм развивает *общий междурайонный и надрайонный язык.* Иными словами: категорией феодальной языковой общественности является *поместный диалект (при капитализме* существующий лишь как пережиток; об этом см. дальше), категорией капиталистической языковой общественности — т. н. *национальный язык.*[1]

IV

16. Наряду с указанным в предыдущей главе необходимо указать еще один существенный признак «капитализации» языковых отношений. Мы имеем в виду своеобразное развитие *публичной речи* при капитализме.

---

[1] Обобщение разговорного языка города идет неравномерно и в отношении разных сторон языка — произношения, грамматики, словоупотребления; это имеет свои глубокие причины, на которых мы остановиться не имели возможности.

Что такое публичная речь?

Мы постараемся определить публичную речь по сравнению с разговорным языком.

Для разговорного языка характерно *сравнительно незначительное число участников языкового общения;* если сразу хочет разговаривать слишком много людей, то разговор становится невозможным. Для разговорного языка характерно, что *отдельные высказывания,* которыми обмениваются при разговоре, — кратки: *разговор есть обмен короткими репликами* (диалог).

В языковом общении при *публичной речи* могут участвовать десятки, сотни и тысячи людей, т. е. при публичной речи мы имеем *массовое языковое общение.* При публичной речи *активно высказываются* один или несколько человек, но высказывания их являются *развернутыми, длительными, монологическими.*

Разговорная речь — преимущественно *устная речь,* хотя можно себе представить и письменный обмен разговорного порядка (напр., обмен записочками на заседании); *публичная речь — и письменная* (книга, газета и проч.) *и устная* (доклад, лекция и пр.).[1]

17. Феодализму известны разные виды устной публичной речи. Наиболее развитыми видами устной публичной речи феодализма были *духовное* (церковное) красноречие и *устная художественная словесность.* Устной публичной речью обслуживалась и *«научно-просветительная» деятельность феодализма* в форме научных публичных диспутов и лекций; по своей структуре эта разновидность устной публичной речи тесно смыкалась с духовным красноречием, поскольку средневековая наука и средневековое просвещение были на службе у церкви. *Судебные виды* устной публичной речи не являются характерными для феодализма, потому что они развиваются лишь с развитием гласного состязательного судебного процесса. Меньше всего возможностей феодализм давал, что и понятно, для развития разных видов *политической устной публичной речи.* В более поздние стадии феодализма при дворе крупных феодалов развивается панегириче-

[1] Отметим некоторые *промежуточные формы,* например, *частную переписку,* которая является обменом письменными монологами при условии, что членами языкового общения являются обычно два человека. Переходной от разговорного языка к публичной речи является *беседа,* где число общающихся может быть большим, чем при обычном разговоре, а отдельные высказывания их — сравнительно длительными.

ская публичная речь, имеющая целью восхвалять всякие достоинства и подвиги феодалов.

Следует указать, что *устная словесность* была широко распространена и *среди крестьянства* и имела там своих *профессионалов* (не касаясь сейчас вопроса о том, как она возникла в крестьянской среде); на примере русского крестьянства можно указать на существование таких видов устной словесности, как старина (былина), обрядовая песня, разные виды сказки и пр. Что касается духовного красноречия, то оно существовало и для крестьян, но не как явление крестьянской языковой культуры. В крестьянской среде необходимо указать еще на существование элементарных видов публичной речи, связанных с *общинным самоуправлением* (выступления на общинной сходке).

Все эти виды устной публичной речи были обусловлены самой сущностью феодализма, его техники, политической надстройки и идеологии; с падением феодализма духовное красноречие все более уходит на задворки общественности; отмирает устная словесность, в частности и в деревне: для того чтобы найти остатки былин и сказок, нужно нарядить специальные экспедиции в крестьянские захолустья современности. Капиталистические отношения, развиваясь еще в рамках феодализма, дают количественно более разнообразные и качественно иные разновидности.

18. Формы политической (в широком смысле этого слова) устной публичной речи в рамках феодализма не имеют оснований для развития: феодализм просто не дает «площадок» для развития этих видов публичной речи; площадки для них приносит классовая борьба между феодалами и буржуазией вместе с гибелью феодализма. Политическая победа буржуазии развязывает накапливающиеся в позднейшую стадию феодализма *возможности публичных выступлений во всех областях общественной жизни;* развитие капитализма, еще в недрах феодального общества, создает необходимые объективные условия для развития устного публичного слова; буржуазная революция несет «свободу» этому слову вместе с «свободой» всякого рода собраний государственного и общественного порядка. Публичная речь начинает «процветать» в парламенте и на суде, в высшей школе и на публичных лекциях, на митингах и заседаниях; даже площадь становится ее «площадкой». Качественно иная и более сложная государственность, качественно иные и более сложные формы организации хозяйства. несравнимого с фе-

одальным по содержанию и размаху, противоречия внутри самих господствующих классов капиталистического общества, развивающаяся борьба с пролетариатом, непосредственным классом-антагонистом буржуазии — вот общественное содержание, которое стимулирует (вызывает) публичное говорение при капитализме, в каких бы видах оно ни проявлялось.

Парламентская речь, выступление дипломата на конференции, выступление на диспуте или на митинге, политический доклад, речь адвоката или прокурора, уличная речь-агитка и т. д. и т. п. — вот жанры публичной речи, присущие именно капитализму по сравнению с феодализмом, независимо от того, что зачатки их мы находим и при феодализме. Капитализм разговаривает публично неизмеримо больше и иначе, чем феодализм. Публичное говорение при феодализме *узко специализовано,* ограничено узкими областями общественности; публичное говорение при капитализме претендует на всеобщность; оно хочет быть такой же всеобщей формой, как и разговорный язык.

19. После того, что сказано об устной публичной речи, не придется особенно долго останавливаться на письменной речи и ее разновидностях.

Ясно, до какой степени капитализм стимулирует развитие письменного общения. Развитие письменного обмена порождается в первую очередь развитием торгового обмена; письменность становится межгородской, а потом и международной формой связи; на этой именно основе *письменность* превращается в *печать,* т. е. создаются новые технические возможности письменности, которые в свою очередь обусловливают пышный расцвет всех письменных жанров. Обрастая различными жанрами устной публичной речи, капиталистическая общественность обрастает и соответствующими жанрами письменности. Феодализм писал гусиным пером при лампаде, капитализм в миллионах экземпляров разбрасывает по стране *книгу, брошюру, листовку, газету,* отстукивает в канцеляриях миллионы *деловых писем, циркуляров, распоряжений.* Количество и качество письменной продукции капитализма несравнимо и несоизмеримо с соответствующей продукцией феодализма: достаточно бегло вспомнить различные, свойственные именно капитализму (и чуждые феодализму) разновидности потической, научной, художественной и деловой речи, чтобы

в этом убедиться, чтобы понять, во что превращает капитализм скромные навыки чтения и письма.

Капитализм пишет и читает неизмеримо больше и иначе, чем феодализм. Письменность при феодализме имеет узкую сферу применения, она классово и тематически специализована; письменность при капитализме претендует на *всеобщность*. Подобно устной публичной речи, она хочет быть такой же *всеобщей формой*, как и разговорный язык. *В этом — соль.*

20. Основной наш вывод можно сформулировать следующим образом: *капитализму присуща тенденция* (стремление) превратить *публичную речь в такую же всеобщую форму речевого общения, как и разговорный язык*. Всякий должен читать книгу, брошюру, газету; всякий должен уметь написать доклад, статью, брошюру и проч.; всякий должен слушать публичное выступление и всякий должен уметь говорить публично.

Но эта тенденция (как и отмеченная нами выше в § 14 тенденция к обобщению разговорного языка) находит себе *предел в противоречиях капиталистического общества;* эта тенденция ограничивается господствующими классами капиталистического общества, потому что буржуазия, вынуждаемая объективными классовыми интересами широко развертывать разнообразные виды публичной речи, как своими руками, так и главным образом руками своей интеллигенции, вынуждена этими же самыми объективными классовыми интересами зажимать рот и руку подчиненным классам, особенно своему непосредственному классу-антагонисту — пролетариату, пользуясь для этой цели всей силой своего государственного аппарата. Поэтому всеобщность публичной речи остается в капиталистическом мире таким же мифом, как свобода, равенство и братство и многие другие хорошие вещи.

21. Своеобразия буржуазного развития России обусловили сравнительно очень позднее широкое развитие у нас публичной речи. Еще Фонвизин (конец 18-го века) отмечал зачаточное состояние устной публичной речи в России, ограниченное феодальными формами церковного красноречия, мечтая о той силе, которой достигло бы «российское витийство», если бы «имели мы где рассуждать о законе и податях и где судить поведение министров, государственным рулем управляющих», «. . .как нельзя не признаться, что наши витийственные сочинения составили бы весьма маленькую

книжку, то размышлял, отчего имеем мы так мало ораторов? Никак нельзя положить, чтоб сие происходило от недостатка национального дарования, которое способно ко всему великому, ниже от недостатка российского языка, которого богатство и красота удобны ко всякому выражению. Истинная причина малого числа ораторов есть недостаток в случаях, при каких бы дар красноречия мог показаться. Мы не имеем тех народных собраний, кои витии большую дверь к славе отворяют и где победа красноречия не пустою хвалою, но Претурою, Арконциями и Консульствами награждается. Демосфен и Цицерон в той земле, где дар красноречия в одних похвальных словах ограничен, были бы риторы не лучше Максима Тирянина; а Прокопович, Ломоносов, Елагин и Поповский в Афинах и Риме были бы Демосфены и Цицероны; по крайней мере церковное наше красноречие доказывает, что россияне при равных случаях никакой нации не уступают. Преосвященные наши митрополиты: Гавриил, Самуил, Платон суть наши Тиллосоны и Бурдалу; а разные мнения и голоса Елагина, составленные по долгу знания его, довольно доказывают, какого рода и силы было бы российское витийство, если бы имели мы где рассуждать о законе и податях и где судить поведение министров, государственным рулем управляющих».

22. В шестидесятые годы «на смену России крепостнической шла Россия капиталистическая». Соответственно этому публичная речь заняла *гораздо большее место* в общественной жизни России. В высшей степени любопытно, что феодальная реакция, в своей «критике» этой «капиталистической» России, изрядное место уделяла *публичной речи,* развитие которой представлялось ей величайшим злом. Один из вождей этой реакции Победоносцев в речи на совещании под председательством Александра III (8 марта 1881 г.) со всей энергией *обрушился на публичную речь*, которая значительно «расцвела» в новых условиях:

«Благодаря пустым болтунам что сталось с высокими предначертаниями покойного незабвенного государя, принявшего под конец своего царствования мученический венец? К чему привела великая святая мысль освобождения крестьян? . . К тому, что *дана им свобода, но не устроено над ними надлежащей власти,* без которой не может обойтись масса темных людей. Мало того, открыты повсюду кабаки, бедный народ, предоставленный самому себе и оставшийся без всякого о нем попечения, стал пить и лениться к работе, а

потому стал несчастной жертвой целовальников, кулаков, жидов и всяких ростовщиков. Затем открыты были *земские и городские учреждения, — говорильни, в которых не занимаются действительным делом, а разглагольствуют вкривь и вкось о самых важных государственных вопросах*, вовсе не подлежащих ведению говорящих. И кто же разглагольствует? Кто орудует в этих говорильнях? Люди негодные, безнравственные, между которыми видное положение занимают лица, не живущие со своими семействами, предающиеся разврату, помышляющие лишь о личной выгоде, ищущие популярности и вносящие во все всякую смуту. *Потом открылись новые судебные учреждения — новые говорильни адвокатов*, благодаря которым самые ужасные преступления, несомненные убийства и другие тяжкие злодеяния остаются безнаказанными. *Дали, наконец, свободу печати, этой самой ужасной говорильне, которая во все концы необъятной русской земли, на тысячи и десятки тысяч верст разносит хулу и порицание на власть*, посевает между людьми мирными и честными семена раздора и неудовольствия, разжигает страсти, побуждает народ к самым вопиющим беззакониям».

23. К сказанному о письменном (печатном) языке необходимо добавить следующее.

Определенные способы произношения, склонения и спряжения, словообразования, словоупотребления, словосочетания — т. е. *норма* национального языка, как средства общения объективируется, закрепляется именно в письменном (печатном) языке.

Поскольку всякий язык, а не только национальный язык, является средством общения и, следовательно, общим для определенного коллектива говорящих, — постольку в любом языке, в том числе и в крестьянском диалекте, имеется какая-то норма говоренья. Норма диалекта образуется как определенное закрепление *устной речи*, она живет в устной традиции. Иначе обстоит дело с нормой национального языка.

Письменный (печатный) язык с большим успехом, чем устный, побеждает пространство, преодолевает *территориальную ограниченность диалектов*. Письменный язык обращается к неизмеримо большей аудитории, чем устный.

Определенные тенденции единства проявляются, как мы это и указывали, и в устном языке, даже в той его части, которая меньше всего может быть закреплена в письме, т. е. в произношении, хотя, как мы знаем, норма устной речи господствующих классов и их интеллигенции значительно коле-

балась по разным городам и даже в пределах одного города (напр. в столицах); устная норма обеих столиц была неодинакова. *Единство языка, как средства общения, капитализм осуществляет именно в письменном (печатном) языке;* не случайно, поэтому, говорит Ленин в приведенной выше цитате *о закреплении национального языка в литературе.* Закрепления в письменном (печатном) языке норма становится всеобщей нормой, характеризующей национальный язык. Только в письменном (печатном) языке национальный язык освобождается от той территориальной ограниченности, преодоление которой является его исторической задачей.

Но именно эта особенность национального языка, т. е. закрепление его нормы в письменном (печатном) языке, как раз и не дает национальному языку возможность стать общим для всех классов общества. Письменность становится классовой привилегией; в связи с этим норма национального языка лишь отчасти входит в практику подчиненных классов. Буржуазная культура, благодаря своему классовому характеру, начинает отрицать ту всеобщность национального языка, тенденции которой в ней заложены.

V

24. Итак, национальный язык, как категория капиталистической формации, противостоит языковой раздробленности феодализма. Проанализируем подробнее понятие национального языка. Национальный язык есть язык *общий,* общенациональный.

Что значит *общенациональный?*

Шаблонный ответ, который можно найти и в учебниках по языковедению, гласит следующее: это значит — общий для данного языка независимо от тех говоров, на которые этот язык распадается, существующий, так сказать, поверх этих говоров. Так, русский национальный язык является общим для говорящих по-русски, независимо от того, что русский язык распадается на ряд говоров (севернорусские, южнорусские, среднерусские и более дробные деления внутри этих крупных групп говоров).

25. *Но этот ответ явно недостаточен.* Общие языки в этом смысле существовали и при феодализме. Но эти общие языки были общими только для господствующего класса; таким общим языком являлся в средневековой Европе латинский язык — язык церкви и теснейшим образом с нею связанной письменности и образованности вообще; латинский язык был

общим языком в средневековой Европе, независимо от тех говоров, на которые распадались языки ее отдельных народностей, и даже *независимо от тех народностей, которые в ней существовали.* «Средневековый европейский мир с его по-преимуществу религиозным миросозерцанием был лишен всякого *внутреннего* единства, но был *внешне* спаян христианством против внешнего врага — сарацинов. Западноевропейский мир, представлявший собой группу народов с постоянно менявшимися взаимоотношениями, объединялся католицизмом. Это религиозное единство было не только идеально. Оно существовало *реально* не только в папе — своем монархическом центре, — но прежде всего в организованной на феодальной и иерархической основе церкви. Эта церковь владела в каждой стране приблизительно третью всей земли, представляла собой крупную силу в феодальной организации. Церковь с ее феодальным землевладением являлась реальной скрепой, связывавшей различные страны» (*Каутский и Энгельс,* «Юридический социализм»). Общий язык европейского средневековья — латынь — и являлся языковым выражением единого религиозного мировоззрения средневековья и внешней организующей роли церкви. Таково же место церковнославянского языка в русском средневековьи.

26. Итак, определение понятия «общий», данное в § 6, *недостаточно* для национального языка, как категории *капиталистической* формации, поскольку оно применимо и к общим языкам *другой* формации — феодальной. Уточним наш анализ.

Национальный язык является общим еще и в том смысле (и это — самое важное), что он возникает и развивается как язык, претендующий на то, чтобы стать *общим для всех классов общества, т. е. всеобщим,* подобно тому, как создающая общенациональный язык буржуазия возникает и развивается как класс, претендующий на отражение интересов всего общества.

Общие языки феодализма не являются и не могут быть общими в этом смысле слова по самому существу феодальной формации. Почему? Классы феодального общества по-иному противостоят друг другу, чем классы общества капиталистического; классы феодального общества более замкнуты, более обособлены: они являются *классами-сословиями* с определенными и различными нравами и нормами нравственности; то, что являлось большим преступлением для од-

ного сословия, оказывалось маловажным проступком для другого сословия и т. п.

Классы феодального общества связаны между собой непосредственными отношениями господства и подчинения. Только в капиталистическом обществе эта сословно-политическая форма непосредственной связи заменяется стихийной экономической связью уже не непосредственной, а осуществляющейся посредством рынка.

Таким образом, несмотря на внешнюю закрепленность классовых связей при феодализме, классы там существуют значительно разрозненнее, чем при капитализме.

Тенденции *единого* общества (на основе которых и могли бы только проявиться тенденции общего языка) приносит капитализм; тенденции единого общества приносят товар и рынок, создающие на основе объективных *тенденций* единства *иллюзию* действительного единства, существующую до тех пор, пока пролетариат, осознавший себя как класс, не разбивает эту иллюзию; но это уже начало конца буржуазного общества.

27. К тому, что сказано в предыдущем параграфе, нужно добавить следующее: обособленность классов феодального общества определяется и тем, что при феодализме индивид (отдельный человек) является гораздо менее самостоятельным, гораздо более принадлежащим к более обширному целому, чем при капитализме. Сошлюсь на Маркса («Введение к критике политической экономии»): «Чем глубже мы уходим в даль истории, тем в большей степени индивид, а следовательно, и производящий индивид, является не самостоятельным, а принадлежащим к более обширному целому: сначала естественная связь соединяет его с семьей и с семьей, развившейся в род; затем с обществом, различные формы которого возникли из столкновения и слияния родов. Лишь в XVIII веке, в «буржуазном обществе», различные формы общественных связей выступают по отношению к отдельной личности просто как средство для ее частных целей, как внешняя необходимость. Однако эпоха, которая порождает эту точку зрения—объединившегося индивида,—является как раз эпохой наиболее развитых общественных (т. е. с этой точки зрения всеобщих) связей».

28. Из предыдущего ясно, что национальный язык — *общий в тенденции и для всех классов общества* — не может быть присущ феодальной формации. В связи с этим становится понятным такое очень нередкое в феодальном

обществе положение вещей, когда, в результате завоеваний, феодалы *говорят на совсем другом языке,* чем крестьяне: например, феодалы говорят по-немецки, а крестьяне по-польски и т. д. Такое положение вещей, конечно, не является обязательным для феодализма, но самое его существование, там, где оно возникает, лишний раз подчеркивает обособленность обоих основных классов-сословий феодализма: каждое из обоих сословий говорит на своем языке, а феодализм «продолжается», а если и гибнет, то отнюдь не из-за разноязычия феодалов и крестьян.

29. Национальный язык является общим еще и в том смысле, что он *общ в тенденции* всем жанрам речи данного народа, что он не специализован, не прикреплен для обслуживания какой-то одной части общественной жизни (например, для обслуживания церкви или художественной литературы, или торгов, или правых отношений и т. д.). Так, например, у нас при феодализме церковь и «высокая» письменность обслуживались общим языком — церковнославянским; правовые отношения населения обслуживались местными диалектами: в различных юридических актах, сохранившихся от этого времени, мы находим местный русский язык с его местными русскими особенностями в области произношения, грамматики, словоупотребления (в новгородских актах мы находим, например, отражение цоканья и т. п.). Это обстоятельство находит себе объяснение, между прочим, в том, что язык правовых актов, естественно, рассчитан в пределах района на охват большего количества людей, чем те, кто владел общим церковнославянским языком (церковники, более крупные феодалы). На более позднем этапе развития феодализма, когда вырастал торговый капитал и соответственно этому создавалась абсолютная монархия, на основе делового языка ведущего центра (у нас — Москвы) развивался *общегосударственный* деловой язык (в основе — язык московских приказов). В результате явилось *два* общих языка (для двух разных жанров речи); такое «двуязычие» додержалось у нас до петровской эпохи.

30. Стремление национального языка обслужить все стороны общественной жизни прекрасно (для своего времени) сформулировано известным русским писателем и ученым XVIII в. В. К. Тредиаковским, который в своем слове о витийстве, рассуждении о «природном» языке, охватывающем все стороны общественной жизни, заканчивает следующим образом: «Итак, всем одного и того же общества

должно необходимо и богу обеты полагать, и государю в верности присягать, и сенаторов покорно просить, и судей умилостивлять, и на площади разговаривать, и комедию слушать, и у купца покупать, и солдатам уступать, и работных людей нанимать, и приятелей поздравлять, и на слуг кричать, и детей обучать, и жену приговаривать, и письма писать, и хвалить, и хулить, и советовать, и отводить, и обвинять, и оправлять, и чего не должно? но все сие токмо, что природным языком».

Тредьяковский подводит под одну скобку всевозможные речевые жанры. В противовес этому придворный идеолог XVIII века Ломоносов в своем рассуждении «О пользе книг церковных в российском языке» развивает учение о трех «штилях» языка, прикрепляя разные жанры к разным «штилям». Высоким штилем «составляться должны героические поэмы, оды, прозаические речи о важных материях... сим штилем преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славенским из книг церковных; средним штилем должны писаться все театральные сочинения, «стихотворные дружеские письма, сатиры, эклоги и элегии сего штиля больше должны держаться»; наконец, низкий штиль предназначается для комедий, «увеселительных эпиграмм», песен, дружеских прозаических писем, описаний, «обыкновенных дел» и др.

31. Почему же капитализм развивает *единый* в тенденции язык для обслуживанья *всех* сторон общественности?

Эта тенденция определяется тенденцией к всеобщности, о которой мы говорили выше. Национальный язык является тем «демократичнее», тем доступнее для всего «народа», чем менее он диференцирован по жанрам. Это тем более существенно, что капитализм приносит новое разнообразие общественной практики и соответственно этому новую огромную диференцированность освоения действительности в речевых жанрах.

32. В предыдущих параграфах мы проанализировали, в каком смысле общенациональный язык капиталистической формации является *общим*. Посмотрим теперь, что значит *национальный* язык. Это значит — *не чужой,* не внешний, не посторонний для всей массы говоров данного языка (в противоположность феодальным общим языкам, которые могли быть — и на деле чаще всего бывали — чужими, напр., латынь для массы немецких говоров средневековья).

Национальный характер общего языка капитализма определяется как раз заложенными в нем тенденциями *всеобщно-*

сти: обобщая язык достаточно широких масс населения, капитализм естественно не может осуществить это обобщение на основе чужого языка, непонятного для этих масс. Поэтому нарождение капитализма на основе тех феодальных обществ, где существовали общие языки постороннего для данного общества качества (например, латынь для средневековой Европы, церковнославянский язык для нас), неизменно сопровождается «отменой» этих общих языков и созданием нового общенационального (общего и национального) языка. Конкретно — это язык буржуазии, т. е. горожан района, ведущего капиталистическое развитие данного общества, а этот язык сам является обобщением языка ближайших, а иногда и более отдаленных, местных говоров, т. е. не является чужим, посторонним для населения.

33. Развитие торгового капитала в Московской Руси закономерно вызвало нарождение оппозиционных господствующему церковно-феодальному строю течений. Эти течения оформлялись в духе идеологической жизни того времени как религиозные «ереси» протестантского типа. Любопытно, что уже тогда (в XVI веке) дебатировались и вопросы языка: сторонники старины возражали против внесения в книжный (т. е. церковнославянский, чужой) язык элементов народного русского языка; так, инок Зиновий Отенский говорит: «мню же и се лукавого умышление в христоборцех или в грубых смыслом, еже уподобляти и низводити книжные речи от общих народных речей, аще же и есть полагати приличнейшим, мню, от книжных речей и общия народныя речи исправляти, а не книжные народными обесчещати».

В петровскую эпоху (начало XVIII века), когда торговый капитал достиг значительного развития, а буржуазия пыталась выступить на политическую арену, происходит «отмена» церковнославянского языка как общего языка письменности, связанная и с отменой старого церковного шрифта. Церковнославянский язык оставляется для узкоцерковного употребления, но и здесь подвергается атаке: в «Духовном регламенте» (1721 г.) говорится: «Для распространения в народе христианского учения прежние книги, *как по темноте языка*, так и редкости их, не могут быть доступны большинству» («демократия»). Поручая синоду издать катехизис, Петр обращается к нему со следующей инструкцией: «о первых кажется мне, что просто написать так, чтоб и поселянин знал, или на двое: поселянам простые, а в городах покрасивее для сладости слышащих, как вам удобнее покажется».

Тредиаковский (1730 г.) в предисловии к «Езде на остров любви» пишет: «На меня, прошу вас покорно, не извольте погневаться (буде вы еще глубословные держитесь славенщизны), что я оную книгу не славенским языком перевел, но почти самым простым *русским слогом,* то есть каковым *мы меж собой говорим...»*

Ломоносов же перекликается с Зиновием Отенским, когда рекомендует чтение книг церковных, «без чего и во всем российском слове никто тверд и силен быть не может» (Грамматика, § 116).

Таким образом, капитализм развивает свой общий язык как *национальный,* т. е. не чужой, близкий значительным массам, которые он вовлекает в общественный круговорот.

34. В то же время, поскольку данная национальная буржуазия, строя свое государство, захватывает в его состав другие народности, она свой общенациональный язык навязывает этим народностям, для которых он уже является чужим и тормозящим их собственное буржуазное развитие. Здесь возникает национально-языковый вопрос внутри одной страны или империи, и общенациональный язык господствующей народности становится общим еще в одном смысле этого слова — *общим для угнетенных народностей.*

35. Наконец, необходимо указать на то, что национальному языку свойственна *тенденция* всеобщности еще в одном смысле. А именно: международные связи капиталистического мира в высшей степени стимулируют возникновение в данном национальном языке явлений, общих ему с другими национальными языками. Здесь идет, таким образом, речь о тенденциях всеобщности в мировом масштабе, о некоторых зародышах мирового языкового единства. В первую очередь эта тенденция проявляется в значительной интернационализации словарного состава национальных языков, которая в некоторых областях словаря сказывается довольно сильно (напр., в политической, технической, научной терминологии и пр.).

36. Мы видели, что национальному языку свойственна тенденция к всеобщности (в разных смыслах этого слова).

Может ли национальный язык осуществить эту свою тенденцию в обстановке капитализма? Мы могли бы утвердительно ответить на этот вопрос только в том случае, если бы мы не знали о неравномерном развитии капитализма и если бы забыли о классовой борьбе, в которой капитализм находит свою гибель.

ЯЗЫК КРЕСТЬЯНСТВА

I

1. В обществе мы находим, обыкновенно, не только классы господствующего в данное время способа производства, но и классы или осколки классов прежних способов производства, а на ряду с ними и классы, представляющие новые, зародившиеся в недрах старого общества производительные силы. Феодальному обществу, например, присущи два класса — феодалы-помещики и крестьяне. Но с возникновением городов в недрах того же общества появился новый класс городской буржуазии, представитель зарождающегося товарного хозяйства, а с зарождением капитализма появилось целых два новых класса — буржуазия и пролетариат. Если мы обратимся к современному буржуазному обществу, то классовый состав его еще сложнее. Мы находим в нем прежде всего два основных класса, присущих капиталистическому способу производства, — класс капиталистов и пролетариат. Но на ряду с этими классами необходимо еще отметить классы, унаследованные от прежних общественных формаций и существующие, поскольку сохраняются пережитки прежних способов производства. Эти классы суть: крупные землевладельцы, мелкая буржуазия и близкое ей крестьянство. Им неизбежно приходится приспособляться к условиям господствующего способа производства. Только таким путем они могут сохранить свое существование.

2. Мы ничего не поймем в истории крестьянства при капитализме, если не уясним себе хорошенько, что крестьянство в капиталистическом обществе есть класс *пережиточный*, унаследованный от *феодального общественного строя*. История крестьянства при капитализме есть история его *приспособления* к условиям капиталистического общественного строя и капиталистического способа производства. Основным фактом этого приспособления является классовое *расслоение крестьянства*,

Крестьяне в буржуазном обществе *не образуют единого социального целого.* Крестьянство расслоилось на ряд разнородных социальных слоев.

3. Всячески подчеркивая классовое расслоение деревни при капитализме, мы не должны однако забывать, что при капитализме *деревня* остается все же некоторым *единством* противоположностей, противостоящим некоторому *другому* единству противоположностей — *городу.* Развитие капиталистических отношений в деревне не снимает еще *проблемы города и деревни.*

Общество при капитализме может быть понято в свою очередь как единство противоположностей города и деревни: «основой всякого товарного разделения труда, осуществляющегося путем товарного обмена, является отделение города от деревни. Можно сказать, что экономическая история общества резюмируется в движении этой противоположности» (Маркс, «Капитал»); поэтому в дальнейшем мы будем говорить и о деревне в ее классовой расслоенности и о деревне как единстве, противопоставленном городу.

4. Замечательную характеристику мелкого крестьянства (в применении к французскому крестьянству) мы находим у Маркса в его «18-е брюмера Луи Бонапарта»: «Мелкое крестьянство образует огромную массу, члены которой живут все в одинаковом положении, не вступая, однако, в разнообразные отношения друг к другу. Их способ производства изолирует их друг от друга, не давая места взаимному общению. Этому изолированию способствуют еще дурные пути сообщения во Франции и бедность крестьян. Их сфера производства, земельный участок, не дает места разделению труда, применению науки, не позволяет проявиться в общественных отношениях сложности развития, разнообразию талантов, богатству. Каждая отдельная крестьянская семья довольствуется сама собой, производит непосредственно большую часть того, что она потребляет; и приобретает средства к жизни скорее путем обмена с природой, чем с обществом. Участок, крестьянин и семья; рядом другой участок, другой крестьянин с семьей. Сотня семейств образует деревню; сотня деревень образует департамент. Так составляется огромная масса французского народа посредством простого сложения одинаковых величин, как мешок с картофелем состоит из отдельных картофелин».

5. Итак, история крестьянства при капитализме есть история его расслоения, его разложения на основе проникнове-

ния в деревню капиталистических отношений, в условиях приспособления крестьянства, как пережиточного класса, к капиталистическому обществу и капиталистическому способу производства. Не нужно однако думать, что это приспособление было чисто пассивным процессом: крестьянство унаследовало от феодального строя достаточно устойчивые черты хозяйства, быта, психики (сравните приведенную выше характеристику Маркса); приспособление крестьянства к капитализму активно: крестьянство приспособляется сопротивляясь; крестьянство хотя и является классом пережиточным, но имеет значительный вес в классовой борьбе капиталистического общества; в этом отношении положение его несколько иное, чем положение мелкой городской буржуазии.

6. По каким каналам, по каким путям проникают в деревни капиталистические отношения? Иными словами: какими путями приспособляется крестьянство к капитализму? Какими путями оно включается в круговорот капиталистического общества?

Можно наметить три основных пути: 1) *торговый обмен;* включение крестьянства в торговый обмен имеет место еще в рамках феодализма; в частности, по этому пути при капитализме приходит в деревню *капиталист-кулак* в результате открытых капитализмом некоторых возможностей накопления и обогащения для крестьянства; 2) *отхожие промыслы* самого разнообразного сорта, возникающие также еще в рамках феодального строя и получающие широкое развитие при капитализме в результате открытых капитализмом весьма широких возможностей обнищания деревни; в связи с этим возникает особый слой *сезонников*, частично крестьянствующих, а частично занимающихся в городе мелкой торговлей, мелкой службой, ремеслами (пережиток беглого и оброчного крестьянства); 3) *продажа рабочей силы,* которая, с одной стороны, дает основные кадры постоянного *промышленного пролетариата*, не порывающего, однако, связей с деревней, с другой стороны, создает слой *сезонных рабочих*, частично крестьянствующих, частично занятых в городской промышленности, на транспорте и проч., а в-третьих — создает деревенский *пролетариат — батраков*, работающих по найму не только в своей деревне, но иногда и на значительном расстоянии от нее; по третьему пункту следует отметить особый случай, а именно возникновение *фабрики на селе,* причем крестьянство, давая основной кадр по-

стоянных рабочих фабрики, не перестает заниматься земледелием, по крайней мере силами своей семьи.

Особо нужно отметить развитие *кустарных промыслов* в деревне, которые вовсе не продолжают исконных домашних деревенских промыслов, а возникают в связи с развитием мануфактурной промышленности и очень часто на развалинах помещичьих крепостных мануфактур (ср. *Покровский,* «История русской культуры», стр. 102 и след.).

II

7. Мы ничего не поймем в истории языка крестьянства при капитализме, если не уясним себе хорошенько, что эта история есть частный случай истории крестьянства, как пережиточного в капиталистическом обществе класса. Если *история крестьянства* при капитализме есть история его активного приспособления к новому для него капиталистическому способу производства и капиталистическим общественным отношениям, приспособления, идущего под натиском капитализма, то *история языка крестьянства* при капитализме есть история *активного языкового приспособления крестьянства к языковым отношениям капитализма*, приспособления, идущего под натиском капитализма. *Основные пути* проникновения языковых отношений капитализма в деревню *те же,* что и пути проникновения капиталистических отношений вообще (см. § 7). В дальнейшем мы должны проследить, как языковые отношения капитализма проникают по этим путям в деревню.

Таким образом нам предстоит рассмотреть: 1) как крестьянство приспособляется к возникающему в капиталистическом обществе разговорному языку и 2) как крестьянство приобщается к процессу превращения публичной речи во всеобщую форму общения на основе новых (чуждых феодализму) ее жанров.

8. Обратимся сперва ко *второму* пункту. Приобщается ли крестьянство, и в какой мере, к процессу превращения публичной речи во всеобщую форму общения? Нет. Темное и неграмотное крестьянство в массе остается в отношении публичной речи в общем на уровне феодального прошлого; в известном смысле оно даже деградирует (идет назад): так, например, с проникновением в деревню капиталистических отношений исчезает такая разновидность публичной речи, как «устная словесность».

Ни о каком развитии публичной речи в деревне на основе специфических для капитализма жанров ее — *не приходится говорить.* Специфические для капитализма жанры публичной речи не имели оснований для развития в деревне в силу подчиненного положения крестьянства в экономике и политике капиталистического общества; политическая жизнь капиталистического общества протекает в городах; отдельный крестьянин, включающийся в нее и, в связи с этим, становящийся «оратором» или «литератором», тем самым отрывается от деревни, перестает быть собственно крестьянином, делается человеком «из крестьян»; включение единичных крестьян в состав крупных буржуа или интеллигентов, пользующихся разными видами устной и письменной публичной речи, нисколько не меняет общей картины: *массового включения крестьянства в круговорот капиталистических языковых отношений по линии публичной речи не происходит, да и не может произойти.*

9. Обратимся к пункту первому и посмотрим, как крестьянство приспособляется в условиях капиталистического общества к общегородскому разговорному языку.

Но предварительно познакомимся с некоторыми основными выводами русской диалектологии.[1]

Русская диалектология установила, что вся масса русских крестьянских говоров может быть разбита на *две* основные группы — *севернорусскую и южнорусскую,* отличающиеся друг от друга некоторыми особенностями в произношении, грамматике и словарном составе. Древним центром северной группы была Новгородская область; древний центр южной группы не выяснен.

Приведем некоторые примеры отличий языка севернорусской группы от языка южнорусской.

10. Южнорусская группа имеет звук «о» *только* под ударением (в ударных слогах); неударного «о» южноруссы *вовсе* не знают; в соответствии с звуком «о» северной группы южноруссы произносят в неударных слогах различные другие гласные звуки в зависимости от говора и положения слога в слове; причем в слоге, непосредственно предшествующем ударному слогу, в большинстве случаев произносят после твердого согласного звук «а»; так, в соответствии с

---

[1] *Диалектология* (от слова *диалект* — говор, наречие) — такая языковедческая дисциплина, которая специально занимается описанием и классификацией крестьянских говоров. В последнее время диалектология стала заниматься и описанием диалектов городского населения.

северноруским *вода́, дома́, гора́* и т. д. имеем южнорусские *вада́, дама́, гара́* и т. д.; в связи с этим различием северную группу называют *о́кающей*, а способ произносить по-севернорусски *о́каньем*, южнорусскую группу *а́кающей*, а ее способ произношения *а́каньем*.

Очень многие севернорусские говоры смешивают звуки «ц» и «ч» таким образом, что некоторые говоры вовсе не знают звука «ч», а вместо него произносят звук «ц» (напр., *цай, цистый, пецка* и т. д.), некоторые вовсе не знают звука «ц», а вместо него произносят звук «ч» (напр., *курича, улича, яйчо)*, некоторые путают «ц» и «ч» (напр., произносят *черковь, отечь*, но *цай, цистый* и т. п.). Наиболее древний способ произношения для севернорусов — первый, т. е. некогда все севернорусы не умели произносить «ч», а вместо него произносили «ц»; это явление отразилось и в древней новгородской письменности; она носит название *цоканья*.

У южноруссов с звуками «ц» и «ч» все благополучно, и никакого цоканья у них нет и не было.

Севернорусы произносят звук «г» (в таких словах как *город, гора, бегу* и т. п.), как смычный согласный, т. е. так же, как произносят его говорящие на общегородском разговорном языке, южноруссы же произносят звук «г» как звук *щелинный*, представляющий собою звонкий звук, соответствующий глухому «х» (озвонченное «х»); такое «г» произносят в некоторых словах и говорящие на общегородском разговорном языке (напр., в словах *когда, тогда, где)*, южноруссы же произносят так во всех случаях, где встречается звук «г».

В древнерусском языке существовал *особый* гласный звук — ѣ («ять»); в южнорусской группе из этого звука, как правило,, получилось в ударных слогах «е» (например, древнерусск. *дѣд — дед, лѣс — лес* и т. д.). В севернорусской группе в ряде говоров древнерусское «ѣ» давало не «е», а «и», «ие», причем в некоторых говорах «ѣ» давало разные отражения в зависимости от того, следовал ли за ним твердый или смягченный согласный звук. В древнюю эпоху севернорусское «ѣ» было звуком более узким (близким к «и»), чем севернорусское. В севернорусских говорах в окончании третьего лица обоих чисел настоящего и будущего времени глаголов звук *«т» — твердый* (как и в общегородском разговорном языке), напр., *несет, поет, несут, поют* и т. п.; в южнорусских говорах этот звук *«т» — смягченный*, напр., *несеть, поеть, несуть, поють*.

Кроме указанных двух основных групп русских крестьянских говоров в тех местах, где население составлялось и из севернорусов и из южноруссов, образовались *смешанные* говора, которые обычно называют *среднерусскими;* среднерусские говоры соединяют языковые черты обоих основных групп. Одним из таких смешанных говоров является говор Москвы; в Москве произносят, напр., звук «г» по-севернорусски (как смычный звук), но «акают» по-южнорусски, в третьем лице глаголов звук «т» — твердый и др.

11. Обратимся теперь к характеристике процесса приспособления крестьянства к общегородскому разговорному языку, причем расположим наше изложение таким образом, что сперва приведем выдержки из некоторых работ по русской диалектологии, дающие лишь материал для освещения соответственных сторон этого процесса, а затем дадим свое *освещение.*

12. «При своих наблюдениях над произношением крестьян и крестьянок Рязанской губернии мы заметили: во-первых, что есть признаки и особенности общие всем уездам и почти всем деревням Рязанской губернии, во-вторых, что есть признаки и особенности отдельных местностей или даже отдельных деревень.

Кроме этих общих выводов из наблюдений над рязанским говором, нам еще пришлось убедиться в том, что говор городской довольно заметно отличается от говора деревенского, скрадывая типичные особенности последнего и приближаясь более к языку литературному или образованному. Это обстоятельство объясняется, конечно, прежде всего грамотностью городского населения и книжным влиянием, а затем торговыми и другими сношениями с местностями других наречий; этим же обстоятельством надо объяснить и тот интересный факт, что даже в селах и деревнях мужское население гнушается говором баб и само говорит ближе к городскому наречию. Очень понятно, что крестьяне имеют более точек соприкосновение с городом, чем крестьянки, остающиеся нередко всю свою жизнь в своей деревне, не видавши города, и занимающиеся детьми и хозяйством; особенно видно это различие в говоре мужчин и женщин в том случае, если они живут в подгородном селе, и если это село «добычное», т. е. занимается торговлей, извозом и пр.

Нередко одно село, «добычное» по роду занятий крестьян или «боевое», находящееся на пути к городу или на «боевой» дороге, на тракте, по своему говору резко отличается от ря-

дом лежащего села или деревни, живущих особой жизнью в силу каких-нибудь условий, т. е. вследствие отдаленного положения от города или большой дороги и земледельческого характера жизни крестьян. Даже мы заметили, что разнообразие в говорах рядом лежащих деревень или сел обусловливается не только положением деревни и села относительно города и боевого тракта или родом занятий крестьян, но и, так сказать, историческим прошлым этого села или деревни: если село или деревня принадлежали когда-то помещику и крестьяне были барскими, то они говорят совершенно иначе, чем крестьяне вольные, никогда не принадлежавшие помещику, а бывшие государственными... Замечательно, что сами бабы и мужчины из села барского или помещичьего сознают свою особую речь и смеются над говором крестьян вольных сел, называя их в насмешку словами, выражающими типическую особенность говора в вольных деревнях и селах. Так, например, мы услышим названия: «щóкалки» (по выговору «що», вместо обыкновенного в барских селах «што» (что), «цокалки» (по замене звука «ч» звуком «ц») или «цуприки», «цупари» и пр. Нередко баба, с которой говоришь, сама, подмечая говор мой, начинает исправлять свою речь «по-барскому» или «по-городскому».

Будде, «К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей Рязанского говора», 1892 г.

13. «Едва ли говор всего Ялмата представлял языковое единство. Оставляя в стороне неравномерное влияние московского наречия на мужское и женское население, причем последнее сохранило старые черты говора, постепенно вытеснявшиеся в мужском населении, отмечу, что и среди мужского населения далеко не все говорят по-московски. Отделавшись в большинстве случаев от цоканья, упорно державшегося у баб, многие мужчины сохраняют типичные особенности местного говора (напр. «ф» вместо «х» в конце слова, узкое «е» перед отвердевшим «ц», мягкое «к» после мягкой согласной предшествующего слога); но некоторые из них успели освободиться и от этих черт, в особенности учившиеся в школе и живавшие подолгу в городах».

А. А. Шахматов, «Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии», 1914 г.

14. «Чухломский уезд весь усвоил московское аканье, находясь среди окальщиков. Здесь возобладала более культурная из боровшихся сторон; в результате вновь сложившегося порядка здесь смеются над *деревенским* говором, над дере-

венскою одеждою, и «серые» носители этих последних сознательно спешат одеться по-городскому и заговорить «по-московски», чтобы только избежать насмешек от соседей; одни «сильные духом» старики остаются верны прадедовской старине. Напротив, в глухих уголках Вятской и Вологодской губерний смеются не над деревенским говором, а над теми деревенскими жителями, которые начинают говорить по-городскому, и эти насмешки побуждают новаторов забросить свою новую моду; «серая старина берет пока верх».

Д. К. Зеленин, «Великорусские говоры. . .», 1913 г.

15. «Главное занятие казаков земледелие и виноградарство. . . Отхожих промыслов нет, если не считать кратковременных отлучек с торговыми целями, как, напр., за рыбой, солью, досками и чихирем в Кизляр и к морю, или с чихирем, арбузами и т. п. в Грозный и Сунженские станицы, да еще разве на заработки во время жатвы в чеченские аулы или на Сужну, где урожаи значительно лучше.

«Как бы то ни было, эти отлучки слишком случайны и кратковременны, чтобы заметным образом отразиться на народном говоре, тем более, что до последнего времени всякие новшевства очень туго прививались в Гребенских станицах, и даже школа, давая грамотность, мало отражалась на речи, так как старообрядческое население очень недружелюбно относилось к введению непривычных слов и выражений. Так, например, лет шесть-семь назад школьники лишь в школе употребляли слово *здесь,* а дома говорили только *тут,* рискуя подвергнуться насмешкам: до такой степени прочна была традиция»... Впоследствии «в числе прочих явились и новшества в народном говоре, и он начал изменяться под влиянием городской и литературной речи. Именно благодаря этому влиянию, звук «г» стали произносить не по-старому (g), а так, как он произносится почти на всем юге России, т. е. ближе к латинскому «h». По этому поводу мне пришлось однажды услышать такое рассуждение: которые ученые, так те уш «г» (h) гаварят, ну, а мы па-учоному не знаим, па-старому гаварим, как деда наши говорили».

М. А. Караулов, «Материалы для этнографии Терской области», 1902 г.

16. «Из сравнения говора стариков и молодых можно видеть, что наречие меняется, сглаживаются резкие диалектические черты, молодежь смеется над цоканьем, не скажет *пишша, вожжы* и т. п. Но говор на «а» считается господским, и в устах местных жителей кажется крестьянину очень смеш-

ным. «Из Москвы пришел, стал говорить «с павети» — поговорка такая есть», насмешливо рассказывал мне мальчик из Жадинского (Суздальск. у.), окончивший сельскую школу»... Фабричный рабочий, пожилой, из Переборова, с которым я шел и разговаривал по дороге, окает, но, кажется, старается говорить на «а» и произносит иногда по-московски «патом», «вада»... Крестьяне замечают, что наречие здесь изменилось от завода».

В. И. Чернышев, «Сведения о говорах Юрьевского, Суздальского и Владимирского уу.», 1901 г.

17. «В Старове два говора: окающий коренной и акающий новый. Старики говорят на «о», молодые на «а». Кроме Дурыкинской и Озерецкой волости, вероятно, немного найдется таких местностей, где бы так близко стояли эти настолько непохожие говоры и где бы изменение окающего говора в окающий происходило бы так быстро...

«Особенность здешних говоров, говоров данной части Московского уезда, та, что здесь изменение идет слишком быстро, бросается в глаза... Здесь меняется говор так же, как меняется костюм, и модное городское наречие усвоено молодым поколением, часто бывающим и живущим в Москве, тем более легко, что старый окающий говор с разных сторон окружен акающим. Через 3-4 десятка лет, когда вымрет старое поколение, здешние говоры станут вполне акающими... В Старове в *одной и той же семье* я записывал произношение старика 81 года и сравнительно молодого человека, крестьянина лет за 30. Первый вообще сохраняет перед ударением звуки «о» и «е»; он произносит слова медленнее, яснее и отчетливее выговаривая звуки; ясность и сила гласных в его произношении меньше зависит от положения относительно ударения... О молодом вообще записано: «ясное, резкое аканье и вообще чистый московский говор».

В. И. Чернышев, «Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда», 1900 г.

18. «Первое место между этими особенностями [особенностями нижнеколымского наречия] занимает сладкоязычие. По правилам нижнеколымского сладкоязычия: 1) «л» и «р» перед гласными произносится как «й»: гойова, ходийа, зойотая, йюбьйю и т. п.; 2) «р» перед твердыми гласными и перед согласными произносится то как «й», то сохраняет произношение «р»: *дойого, хойосó* и пр..., но *р́бить, руда* и др... Сладкоязычие имеет степени по околоткам, полам и возрастам. Так, *походчики,* жители Походской Колымы, бо-

лее других склонны к сладкоязычию, женщины и в особенности старухи более мужчин; между молодыми людьми встречаются такие, которые в виде реакции общему сладкоязычию, желая говорить как *рассейские*, произносят «р» или «л» там, где действительно следует произносить «й», и говорят, например, *воловать* вместо *воевать* и пр... Я говорил выше, что некоторые молодые люди, бывающие часто в Среднеколымске, стараются избегать сладкоязычия; в Походске, напротив, над несладкоязычным произношением смеются и, если кто-нибудь из жителей старается подражать говору пришельцев, его упрекают, указывая, что он говорит с *высоте*. Надо прибавить, что большая часть походчиков по моему предложению без всякого труда произносила правильно мягкие «р» и «л», кроме нескольких старых женщин, но при этом утверждали, что такое произношение некрасиво».

В. Г. Богораз, «Областной словарь Колымского русского наречия», 1901 г.

19. В Шунгенской волости б. Костромской губ. «народ вообще очень рослый, здоровый, франтоватый и смышленый... Жители подгородных слобод... ходят работать на фабрики в Кострому, несколько десятков человек из волости уходят на заработки в Петербург в штукатуры и маляры, но общая, основная масса населения сидит дома, занимаясь сельским хозяйством. Кроме сельского хозяйства, дающего хороший доход благодаря заливным лугам и посадке картофеля для крахмальных заводов, редкое хозяйство не имеет какого-нибудь подсобного промысла или торговли. Большая часть населения каждую неделю бывает в «городе» (так зовут Кострому) по базарным дням... *И грубый окающий, «с выворачиванием»* говор «мысовых» или «заречных» (так зовут обитателей Шунгенской волости) слышится по всему городу и *резко выделяется* на фоне общего шума и галденья...»

Н. Виноградов, «О народном говоре Шунгенской волости Костромской губернии», 1904 г.

«Оканье заметно сохранилось в деревнях Шунгенской волости и по настоящее время... Хотя нужно сказать, что под влиянием литературной речи, благодаря школе и другим культурным условиям оно *заметно слабеет* и не проводится последовательно *даже в говоре одного лица*».

С. А. Еремин, «Характеристика народных говоров по реке Костроме», 1927 г.

20. «Влияние нашего языка в разных деревнях Бронницкого уезда не одинаково. Во всяком случае сближение с на-

шим говором идет быстрыми шагами. Крестьяне стыдятся многих особенностей своего местного говора, особенно цоканья, сильного оканья с растяжением неударяемых слогов, некоторых словечек вроде *щчо* и пр. Несмотря на то, что я хвалил всегда народную речь, мне высказывали ее порицание. Одна деревня дразнит другую за черты говора, наиболее разнящиеся с литературными: гжельских называют гелдонами; особенно же достается ваниловцам: «там выворотни живут: все слова выворачивают», говорили мне в Гвоздне; «там не бают, по-собацьи лают, говорят так, что понять нельзя», говорили о ваниловцах в Гжели. Из Ванилова стеснялись брать невесток. А незадолго перед моим посещением в одной избе в Дворникове, по рассказам крестьян, *свекроф потпал посажала нивеску: «слушай, как говорят, танда выпущу!»* В Ванилове мне жаловались старики: «В другой деревне нам молвить нельзя, передражнивают». — «И в солдатах-та наших дубили, дубили!» Дети и молодые смеются над говором стариков. Даже у раскольников в Харлове мне начетчица жаловалась на подобное отношение нового, слабого поколения к старине, на неуважение к старшим: «Что скажешь не по-нонешнему, ребята подымают насмех». В Надеждине я сам наблюдал, как насмешливо повторял шестилетний балованый внучек за своей бабушкой: *пець, цюгунцик* и т. п. . . Сами крестьяне относятся к городскому говору с подобострастьем: «уж он *чиво* стал говорить», слышал я похвалу жениху. Не мудрено, что при таком положении дела некоторые особенности старых говоров исчезают. . .

«Самым важным, общим для всего Бронницкого уезда условием влияния нашего говора, несомненно, служит близость уезда к столице и удобство сообщения с нею. Весьма интересен тот факт, что влияние оказывается чуть не прямо пропорциональным в каждой деревне числу крестьян, уходящих на заработки в столицу. Так, в Ванилове и некоторых деревнях Пятницкого погоста и Гвоздни многие семьи безотлучно живут в деревне, так как ткут всю зиму у себя в избе (это является главным заработком крестьян), и в этих деревнях я весьма часто слышал такие особенности местного говора, которые в других селениях почти исчезли.

«Кроме близости Москвы, для Раменского округа и соседних мест громадное значение имеет в указанном отношении Раменская фабрика с шеститысячным населением на фабричном дворе, с дачным местом вблизи фабрики в с. Раменском и с прекрасною четырехклассною школою. Школы оказы-

вают некоторое влияние и в других деревнях: «Теперь школа обламывает, а прежде уж очень выворачивали», говорили мне в с. Гжель крестьяне о своем говоре...

«...крестьянам мало приходится знакомиться непосредственно с нашим языком, то они слышат говор, до известной степени приближающийся к нашему. Это — говор людей бывалых из их же среды. Эти люди — подвижны: одни из них живут на фабриках, другие идут на заработки в Москву, третьи объезжают окрестности как торговцы... Им подражают во всем, и их речь служит идеалом произношения» (*Н. М. Каринский,* «О говорах восточной половины Бронницкого уезда», гл. II, стр. 212—215, т. VIII, кн. 2. Изв. отд. р. яз. и слов. Императ. Ак. наук, 1903 г., СПБ).

III.

21. Тезис первый: *процесс приспособления крестьянства к общегородскому разговорному языку протекает неравномерно.*

Что это значит?

Это значит, во-первых, что успехи общегородского разговорного языка в *разных районах* распространения крестьянских говоров — *неодинаковы.*

От чего это зависит?

Это зависит от того, что самое проникновение капиталистических отношений в деревню протекает неравномерно, в зависимости от распределения на территории данной страны крупных капиталистических центров, от характера связи между ними и их влияния на округу, от конкретных путей по которым происходит в том или ином районе завоевание деревни капиталом. Неравномерность развития свойственна хищнической и анархической природе капитализма; подобно тому как существуют передовые и отсталые в смысле развития капитализма страны, подобно этому существуют передовые и отсталые районы внутри данной страны; в связи с этим неравномерность развития свойственна и процессу «капитализации» языковых отношений деревни.

Неравномерность этого процесса приводит к тому, что капитализм, стремящийся унифицировать (свести во-едино) полученное от феодализма пестрое наследство крестьянских говоров, равняя их по общегородскому языку, создает новую их пестроту, которая, однако, в конечном счете есть путь к единству. Стремясь причесать крестьянские говоры

под гребенку общегородского разговорного языка, капитализм предварительно их растрепывает. Познакомимся с одним случаем работы этого незадачливого парикмахера.

22. Возьмем в качестве примера севернорусские крестьянские говоры. Мы знаем, что этим говорам в прошлом было свойственно «цоканье», т. е. носители этих говоров не умели произносить звук «ч», а вместо него произносили звук «ц» (см. § 6). Таким образом, в этом отношении всем севернорусским говорам было свойственно некоторое единство. Что случилось дальше? Цоканье было совершенно чуждо общегородскому разговорному языку; следовательно, в результате проникновения общегородского разговорного языка в деревню, мы ожидаем в конечном счете полного исчезновения цоканья: крестьяне должны научиться «ставить «ц» и «ч» на своих местах по-городскому. Некоторые говоры и преодолевают эту премудрость — это «передовые» говоры; многие сохраняют целиком старое цоканье — это наиболее отсталые; очень любопытны промежуточные говоры, т. е. такие, которые вместо цоканья развили чоканье, и такие, которые путают «ц» и «ч» (ставят их не на своих местах). Как объяснить их возникновение?

Дело обстояло таким образом. Когда первоначальная невинность этих говоров была нарушена, т. е. когда носители их столкнулись с людьми экономически и культурно преобладающими, с людьми, говорящими на общегородском языке, то они заметили, что в произношении этих людей существует неизвестный им звук «ч» и притом на таких местах, где они сами произносят «ц»; стремясь уподобить свое произношение произношению «городских», они уподобляли его, между прочим, по признаку замены «ц» через «ч», причем *обобщали* эту замену, т. е. ставили «ч» вместо «ц» *во всех случаях* и таким образом, в стремлении уподобиться произношению общегородского языка, «переборщили» и создали в своем произношении уже новое от него отличие. Такой путь развития возможен, конечно, лишь при наличии слабых и неустойчивых связей с городом и свидетельствует, может быть, о начавших развиваться, но в дальнейшем почему-либо прерванных связях. В аналогичных условиях развивалась и четвертая группа говоров (путающая «ц» и «ч»); если для третьей группы признаком, по которому равнялись, был звук «ч», чуждый данному говору, то для этой группы таким признаком было наличие в общегородском языке *двух* звуков «ц» и «ч» там, где в говоре существовал лишь один

звук «ц»; стараясь осуществить в своем произношении оба звука, представители этих говоров ставили их не на свои (с точки зрения общегородского языка) места. Такая «неумелая» расстановка «ц» и «ч» замечается представителями этого самого говора, усвоившими «правильную» их расстановку; *Д. К. Зеленин* приводит любопытный факт, иллюстрирующий это положение: мать одного полуобразованного крестьянина из Котельнического уезда Вятской губернии в разговоре с Зелениным на пароходной пристани в присутствии своего сына произнесла «корцáга» (корчага); «после ее ухода, сын, как бы извиняясь, заметил: «знает, что нужно говорить с «ц», только не знает, где его ставить, вот и бухнет иной раз: корцага».

В результате истории цоканья получилось, таким образом, вместо *одного* типа произношения — *четыре* разных.

23. Неравномерность развития крестьянского языка при капитализме выражается, во-вторых, в том, что *различные социальные группы* расслаивающейся деревни *неодинаковым темпом* идут к общегородскому разговорному языку и играют *неодинаковую роль* в продвижении его в деревню.

К сожалению, русская диалектология мало обратила внимания на этот вопрос, а роль собственно классовой диференциации деревни в процессе эволюции крестьянского языка не освещала. Диференцированность (расслоенность) языка крестьян сводилась для диалектологов главным образом к противопоставлению языка мужчин и женщин, стариков и молодежи (см. особенно разделы 13 и 18 этой статьи).[1] Поэтому мы можем дать в этой области лишь *самые общие* указания.

С первого взгляда могло бы показаться, что наиболее энергичным проводником языковых отношений капитализма в деревне является *кулак* — деревенский капиталист. На самом деле это не так. Факты показывают, что сплошь и рядом кулачество является защитником старых языковых и иных традиций, а особо кулацкие деревни *отсталыми* в языковом отношении районами.

В действительности наиболее активным проводником общегородского языка является тот слой *сезонников,* который более или менее длительно пребывает в городе и приносит в деревню более или менее крепко усвоенные навыки

[1] В этом направлении любопытные указания мы находим только в выдержке из статьи Н. М. Каринского.

городского языка. Те деревни, где более или менее развиты *отхожие промыслы,* при прочих равных условиях, являются более *передовыми* в языковом отношении.

«После падения крепостного права в России все быстрее и быстрее развивались города, росли фабрики и заводы, строились железные дороги. На смену крепостной России шла Россия капиталистическая. На смену оседлому, забитому, приросшему к своей деревне, верившему попам, боявшемуся «начальства» крепостному крестьянину вырастало новое поколение крестьян, побывавших в отхожих промыслах, в городах, научившихся кой-чему из горького опыта бродячей жизни и наемной работы» (*Ленин,* «Пятидесятилетие падения крепостного права», т. XI, ч. I, стр. 220).

Деревенский пролетариат — *батрачество* — в условиях капитализма, конечно, не является ведущим социальным слоем, в частности и в языковой истории крестьянства.

В высокой мере сильное языковое влияние имеют крестьяне, совмещающие крестьянствование с *работой на фабрике,* но это случай сравнительно редко встречающийся, не массовый.

24. Тезис второй: *процесс приспособления крестьянства к общегородскому языку нельзя представлять себе как процесс прямолинейный;* его нельзя представить себе таким образом, что местный говор *неизменно отступает* под натиском общегородского языка, а язык данного крестьянского населения *неизменно приближается* к языку горожан.

Крестьянство приспособляется к общегородскому языку *не без борьбы,* и в результате этого приспособления сплошь и рядом возникают *новые отличия* местного говора от городского языка.

25. Из того, что сказано, очевидно, что отсталые в языковом отношении районы — это не только те районы, куда капитализм не успел еще заглянуть как следует: в ряде случаев мы имеем отсталость *принципиальную, умышленную;* крестьнство отстаивает позиции местного говора в условиях сравнительно развитых капиталистических отношений; оно смеется над «новаторами», оно хочет говорить, «как деда наши говорили» (см. § 16). В большинстве случаев приверженцами старины являются старики, но ссылка на то, что старики вообще приверженцы старины по своей специальности, не решит вопроса: дело — сложнее. В чем социальный эквивалент этой борьбы? Уступая на *экономическом* фронте, крестьянство отстаивает свои позиции отживающего

класса на фронте *надстроечном* — в области религии и обрядности, бытовых обычаев, одежды и *языка.* Борьба за местный говор есть один из моментов борьбы отмирающего феодализма с наступающим капитализмом. Любопытно, что сплошь и рядом хранителем феодальных языковых традиций оказывается и кулак, новоиспеченный деревенский буржуа.

Очень интересны в этом отношении данные Шунгенского говора (см. раздел 20): в непосредственном соседстве с Костромой, при наличии уходящих в столицу сезонников, развитом товарном земледелии, постоянном посещении Костромы, работе на костромских фабриках—мы имеем здесь ярко выраженное оканье «с выворачиванием» (т. е. «о» под ударением произносится как «уо»); любопытнее же всего то, что шунгенцы «окают» даже в таких словах, где звуку «о» вовсе не полагается быть, напр. *зобота, сторовер, сомовар, попироска, оптека.*

26. Что касается новых отличий от городского языка, которые создаются в процессе приспособления к нему крестьянства, то сравните сказанное нами о промежуточных цокающих говорах, а также об отходящих от сладкоязычия колымских крестьянах (произносящих *боловой* вм. *боевой*). Примеры подобного рода можно увеличить.

В ряде севернорусских говоров существует такая особенность произношения: если в слове оказываются рядом звуки «д» и «н», причем звук «д» предшествует звуку «н», то сочетание «дн» произносится как долгое «н»: напр., вместо «одно», «ладно», «видно», «медный» произносят «онно», «ланно», «винно», «менный» и т. п.

Сопоставление с общегородским языком показывает говорящему так крестьянству, что в целом ряде случаев вместо «нн» нужно произносить «дн»: отсюда получаются такие формы, как *Адна* (имя Анна), *бесприведно* (беспременно) и др.

На ряду с приближением к городскому языку создается новое отличие от него. Или: в ряде севернорусских же говоров мы имеем произношение «и» вместо старого «ѣ» т. е. *лис* (от русское «лес»), *вира* (древнерусское «вера») и т. п., в общегородском языке в этих случаях мы имеем звук «е»; отсюда, желая говорить по-городскому, ставят «е» и там, где ему вовсе не полагается быть, и говорят, напр., *кнега* вместо *книга.*

В ряде севернорусских говоров творительный падеж имен

женского рода на «а» совпадает с дательным, т. е. говорят не *пачками, десятками, с нами, руками* и т. д., а *пачкам, десяткам, с нам (взять), голым рукам и т. д.* Подмечая, что в ряде случаев (т. е. в творительном падеже), вместо местного окончания «ам», в общегородском языке имеется «ами», распространяют это окончание и на дательный падеж, напр., «очень *вами* благодарны», вместо «очень *вам* благодарны» и т. п.

27. Тезис третий: *процесс приспособления крестьянства к общегородскому языку есть процесс в значительной мере сознательный*. Об этом свидетельствуют почти все приведенные нами цитаты из работ диалектологов.

Переход крестьянства на общегородской язык есть поэтому *сознательный акт,* а не бессознательное слепое подражание. Капитализм, противопоставляя местному говору общегородской язык, этим самым вводит в сознание крестьянства языковые факты, заставляет их замечать, осознавать, оценивать эти факты. Неосознанный язык, *язык в себе, он превращает в язык для себя.* Нарушая феодальную неподвижность, традиционность крестьянской языковой общественности на основе классового расслоения деревни и сложного противопоставления города деревне, капитализм заставляет крестьянство выбирать между своим старым, местным, и новым городским, «общенациональным». На этой почве возникает борьба, и одним из орудий ее являются насмешка, языковая пародия на говор отсталых или новаторов (см. ряд примеров в приведенных выше цитатах).

IV

28. Итак, факты приспособления крестьянства к общегородскому языку при капитализме — налицо. Как далеко, однако, идет это приспособление, и может ли оно дать тождество языка города и языка деревни? Конечно, нет. По самому своему существу капитализм не может дать тождества языка города и деревни, как он не может дать тождества языка в самом городе; капитализм не снимает противоречий города и деревни; это противоречие снимается лишь при социализме. Тождество языка разных общественных классов данной нации могло бы быть осуществлено лишь при условии уничтожения этих классов, т. е. при капитализме не может быть осуществлено.

Признать возможным завершение процесса включения

крестьянства в общегородской язык при капитализме мы можем, лишь признавая возможным стирание классовых различий в условиях капитализма, т. е. веруя в буржуазно-меньшевистский миф. Мы в это не веруем. Но зато мы знаем, что изживание старых, феодальных крестьянских говоров при диктатуре пролетариата идет быстрейшим темпом, поскольку те преграды, которые этому ставил капитализм, пали, и мы знаем, что диктатура пролетариата, цель которой уничтожение классов, снимет противоречие городского и деревенского разговорного языка.

29. Но диктатура пролетариата открывает широчайшие возможности развития в деревне публичной речи, в частности речи литературной. Писательство в деревне становится явлением массовым: об этом знает редакция каждого массового журнала, об этом знают все, кто сколько-нибудь приглядывались к современной деревне. Творчество начинающих крестьянских писателей есть не что иное, как бурное развитие литературной публичной речи в деревне, на ряду с которой развиваются и формы устной публичной речи. В настоящее время мы находимся в самом начале этого процесса; культура литературной речи начинающих крестьянских писателей еще низка и не самостоятельна, но творчество их требует самого пристального внимания, а для наших читателей имеет и чисто практический интерес. Ниже мы даем посильную его характеристику с языковой точки зрения.

30. Политический и культурный рост крестьянства, выдвигающего из своей среды кадры селькоров и молодых начинающих писателей, есть, как мы уже говорили, вполне закономерное явление советской действительности.

Впервые речевая культура в столь широком охвате проникает в крестьянскую толщу Союза, правда, подчас принимая несколько неуклюжие формы.

Неполное овладение речевыми литературными нормами приводит к тому, что на ряду с гладкой литературной речью в произведениях начинающих крестьянских писателей имеется речь неправильная, плохо увязанная. На ряду с правильно употребляемым иностранным словом встречаются неправильно употребленные не только иностранные, но и русские слова; на ряду с фонетическими и грамматическими неправильностями имеется элемент старой, нескладной литературной фразеологии. Наконец, на ряду с особенностями своего местного крестьянского говора на языке произведения заметно влияние шаблона канцелярской речи.

I. Связная литературная речь.

Я вынужден сказать, что сделать крупную вещь — это все равно, что строить Днепрострой. Сразу стать писателем невозможно, так же как ребенку невозможно сразу стать взрослым человеком. Мечтание — это бессильность, а бессильность — пропасть, откуда не выбраться без поддержки извне, со стороны. На красивом берегу Онежского озера, на крутом пригорке раскинулась вдоль берега небольшая деревушка Ламбас-Ручей.

Мы расположились на отлогом берегу большого, торфянистого, поросшего высокими камышами озера.

Теперь, обессилев окончательно, я был принужден лежать на мокром мхе и дожидаться медленной, но мучителной смерти.

Постепенно стало темнеть, а через некоторое время я не различал в трех шагах от себя ни одного предмета.

II. Штампы литературно-книжного происхождения.

На востоке закраснела заря; с запада веяло *росистой прохладой. Яркие лучи играли* на поверхности прозрачной воды.

Солнце закатилось за горизонт, оставляя за собой *кровавое* зарево вечерней зари.

Мой костер *ярко пылал,* поблескивая пламенем, унося в *звездное небо* серые клубы *дыма.*

Тяжелые мысли отчаяния, что придется погибнуть в этих проклятых комнатах, никак не давали спать.

Тишина немая, полная тревоги и тоски, спутывала глубокое воображение, носилась в беспристрастной тишине (?), где резко, звонко слышалось шуршание ног (?).

III. Речь, плохо увязанная.

Приступ отчаяния внезапно *приступил* ко мне, и я стал плакать как маленький ребенок.

Достав из заводской библиотеки *кучу* книг, привлек своей внимательностью *кучку* слушателей, *из которых во главе стоял* тот самый Федька.

Я *при таких условиях и окружении* хорошо чувствовал себя писателем и *взялся над созданием* целой книги, взялся

выучивать этих одобрителей, т. е. *начинающих писателей вообще.*

IV. Речь, увязанная с нелитературным словоупотреблением.

Дорога проходила *край берега,* обогнув озеро в *полукруге.* Впалые худые глаза ехидно *хлупали.*

После ухода доктора сиделка *нарядила* Федькину кровать.

Только после революции приехал в деревню *дюже* грамотным.

Идя мимо, шумно *зашел на порог,* сел, *обваливши* о двери, и заснул.

Важно уселся Миронов в телегу и *ходко* поехал в соседнюю деревню.

Меня здорово *чкнуло* от вина.

Андрей *скочил* с лавки.

Андрей недолго *збирался* и поехал с купцом в другое село.

Теперь у меня резало в животе, словно *вострый* нож разрезал мне кишки на мелкие куски.

Так как я пишу первую книгу, то не знаю *настояще выразить речь.*

Этот журнал дает колоссальную пользу для строительства коммунистического общества, *потому* и борется против писателей, пишущих в *нутробе* матери.

В имении Воронино он *возьмет* организовать коммуну, чем и *урезовать* земельную мошь Синягина.

Где-то вблизи, начав с высокой режущей ноты, длинно и волнисто *объехал вниз* неуемный собачий вой.

V. Речь с фонетическими и грамматическими отклонениями.

Моя болезнь шагала *крупным скачкам к выздоровлению.*

Сидя на койке, Федька с толстой книгой в руке закидывал *своим любопытным вопросом* старика Ефима, *которому* здоровье помаленьку возвращалось.

День за днем сживался я с моим больным *соседям.*

Я *сдярживал* себя.

Я с трудом ответил *любопытному парнишку.*

Взял *дай* пошел.

Отвесив два пуда ржи, Тимофей Ефимович уехал *ечё* коней *збирать.*

В ихней деревне ечё коллективизация.

Да на ком я пахать-то буду, худая лошаденка была и *тая здохла* весной!

Ко врему вечерней зари мы припоздали.

Весь измученный, разбитый, предоставленный *на съедение комаров,* я проклинал охоту и камыши, поймавшие меня в ловушку.

Для того чтобы облегчить это мое огорчение, я с уверенностью *садился создавать таких вещей,* каких создавали Гоголь и Лермонтов. Вот они, эти писатели, и натолкнули меня *составлять стихов,* а позднее и *рассказов.*

Особо мало *дали мне пользу* беседы Верховского.

Угрюмо хмуря брови, бросил помутившийся взгляд на *тошшую* фигуру Федьки.

Подошел мальчик с *раскрасневшим* кровавым глазом, к которому то-и-дело прикладывал небольшой кусок марли.

Так и отделался богатей ничем за *тое,* что вырубил лесной материал.

Он был случайно *заехавши* в село.

Я видел, как злоба в *егонном сердце* и слезы жалкие готовы были прыснуть из *егонных* исхудалых глаз (!).

Помогите *развиваючему* писателю.

Разъясните мне, что послужит пособием *начинаючему* писателю и поэту.

VI. Штампы канцелярского языка.

Причиной *заинтересованности* считаю изучение биографий писателей и чтение их произведений.

Вследствие чего Кузьмич начал охотно объяснять Ефиму, как страдает бедное семейство Федьки.

Больница, в которую я попал *по случаю моей болезни,* произвела на меня огромное впечатление.

Убедившись, что это ни к чему не привело, охотники собрались и *единогласно решили,* что я где-нибудь потонул, а потому охотники решили ехать домой и сообщить печальную весть моему семейству.

ЯЗЫК ПРОЛЕТАРИАТА

1. Содержанием этой статьи явится выяснение основных подходов к изучению языка пролетариата при капитализме. Сперва мы коснемся вопроса о крестьянском «наследстве» в языке пролетариата; затем — усвоения пролетариатом буржуазной языковой культуры и наконец вопроса о том, как и чем пролетариат противопоставляет себя буржуазии в отношении языка.

В языковедной науке ничего не сделано по изучению языка пролетариата; не собраны даже сырые материалы, по которым можно было бы производить исследование. Естественно, в связи с этим, что наша статья не может претендовать на сколько-нибудь исчерпывающее освещение вопроса.

Основной тезис: история языка пролетариата при капитализме определяется историей самого пролетариата при капитализме, т. е. возникновением пролетариата как класса и дальнейшим развитием его в недрах капиталистического общества.

2. Откуда рекрутируется (набирается) людской состав пролетариата?

«Прежние низшие слои среднего сословия, мелкие промышленники, купцы и рантье, ремесленники и крестьяне, — все эти классы все более и более опускаются в ряды пролетариата, частью потому, что их незначительный капитал недостаточен для крупного производства и не выдерживает конкуренции больших капиталов, частью потому, что их техническая ловкость теряет свое значение при новых способах производства. Так рекрутируется пролетариат из всех классов населения» («Комм. манифест»). В нашей лекции речь будет итти *о русском* пролетариате, условия возникновения и развития которого до некоторой степени *своеобразны* по сравнению с этими условиями в других странах.

Русский пролетариат рекрутировался главным образом из состава *крестьянства;* русский пролетарий по своему происхождению главным образом *крестьянин.*

3. Но пролетариат в известном смысле этого слова непре-

рывно «происходил» из крестьянства в обстановке развивавшегося в нашей стране капитализма. Деревня постоянно поставляла рабочему классу все новых и новых «рекрутов»; рядом с отстаивающимися группами потомственных пролетариев становились все новые и новые группы пролетаризовавшегося крестьянства.

4. Таким образом перед нами встает первая задача: *выяснить судьбу крестьянского наследства в истории языка пролетариата при капитализме.*

Мы знаем три главные стадии развития капитализма в нашей промышленности: мелкое товарное производство, капиталистическая мануфактура и фабрика (крупная машинная индустрия) (см. *Ленин,* «Развитие капитализма в России», Сочинения, изд. 2-е, 1926 г., т. III, стр. 423).

На второй стадии развития капитализма (т. е. при мануфактуре, ручном производстве) наш рабочий, крестьянин по происхождению, в значительной мере не порывал еще *производственных* связей с деревней, с землей и в значительном числе уходил летом на полевые работы; он был еще, в сущности, и рабочим и крестьянином одновременно, хотя уже и работник мануфактуры противопоставлял себя крестьянину-земледельцу и смотрел на него сверху вниз (см. *Ленин,* то же, стр. 427).

«Полное отделение промышленности от земледелия производит *только* крупная машинная индустрия» (*Ленин,* то же, стр. 419). Мы приведем из указанной работы В. И. Ленина табличку, иллюстрирующую этот процесс и относящуюся к Московскому району в конце прошлого столетия.

Фабрики и заводы	Процент уходящих на полевые работы.	
Ручные бумаготкацкие с красильнями	72.5	Ручное производство.
Шелкоткацкие	63,1	
Фарфоро-фаянсовые	31,0	
Ручные ситценабивные и конторы для раздачи основ	30,7	
Суконные (полное производство) . .	20,4	
Бумагопрядильные и самоткацкие .	13,8	Механическое производство.
Самоткацкие с ситценабивными и отделочными	6,2	
Машиностроительный завод	2,7	
Ситценабивочные и отделочные механические	2,3	

5. Таким образом, «крупная машинная индустрия... отделяет окончательно промышленность от земледелия, создает... особый класс населения, совершенно чуждый старому крестьянству, отличающийся от него другим строем жизни, другим строем семейных отношений, высшим уровнем потребностей как материальных, так и духовных» (*Ленин*, то же, стр. 427).

Таким образом, только третья стадия развития капитализма — крупная машинная индустрия — окончательно отделяет рабочего от земледельца. Это обстоятельство создает необходимые условия для действительно самостоятельной (с точки зрения по-настоящему оформившегося рабочего класса) трактовки крестьянского наследства. Эта трактовка выражается в тенденции *ликвидировать (изжить)* крестьянское наследство.

Почему?

Для того, чтобы это понять, нужно учесть, чем подарило или готово было подарить крестьянство рабочий класс.

6. Совершенно очевидно, что пролетариат представляет собой *единый* класс и противостоит, как таковой, другим классам буржуазного общества; но, с другой стороны, столь же ясно, что пролетариат не представляет собой *сплошной* однородной массы, но распадается на ряд более или менее мелких социальных групп. Причиной, вызывающей появление этих мелких групп, является в первую очередь *разделение труда*. Так, например, в связи с этим мы имеем в составе рабочего класса ряд *профессиональных групп*, стоящих на разном уровне квалификации и материальной обеспеченности.

7. Существуют ли в составе пролетариата данной национальности внутриклассовые группы *по признаку языка?* Несомненно, существуют. Так, например, в связи с общественным разделением труда рабочие разных профессий отличаются друг от друга по *словарному составу* их языка: металлисты по характеру своего производства располагают целым рядом слов-названий для орудий производства и его процессов, которыми не располагают текстильщики, и обратно, и т. п. Эти внутриклассовые группы не являются специфичными для пролетариата (т. е. присущими именно и только пролетариату), но они увязаны с самим развитием рабочего класса как одного из классов капиталистического общества, где разделение труда неизбежно принимает громадные размеры. Эти внутриклассовые группировки не противоречат объективным интересам рабочего класса, посколь-

ку специальный профессиональный словарь употребляется в узкой сфере данного производства, а не проникает *весь* язык рабочего, не отделяет его *целиком* в отношении языка от рабочего другой профессиональной группы. В этом отношении профессиональные языковые группы капиталистического общества резко отличаются от профессиональных языковых групп феодализма; эти последние были *замкнутыми* группами, вырабатывавшими даже *тайные*, *условные* языки (ср. тайные языки мелких ремесленников, бродячих торговцев-офеней и пр.).

Ниже мы познакомимся еще с иными языковыми группировками внутри рабочего класса, а сейчас обратимся к крестьянскому наследству в его языке.

8. Крестьянское происхождение пролетариата неизбежно должно было бы обусловить *внутриклассовую раздробленность рабочего класса по признаку языка.*

Почему? Потому, что, как мы знаем из предыдущих статей, языку крестьянства свойственна значительная *пестрота,* унаследованная им от феодализма. Эта пестрота отчасти сглаживается с проникновением в деревню капиталистических отношений, отчасти сохраняется и увеличивается процессом капитализации деревни.

Пролетаризующееся крестьянство приносит с собой на фабрику и на завод свои *различные* местные крестьянские говоры с их произношением, грамматикой и словарем; поэтому языковой состав пролетариата намечается как *пестрый* сразу же на первых порах существования рабочего класса, а непрерывное крестьянское пополнение готово *поддерживать* эту пестроту.

9. Внутриклассовое разноязычие, наследуемое пролетариатом от крестьянства, подлежит ликвидации в процессе самостоятельного развития языка пролетариата по следующим основаниям:

Во-первых, это разноязычие, хотя и связанное с возникновением и пополнением пролетариата, привносится в рабочий класс извне. В каком случае оно имело бы шансы на то, чтобы сохраниться в дальнейшей истории языка рабочего класса? В том случае, если бы оно увязывалось с специальными особенностями пролетарской общественности в ее движении, если бы оно стало в какую-нибудь связь с отношениями рабочих к производству, с разделением труда на фабрике и т. д. Этого нет. Оно остается на положении неприкаянного пережитка — кандидата в покойники.

Во-вторых, никак не используемое в новой обстановке внутриклассовое разноязычие, унаследованное от крестьян, противоречило бы объективным интересам рабочего класса: нарушая его единство, оно ослабляло бы его в классовой борьбе. Это тем более необходимо отметить, что в данном случае разноязычие идет по *всем* линиям языка (произношение, грамматика, словарь) и распространяется на все случаи языковых сношений (т. е. оно несравнимо с тем разноязычием, которое дают профессиональные группировки, см. § 10).

Нам могут возразить, что это разноязычие не так уж значительно и существенно и что едва ли можно серьезно учитывать его с точки зрения успешности классовой борьбы пролетариата. Но такое возражение было бы совершенно неправильно: данный рабочий класс, например, русский, должен противостоять возможно более единым по языку своей единой по языку однонациональной буржуазии. В классовой борьбе никакое оружие не должно быть упущено, а язык является одним из основных признаков, по которым люди осознают свое единство или различие.

10. По каким линиям изживается крестьянское наследство в языке пролетариата?

Во-первых, в самом способе, каким пополняется пролетариат из состава крестьянства, заложены условия, способствующие изживанию особенностей местных говоров в языке крестьян, ставших пролетариями. В самом деле, на фабрику приходят крестьяне *разных* местных говоров; язык фабрики поэтому сразу же определяется как *смешанный;* поскольку различные говоры, приносимые крестьянам на фабрику, как мы видели, никак не увязываются с социальной структурой, создаваемой самой фабрикой, наступает естественное взаимовлияние представителей разных говоров на основе повседневного языкового общения; в результате этого отдельные особенности разных говоров сглаживаются, и должен возникнуть некоторый общий для данной фабрики язык. Правда, имеются случаи, когда «население» фабрики однородно по говору: это бывает, обычно, в таких случаях, когда фабрика находится не в крупном промышленном центре и обслуживается в отношении постановки рабочей силы только населением местного округа; в таких случаях особенности местного крестьянского говора дольше задерживаются среди рабочих; но эти отсталые районы нехарактерны; районами, ведущими самое развитие пролетариата как класса, а

значит, и историю его языка, являются крупные промышленные центры, крупные города, а здесь, несомненно, сталкиваются представители разнообразных крестьянских говоров.

11. Смешанный характер фабричного рабочего «населения» а следовательно, и сглаживание местных языковых особенностей определяется еще и *подвижностью самого рабочего*.

«Крупная машинная индустрия необходимо создает подвижность населения; торговые сношения между отдельными районами громадно расширяются; железные дороги облегчают передвижение. Спрос на рабочих возрастает в общем и целом, то поднимаясь в эпохи горячки, то падая в эпохи кризисов, так что переход рабочих с одного заведения на другое, из одного конца страны в другой становится необходимостью. Крупная машинная индустрия создает ряд новых индустриальных центров, которые с не виданной раньше быстротой возникают иногда в незаселенных местностях, — явление, которое было бы невозможным без массовых передвижений рабочих» (*Ленин,* то же, стр. 429). По данным земской санитарной статистики по Московской губернии (конец прошлого столетия), «опрос 103 175 фабрично-заводских рабочих показал, что рабочих, уроженцев данного уезда, работает на фабриках своего же уезда 53 238 чел., т. е. 51,6% всего числа. Следовательно, почти половина всех рабочих переселилась из одного уезда в другой. Рабочих уроженцев Московской губернии оказалось 66 038 чел — 64 %. Более трети рабочих — пришлые из других губерний (главным образом из соседней с Московской губернией центральной промышленной полосы). При этом сравнение отдельных уездов показывает, что наиболее промышленные уезды отличаются наименьшим процентом рабочих своего уезда: напр., в малопромышленных Можайском и Волоколамском уездах 92—93% фабрично-заводских рабочих — уроженцы того же уезда, где они и работают. В очень промышленных: Московском, Коломенском и Богородском уездах — процент рабочих своего уезда падает до 24% — 40% — 50% (*Ленин,* то же стр. 429).

12. Таким образом, самый характер рекрутирования рабочих из крестьян и подвижность рабочего населения порождают другой процесс: ликвидацию крестьянского наследства путем сглаживания особенностей местных говоров. На развалинах крестьянского разноязычия в условиях развивающейся

крупной машинной индустрии *как бы создается* качественно новая единица — общий язык рабочего класса. Но в действительности обстановка *гораздо сложнее:* указанный нами процесс не развивается самостоятельно; он включен в другой процесс, а именно в процесс движения национального языка.

Изживание крестьянского наследства идет, таким образом, не только и не столько по линии сглаживания местных особенностей говоров путем взаимовлияния фабрично-заводского «населения» и в силу подвижности рабочих: эти процессы — налицо, но они подчинены основному языковому процессу капиталистического общества.

13. Попадая в город, на фабрику и на завод, рабочий. крестьянин по происхождению, неизбежно испытывает влияние языка других классов городского населения. Это влияние осуществляется в повседневном быту, на фабрике, в школе (поскольку для рабочего есть школа), через печать и книгу (поскольку рабочий грамотен), через государственный аппарат и пр. Это влияние является основным и решающим в смысле изживания крестьянского наследства.

Вот как описывает Плеханов петербургских «заводских мастеровых» еще середины 70-х годов: «чем больше знакомился с петербургскими рабочими, тем больше поражался их культурностью. Бойкие и речистые, умеющие постоять за себя и критически отнестись к окружающему, они были *горожанами* в лучшем смысле этого слова. Многие из нас держались иногда того мнения, что «спропагандированные» городские рабочие должны итти в деревню, чтобы действовать там в духе той или иной революционной программы... Но... настоящие городские рабочие, т. е. рабочие, совершенно свыкшиеся с условиями городской жизни, в большинстве случаев оказывались непригодными для деревни. Сойтись с крестьянами им было еще труднее, чем революционерам-интеллигентам» («Русский рабочий в революционном движении»).

Но нас интересуют не механические способы, какими овладевает пролетариат буржуазной языковой культурой; нас интересует, какое место занимает буржуазная языковая культура в самом процессе становления языка пролетариата. К этому вопросу мы сейчас и обратимся.

II

14. В процессе развития каждого класса Маркс устанавливает два основных момента. Всякий класс первоначально,

является «классом в себе» и лишь позднее конституируется в «класс для себя». «Классом в себе», или классом неконституированным, является класс, в котором нет еще сознания своих классовых интересов и нет организации, объединяющей его в сплоченную социальную силу. Следовательно, это класс неорганизованный и еще не осознавший себя как класс. Напротив: конституированным является класс организованный и выработавший известную классовую идеологию.

15. Основным содержанием истории пролетариата при капитализме является превращение его из «класса в себе» в «класс для себя», и дальше — организованная борьба с буржуазией, приводящая (а у нас приведшая) к победе пролетариата и установлению его диктатуры.

Необходимо выяснить, в какой мере «влияние» русской дворянско-буржуазной языковой культуры на язык пролетариата увязано с этим основным содержанием истории пролетариата при капитализме. Не является ли оно неизбежным, обязательным, *присущим* процессу развития пролетариата на его определенном этапе?

Пути к разрешению этого вопроса дает нам В. И. Ленин.

16. В работе «Что делать?», относящейся к 1902 году, В. И. Ленин разрешает ряд вопросов, касающихся как раз процесса превращения русского пролетариата из «класса в себе» в «класс для себя». В главе «Начало стихиийного подъема» (Собрание сочинений, т. V, стр. 140 и сл.) В. И. Ленин указывает на рост сознательности в рабочем движении и говорит: «Стачки бывали в России и в 70-х и в 60-х годах и даже в первой половине XIX века, сопровождаясь стихийным разрушением машин и т. п. По сравнению с этими «бунтами» стачки 90-х годов можно даже назвать «сознательными» — до такой степени значителен тот шаг вперед, который сделало за это время рабочее движение. Это показывает нам, что «стихийный элемент» представляет из себя, в сущности, не что иное, как зачаточную форму сознательности... Если бунты были восстанием просто угнетенных людей, то систематические стачки выражали уже собой зачатки классовой борьбы, но именно только зачатки. Взятые сами по себе, эти стачки были борьбой трэд-юнионистской, но еще не социал-демократической, они знаменовали пробуждение антагонизма рабочих и хозяев, но у рабочих не было, да и быть не могло, сознания непримиримой противоположности их интересов всему современному политическому и социальному строю, т. е. сознания социал-демократического. В этом смы-

сле стачки 90-х годов, несмотря на громадный прогресс по сравнению с «бунтами», оставались движением чисто стихийным».

На дальнейшие слова В. И. Ленина нужно обратить особое внимание:

«Мы сказали, что социал-демократического сознания у рабочих и *не могло быть*. Оно могло быть принесено только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание трэд-юнионистское, т. е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п. Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами, по своему социальному положению, к буржуазной интеллигенции. Точно так же и в России теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции. К тому времени, о котором у нас идет речь, т. е. к половине 90-х годов, это учение не только было уже вполне сложившейся программой группы «Освобождение труда», но и завоевало на свою сторону большинство революционной молодежи в России.

«Таким образом налицо были и стихийное пробуждение рабочих масс, и пробуждение к сознательности жизни и сознательной борьбе, и наличность вооруженной социал-демократической теорией революционной молодежи, которая рвалась к рабочим. . .»

17. Таким образом, В. И. Ленин указывает, что на определенном этапе развития рабочего класса, при превращении его из «класса в себе» в «класс для себя» — *необходимо и неизбежно* взаимодействие между растущими в своей сознательности рабочими и «образованными представителями имущего класса, интеллигенцией», «вооруженной социал-демократической теорией революционной молодежью».

Но революционная интеллигенция неизбежно приносит пролетариату навыки общего русского разговорного языка, вырабатываемого буржуазией, и навыки письменной и уст-

ной публичной речи, вырабатываемой буржуазией же. Это обстоятельство, как мы видим, ни в какой мере не случайно, а определяется основным содержанием истории пролетариата при капитализме — превращением его из «класса в себе» в «класс для себя». Иначе и быть не может.

Революционная интеллигенция осуществляет свое языковое влияние на рабочего в повседневном быту, в беседах агитационного и пропагандистского характера, в школах, в различных рабочих организациях, в конце концов в партийных организациях. Особенно важное значение имеет в этом отношении публичная речь, устная и письменная (так наз. литература); об этом есть прямое указание В. И. Ленина («Что делать?», стр. 148): говоря, что «о самостоятельной, самими рабочими массами в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть и речи», В. И. Ленин делает к этим словам следующее примечание: «это не значит, конечно, что рабочие не участвуют в этой выработке. Но они участвуют не в качестве рабочих, а в качестве теоретиков социализма, участвуют в качестве Прудонов и Вейтлингов, участвуют, другими словами, лишь тогда и постольку, поскольку им в большей или меньшей степени удается овладевать знаниями своего века и двигать вперед это знание. А чтобы рабочим *чаще удавалось это,* для этого необходимо как можно больше заботиться о повышении уровня сознательности рабочих вообще, для этого необходимо, чтобы рабочие не замыкались в искусственно суженные рамки «литературы для рабочих», а учились бы овладевать все больше и больше *общей литературой*. Вернее даже было бы сказать вместо «замыкались» — были замыкаемы, потому что рабочие-то сами читают и хотят читать все, что пишут и для интеллигенции, и только некоторые (плохие) интеллигенты думают, что «для рабочих» достаточно рассказывать о фабричных порядках и пережевывать давно известное».

18. Усвоение национального языка осуществляется в рабочем классе неравномерно. Естественно, что скорее и точнее всего усваивают его передовые слои рабочих, непосредственно втягивающиеся в организационно-политическую работу, в первую очередь вырабатывающие отчетливое классовое сознание. *Но с массой рабочих* и особенно с «крестьянским пополнением», о котором мы говорили выше, дело обстоит гораздо хуже.

По отношению ко всему рабочему классу в целом нельзя говорить о возможности полного усвоения норм националь-

ного языка в области произношения, грамматики и словаря. Причина — положение пролетариата в буржуазном обществе как класса угнетенного. Учитывая возможности общекультурного (а, следовательно, и языкового) роста рабочего класса при капитализме, мы никогда не должны забывать слова Маркса: «Накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал». Вот почему между языком рабочих и общерусской речью имеются определенные различия, которые не изжиты и посейчас. Различия эти двух видов: первые — пережитки крестьянских местных говоров, вторые — результаты недостаточно точного усвоения фактов общерусской речи, отсутствующих в обиходе того крестьянского говора, пережитки которого имеются в языке данного рабочего.

19. В дополнение к тому, что здесь сказано о том месте, которое занимает «влияние» национального языка на язык пролетариата в процессе развития пролетариата как класса при капитализме, отметим еще следующее:

Объективные интересы рабочего класса заставляют его усваивать на свою потребу различные завоевания буржуазной культуры; это относится и к буржуазной языковой культуре. И здесь мы приведем слова В. И. Ленина:

«Это надо иметь в виду, когда мы, например, ведем разговоры о пролетарской культуре. Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только *переработкой* ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить.

«Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества.

«Все эти пути и дорожки подводили и подводят, и продолжают подводить к пролетарской культуре так же, как политическая экономия, переработанная Марксом, показала нам то, к чему должно прийти человеческое общество, указала переход к классовой борьбе, к началу пролетарской револю-

ции» («Задачи союза молодежи», речь на 3-м съезде РЛКСМ, Собр. соч., т. XVII, 1925 г., стр. 317).

Эти слова В. И. Ленина относятся и к пролетарской языковой культуре.

20. Подведем некоторые итоги.

Мы указали, как изживается крестьянское наследство в языке пролетариев, по происхождению крестьян. При этом мы не ограничились ссылкой на механическое взаимовлияние разноязычных крестьян, превращающихся в рабочих, и на подвижность рабочего населения, приводящие к сглаживанию особенностей местных крестьянских говоров; мы старались уяснить эти явления с точки зрения развития рабочего класса; с этой же точки зрения мы старались понять и «влияние» языка буржуазии на язык рабочих. Мы старались понять историю языка пролетариата, исходя из истории самого пролетариата. Но в нашем изложении как будто не было самого главного: ведь история пролетариата есть история *борьбы* пролетариата с буржуазией, история все усиливающегося антагонизма пролетариата и буржуазии; ведь эта история не ограничивается изживанием крестьянского наследства и усвоением буржуазных достижений; усваивая буржуазные достижения в области языковой культуры, пролетариат должен себя в чем-то *противопоставить* в области языка.

Где же *собственно* пролетарская языковая культура?

Постараемся посильно ответить на этот вопрос, поневоле вкратце.

21. Некоторые наивные люди готовы подойти к разрешению этого вопроса таким образом: они сопоставляют произношение, грамматику, словарь пролетариата на данном этапе его развития с произношением, грамматикой, словарем буржуазии и ее интеллигенции и, учитывая отличия языка пролетариата, в этих отличиях и находят искомое противопоставление. То есть, они стремятся найти это противопоставление в той стороне языка, в которой он выступает *как средство общения*, как *всеобщая* — в условиях капиталистического общества — *форма связи*. Именно поэтому они и ошибаются.

22. Мы знаем, что в отношении способов произносить, спрягать или склонять слова пролетариат при капитализме (как и сейчас) неоднороден; в более отсталых слоях рабочего класса мы найдем больше отличий от языковых норм национального языка; у более культурных рабочих эти нор-

мы приближаются к национальным. Мы знаем, что передовые группы политически грамотных, классово-сознательных рабочих, участвующих в революционном движении, в партии, в отношении языковых норм стараются приблизиться и очень приближаются к норме работающей вместе с ними революционной интеллигенции.

23. Прекрасную иллюстрацию того, что сказано, мы имеем, например, в ранних материалах рабочего движения, в литературе «Московского рабочего союза» («Литература Московского рабочего союза», материалы и документы собраны и подготовлены к печати Н. П. Милютиной и С. И. Мицкевичем», Госиздат РСФСР, «Московский рабочий», 1930).

После того как все интеллигенты из организации были уже арестованы, были выпущены самостоятельно рабочими Ф. И. Поляковым — ткач — и Р. Г. Наумовым — наборщик — три листовки, из которых первые две написаны Поляковым, а последняя — Наумовым после ареста Полякова. Листовки относятся к августу—ноябрю 1895 г. Приведем эти листовки:

Товарищи работники!

За границей рабочие добились 8- или 9-часового дня. Добились платы втрое, вчетверо больше, чем наша. Пища и жилища их — роскошные дворцы в сравнении с нашими сырыми и грязными конурами. Польские рабочие, по примеру рабочих Западной Европы, тоже добились 10—11-часового труда, а они находятся под гнетом тех же законов, как и мы. Только у нас произвол капиталистов-хозяев не знает предела; только у нас рабочий трудится 13—16, а то и 18 часов в сутки; только нас еще заставляют работать ночи и праздники. Жизнь наша с каждым днем все хуже и хуже. Над нами издеваются, ничем не стесняясь, а защиты и помощи нам ждать, кроме как от самих себя, не от кого.

Как же помочь нам себе? Будем учиться, как улучшить свое положение, будем соединяться, забывать ссоры и вздоры между собою и сообща дружно бороться за право на лучшую жизнь. Узнаем, как боролись заграничные товарищи, и пойдем по их следам. Соединимся все рабочие вместе, из грошей наших устроим кассу, будем помогать пострадавшим за правое рабочее дело, будем учиться и учить других, и можем смело надеяться, что и мы добьемся лучшей жизни. Вперед, товарищи!

Товарищи работники всех стран, соединяйтесь.

Товарищи, пора опомниться, пора взяться за дело. Довольно кормить дармоедов-хозяев и их приспешников трудами наших рук. Пора опомниться, давно пора попросить, а то лучше потребовать короткого рабочего дня и лучшей заработной платы. Возьмемся же, товарищи, за улучшение нашей жизни. Смело за общее дело.

24. И как эти листовки, как и другие материалы о языке рабочих-передовиков, сохранившиеся от дооктябрьского периода, свидетельствуют о процессе освоения ими норм национального языка, этого всеобщего средства связи в капиталистическом обществе.

Особенно любопытна листовка Наумова. (К сожалению, по техническим причинам мы не можем ее поместить). О ней т. Владимирский (сборник «На заре рабочего движения в Москве», 1919 г.) говорит: «Революционная мысль и могучая воля пролетариата сквозят в каждой строке, в каждом выражении этого воззвания. Особенно рельефно выступает богатство его содержания в сравнении с его внешним видом. Набирала его рука еще малограмотного рабочего; распространяли его сами рабочие, не обладавшие никакими, даже примитивными, аппаратами распространения; на оборотной стороне его сохранились следы хлеба, которым оно было приклеено к стене».

Ясно, что не в отклонении от орфографических норм национального языка(«малограмотность»), не в отклонении от норм национального языка вообще нужно искать «революционную мысль и могучую волю пролетариата». Наумов выступает как классово-сознательный пролетарий не в своих орфографических ошибках и не в том, что он пишет «собща», «шешнадцать», «свово».

25. Должны ли мы брать за основу сопоставления язык отсталых рабочих или — передовиков? Ясно, что передовиков. Но как раз у них эти отличия сравнительно ничтожны и, во всяком случае, стремятся к нулю. Таким образом, некоторые наивные люди хотят найти специфические особенности языка пролетариата в таких особенностях, которые исчезают в процессе развития пролетариата как класса. Ведь все дело в том, что на изучаемом этапе развития как раз специфичным для пролетариата является освоение норм национального языка, освоение того средства связи,

которое буржуазия создает для себя, а пролетариат хочет использовать для себя. Само собой разумеется, что нарождающаяся пролетарская языковая идеология должна *в конечном счете* преобразовать унаследованную от буржуазии систему норм национального языка.

26. Не следует нас понимать таким образом, что мы отрицаем необходимость, нужность *изучения* отклонений от национальной нормы в языке пролетариата. Наоборот, это изучение — в историческом плане — должно производиться; оно будет характеризовать историю овладения пролетариатом нормами национального языка, отражающую классовую борьбу в капиталистическом обществе. К сожалению, мы имеем для этого слишком мало материала.

27. Но, быть может, специфичным для характеристики языковой идеологии пролетариата является тот запас слов, которым он располагает? Тоже нет. Ясно, что рабочие стараются овладеть тем запасом слов, которые существуют в общем языке капиталистического общества; они должны им овладеть для того, чтобы усваивать и перерабатывать всю прошлую человеческую культуру (ср. выше слова Ленина о том, что рабочие должны овладевать общей литературой), и пролетариат в своем развитии овладевает запасом слов общего языка капиталистического общества.

Правда, рабочие, в зависимости от своего участия в том или ином производстве, располагают рядом слов, отсутствующих в общем языке, но это характерно не только для них, а для всех специальных производственных или профессиональных групп капиталистического общества.

28. Пролетариат противопоставляет себя как класс буржуазии не в произносительных, грамматических, словарных нормах, не в языке, выступающем как средство общения, а в языке, выступающем в идеологической функции. На основе нового классового сознания, нового способа освоения действительности, нового диалектико-материалистического мышления, — пролетариат как класс противопоставляет себя буржуазии в *способе использования* общенационального языкового материала, *в обращении* с этим материалом, в способе *отбора* из него нужных для конкретной цели фактов, в своем *отношении* к этим фактам и их *оценке*, в новом по содержанию их *осмыслении*, в новой их *конкретизации* в своей речевой практике.

Пролетариат вырабатывает таким образом свой специфический пролетарский *речевой стиль* в той мере, в какой выра-

батывает в развертывающихся боях с буржуазией свою специфическую пролетарскую психологию и идеологию. Этот процесс начинается, таким образом, еще в недрах капиталистического общества. Этот процесс и является процессом создания *пролетарской языковой идеологии*.

29. Как же создается пролетарский речевой стиль, пролетарская языковая идеология?

Пролетарский речевой стиль стихийно создается *самой массой рабочего класса* в обстановке классовой борьбы пролетариата с буржуазией в порядке повседневного разговорного общения и конструируется передовыми языковыми работниками, идеологами пролетариата (литераторами и ораторами), в различных жанрах устной и письменной публичной речи; по вполне понятным причинам процесс оформления пролетарского речевого стиля захватывает в первую очередь политический, философский, научный жанр публичной речи.

Где же мы будем искать наиболее полное выражение пролетарского речевого стиля? Естественно, что мы будем искать его у крупнейших языковых работников пролетариата, являющихся в то же время крупнейшими идеологами пролетариата вообще, и притом у таких работников, которые жили не оторванно от широкой рабочей массы, но глубоко проникали, в частности, и в ее речевую жизнь, учитывали те речевые процессы, которые в ней происходят.

Для русского языка мы будем искать наиболее полное выражение пролетарского речевого метода в *наипервейшую очередь у Ленина*.

30. Мы должны искать пролетарский речевой стиль у Ленина не только потому, что он был и остается величайшим идеологом и вождем рабочего класса *вообще*.

Мы имеем, во-первых, все основания утверждать, что Ленин *сознательно строил и в специально языковой области*. Усвоив на деле все достижения буржуазной культуры, Ленин выковал свою языковую идеологию, свой пролетарский речевой стиль в непрестанных боях с различного сорта буржуазными и подбуржуазными идеологами в области устной и письменной публичной речи. В своей полемике Ленин постоянно бьет противника и по языковой линии. О том, что Ленин сознательно строил пролетарский речевой стиль, свидетельствуют и многочисленные высказывания его о языке.

Мы знаем, во-вторых, что Ленин вел свою языковую работу не уединенно, а с пристальнейшим учетом языковых

процессов, происходящих в *самой рабочей массе*. Об этом имеются любопытнейшие указания Н. К. Крупской в «Воспоминаниях о Ленине» (изд. «Роман-газеты», № 7 (61), стр. 34—35, глава «Ленин об умении писать для рабочих и крестьянских масс»). Отсылаем читателя к этому материалу.

31. Подведем некоторые итоги.

Еще в недрах капиталистического общества пролетариат начинает создавать *пролетарскую языковую культуру*. После захвата власти пролетариатом этот процесс принимает *массовый характер* и распространяется *на все речевые жанры*.

Наша попытка *теоретически* осознать процесс развития языка пролетариата приводит нас к чисто практическому выводу. Мы имеем право говорить *о ленинизме в языке* также, как мы говорим о ленинизме в других областях теории и практики. А если так, то мы имеем право и должны говорить *о ленинской учебе* в области языка. Детальное *изучение ленинской практики* в области языка и основанная на этом борьба за *ленинизм в языке* — необходимейшее условие дальнейшего развития пролетарской языковой культуры. В этих путях получат разрешение и многие больные вопросы нашей современной языковой культуры. В этих путях получают разрешение и основные вопросы языка пролетарской литературы.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК В ЭПОХУ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

I

1. В докладе на XVI съезде ВКП(б) т. *Сталин* остановился на имеющихся в партии уклонах в области *национального вопроса,* в частности на уклоне к великорусскому шовинизму. «Существо уклона к великорусскому шовинизму состоит в стремлении обойти национальные различия языка, культуры и быта, в стремлении подготовить ликвидацию национальных республик и областей, в стремлении подорвать принцип национального равноправия и развенчать политику партии по национализации аппарата, национализации прессы, школы и других государственных и общественных организаций».

Уклонисты этого типа исходят из того соображения, что при победе социализма нации должны слиться воедино, а их национальные языки должны превратиться в единый общий язык. Они ссылаются при этом на Ленина, но «Ленин никогда не говорил, что национальные различия должны исчезнуть, а национальные языки должны слиться в один общий язык в пределах *одного* государства, *до победы* социализма *во всемирном масштабе.* Ленин, наоборот, говорил, нечто прямо противоположное, а именно, что национальные и государственные *различия* между народами и странами... будут держаться еще *очень и очень долго* даже *после* осуществления диктатуры пролетариата во *всемирном* масштабе» (*Сталин* — из доклада на XVI съезде ВКП(б).

«Период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период *расцвета* национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме... развитие национальных культур должно развернуться с новой силой с введением и укоренением общеобязательного первоначального образования на родном языке».

«Ясно, что мы уже вступили в период социализма, ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства, хотя до по-

строения социалистического общества и уничтожения классовых различий еще далеко. И все же, несмотря на это, национальные языки не только не отмирают и не сливаются в один общий язык, а, наоборот, национальные культуры и национальные языки развиваются и расцветают. . .»

«Может показаться странным, что мы, сторонники *слияния* в будущем национальных культур в одну общую (и по форме и по содержанию) культуру с одним общим языком, являемся вместе с тем сторонниками *расцвета* национальных культур в данный момент, в период диктатуры пролетариата. Но в этом нет ничего странного. Надо дать национальным культурам развиться и развернуться, выявив все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру, с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт, — в этом именно и состоит диалектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре. . . расцвет национальных культур (и языков) в период диктатуры пролетариата в одной стране в целях подготовки условий для отмирания и слияния их в одну общую, социалистическую культуру (и в один общий язык) в период победы социализма во всем мире. Кто не понял этого своеобразия и «противоречивости» нашего переходного времени, кто не понял этой диалектики исторических процессов, тот погиб для марксизма».

Эти высказывания т. Сталина дают ключ к пониманию «текущего момента» в развитии русского языка (равно как и других языков Союза).

2. Тов. Сталин в своем докладе непосредственно имел в виду не русские (не «великорусские») народности и языки Союза. Можем ли мы относить его слова о «расцвете» национальных языков при диктатуре пролетариата также и к *русскому* («великорусскому») языку, как одному из национальных языков Союза? Несомненно, можем и должны. Можем ли мы, однако, говорить в *одинаковом смысле* о «расцвете» русского и не русских языков Союза при диктатуре пролетариата? Нет, ни в коем случае не можем. Почему? Потому, что русский и не русские языки Союза имели, как и соответствующие народности, до возникновения диктатуры

пролетариата разную судьбу, *разную историю* и оказались к моменту Октябрьской революции *на разных этапах развития*. Русский язык был языком господствующей в старой России народности, не русские языки были языками народностей подчиненных, угнетенных; необходимо отметить при этом, что и не русские языки также находились не на одинаковых этапах развития.

3. Достаточно вдуматься в принятую на X съезде партии резолюцию по национальному вопросу, чтобы понять значение этого различия: «Задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам не великорусских народов *догнать* ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие *на родном языке* суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения *на родном языке;* г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на *родном языке* (курсив наш. *И. Я.)*.

Каков же, таким образом, отправной пункт «расцвета» очень и очень многих не русских языков Союза? Они были ограничены домашним «семейным» разговорным употреблениям, да и здесь подвергались натиску того же русского языка. Языки многих не русских народностей представляли собой ряд разрозненных крестьянских говоров; многие не русские народности не имели вовсе своих общенациональных языков, на которых они *могли бы*, если бы обстоятельства им позволяли, осуществлять литературу, школьное преподавание, прессу и пр.; многие народности лишь после Октябрьской революции получили возможность впервые создавать свои литературные языки, устанавливать их грамматику и пр.; многие народности были вовсе бесписьменны и даже «безгласны», если иметь в виду устную публичную речь. Таков один полюс. На другом полюсе — русский язык, который выявлял себя и в университетской аудитории и в начальной школе, в ежедневной газете и в художественной литературе, в государственном аппарате и в театре, в суде, в парламенте (хотя и плохоньком) и т. п. Во всех этих своих проявлениях русский язык, при поддержке государственного

аппарата старой России, *навязывал* себя не русским народностям, *наступал* на них.

Столь различное положение русского и не русских языков накануне Октябрьской революции заставляет даже поставить вопрос: можно ли говорить о каком-то еще новом расцвете русского языка при диктатуре пролетариата? Не есть ли это лишь некая новая разновидность «великорусского шовинизма»? Не есть. Попробуем убедиться в этом.

4. Тов. Сталин в своем докладе указывает, что «надо дать национальным культурам *развиться и развернуться, выявив все свои потенции*, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком» (см. § 1). Можем ли мы сказать, что русский язык при капитализме настолько развился и развернулся, настолько выявил все свои потенции, что он уже «готов» влиться в будущий общий язык? Конечно, нет. Перед русским пролетариатом стоит ряд сложнейших задач по дальнейшему развертыванию русского языка на совершенно новой основе в обстановке диктатуры пролетариата.

5. Обратимся к вопросу о том, поскольку национальный язык, создаваемый капитализмом, способен развернуть в обстановке капитализма заложенные в нем потенции, и посмотрим, поскольку эти потенции могут развернуть специально *русский* национальный язык. Выяснение этого вопроса позволит нам установить, как мы должны понимать «расцвет» русского национального языка в эпоху диктатуры пролетариата. Мы уже говорили, что культурным наследством, в усвоении которого заинтересован русский пролетариат, является не феодально раздробленный язык, а язык национально объединенный. Мы установили, что самая эта всеобщность национального языка не однородна (общность для разных классов, для разных жанров, для разных наций и т. п.). Поэтому мы должны будем выяснить, в развитии какой стороны всеобщности национального языка заинтересован пролетариат в эпоху своей диктатуры. Здесь необходимо заметить, что было бы неверно считать, что пролетариат угнетенных, колониальных и полуколониальных стран, захватывая власть, должен обязательно получить в наследство уж сложившийся национальный язык. В действительности неравномерность развития капитализма приводит к тому, что создание национальных языков становится делом захватившего власть пролетариата.

II

6. Мы видели, что национальному языку свойственна тенденция (стремление) *к всеобщности* в разных смыслах этого слова. Во-первых, капитализм стремится создать национальный язык как единый для *всего* данного национального общества, как всеобщее средство связи. Во-вторых, — и это связано с первым, — капитализм стремится создать национальный язык как язык, обслуживающий *все* стороны общественной практики (науку, право, художественную литературу, политику, торговлю, повседневный быт и т. д.). В-третьих, капитализм развивает в национальном языке, в связи с развитием международных связей капиталистического мира, тенденции всеобщности в мировом масштабе, тенденции международной всеобщности. В-четвертых, капитализм — на определенном этапе своего развития — стремится сделать национальный язык господствующей нации всеобщим в пределах данной страны, т. е. общим для подчиненных наций и народностей (хотя в определенной обстановке буржуазия господствующей нации идет и на предоставление автономии языкам подчиненных национальностей).

7. Начнем с конца. Пролетариат заинтересован в том, чтобы четвертая тенденция национального языка *погибла* вмест с капитализмом. Пролетариат *уничтожает национальное* господство (и угнетение) в объективной действительности, уничтожает всяческие открытые и прикрытые государственные формы национального порабощения. Пролетариат борется со всякими проявлениями великодержавного шовинизма в идеологии (в науке, в политике, в искусстве).

8. Некоторые полагают, что победа пролетариата в одной стране должна немедленно привести к развитию единого языка в этой стране, — естественно, на основе господствовавшего в этой стране до пролетарской революции языка, в наших условиях, следовательно, на основе русского (великорусского) языка. Так, Каутский полагал, что победа пролетарской революции в объединенном австро-германском государстве в середине прошлого века должна была привести к слиянию наций в одну немецкую нацию с одним общим языком и, в частности, — к онемечению чехов. Тов. Сталин на XVI партийном съезде разоблачил ложность такой точки зрения, представляющей собою великодержавный шовинизм чистой марки по своему существу, лишь прикрытый интернационалистической фразой.

В заключительном слове, отвечая на записки, т. Сталин сказал следующее: «Вторая группа записок касается национального вопроса. Одна из этих записок, которую я считаю наиболее интересной, сопоставляет трактовку проблемы национальных языков в моем докладе на XVI съезде с той трактовкой, которая дана в моем выступлении в Университете народов Востока в 1925 г., и находит, что тут есть некоторая неясность, которая должна быть разъяснена. Вы,— говорит записка, — возражали тогда против теории (Каутского) отмирания национальных языков и создания одного общего языка в период социализма (в одной стране), а теперь в своем докладе на XVI съезде заявляете, что коммунисты являются сторонниками слияния национальных культур и национальных языков в одну общую культуру с одним общим языком (в период победы социализма в мировом масштабе), — нет ли тут неясности?

«Я думаю, что тут нет ни неясности ни какого бы то ни было противоречия. В своем выступлении в 1925 г. я возражал против национал-шовинистской теории Каутского, в силу которой победа пролетарской революции в середине прошлого столетия в объединенном австро-германском государстве должна была привести к слиянию наций в одну общую немецкую нацию с одним общим немецким языком и к онемечению чехов. Я возражал против этой теории как против антимарксистской, антиленинской, ссылаясь на факты из жизни нашей страны после победы социализма в СССР, опровергающие эту теорию. Я и теперь возражаю против этой теории, как это видно из моего отчетного доклада на этом XVI съезде. Возражаю, так как теория слияния всех наций, скажем, СССР, в одну общую великорусскую нацию с одним общим великорусским языком есть теория национал-шовинистская, теория антиленинская, противоречащая основному положению ленинизма, состоящему в том, что национальные различия не могут исчезнуть в ближайший период, что они должны остаться еще надолго — даже после победы пролетарской революции в мировом масштабе. Что касается более далекой перспективы национальных культур и национальных языков, то я всегда держался и продолжаю держаться того ленинского взгляда, что в период победы социализма в мировом масштабе, когда социализм окрепнет и войдет в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским ни немецким, а чем-то новым. Об этом я

также определенно заявил на своем докладе на XIV съезде.

«Где же тут неясность и что, собственно, требуется здесь разъяснить? Видимо, авторы записки не вполне уяснили себе по крайней мере две вещи.

«Они не уяснили себе прежде всего тот факт, что мы уже вступили в СССР в период социализма, причем, несмотря на то, что мы вступили в этот период, нации не только не отмирают, а, наоборот, развиваются и расцветают. В самом деле, вступили ли мы уже в период социализма? Наш период обычно называется периодом переходным от капитализма к социализму. Он назывался периодом переходным в 1918 г., когда Ленин в своей знаменитой статье «О левом ребячестве» впервые охарактеризовал этот период с его пятью укладами хозяйственной жизни. Он называется переходным в настоящее время, в 1930 г., когда некоторые из этих укладов, как устарелые, уже идут ко дну, а один из этих укладов, а именно новый уклад в области промышленности и сельского хозяйства, растет и развивается с невиданной быстротой. Можно ли сказать, что эти два переходных периода являются тождественными, что они не отличаются друг от друга коренным образом? Ясно, что нельзя. Что имели мы в 1918 г. в области народного хозяйства? Разрушенную промышленность и зажигалки, отсутствие колхозов и совхозов как массового явления, рост «новой» буржуазии в городе и кулачества в деревне. Что имеем мы теперь? Восстановленную и реконструируемую социалистическую промышленность, развитую систему совхозов и колхозов, имеющих более 40% всех посевов по СССР по одному лишь яровому клину, умирающую «новую» буржуазию в городе, умирающее кулачество в деревне. И там переходной период. И здесь переходной период. И все же они в корне отличаются друг от друга, как небо от земли. И все же никто не сможет отрицать, что мы стоим на пороге ликвидации последнего серьезного капиталистического класса, класса кулаков. Ясно, что мы уже вышли из переходного периода в старом его смысле, вступив в период прямого и развернутого социалистического строительства по всему фронту. Ясно, что мы уже вступили в период социализма, ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства, хотя до построения социалистического общества и уничтожения классовых различий еще далеко. И все же, несмотря на это, национальные языки не только не отмирают и не сливаются в один общий язык, а, наоборот, националь-

ные культуры и национальные языки развиваются и расцветают. Не ясно ли, что теория отмирания национальных языков и слияния их в один общий язык в рамках *одного* государства в период развернутого социалистического строительства, в период социализма *в одной* стране есть теория неправильная, антимарксистская, антиленинская.

«Авторы записки не уяснили, во-вторых, того, что вопрос об отмирании национальных языков и слиянии их в один общий язык есть не вопрос *внутригосударственный*, не вопрос победы социализма в одной стране, а вопрос *международный*, вопрос победы социализма в *международном* масштабе. Авторы записки не поняли, что нельзя смешивать победу социализма в *одной* стране с победой социализма в международном масштабе. Ленин недаром говорил, что национальные различия останутся еще надолго даже после победы диктатуры пролетариата в международном масштабе. Кроме того, надо принять во внимание еще одно обстоятельство, имеющее отношение к ряду национальностей СССР. Есть Украина в составе СССР, но есть и другая Украина в составе других государств. Думаете ли вы, что вопрос об украинском и белорусском языке может быть разрешен вне учета этих своеобразных условий? Возьмите, далее, национальности СССР, расположенные по южной его границе, от Азербайджана до Казакстана и Бурят-Монголии. Все они находятся в том же положении, что и Украина и Белоруссия. Понятно, что и тут придется принять во внимание своеобразие условий развития этих национальностей. Не ясно ли, что все эти и подобные вопросы, связанные с проблемой национальных культур и национальных языков, не могут быть разрешены в рамках одного государства, в рамках СССР.

«Вот как обстоит дело, товарищи, с национальным вопросом вообще, с упомянутой выше запиской по национальному вопросу в частности.

9. «Таким образом, пролетариат, пришедший к власти, осуществляет формулу Ленина: «Скинуть всякий феодальный гнет, всякое угнетение наций, всякие привилегии одной из наций или одному из языков — безусловно обязанность пролетариата...» («Критические заметки по национальному вопросу»).

III

10. Может ли капитализм осуществить заложенные в нем тенденции *всеобщности национального языка как средства*

общения, связанные, как мы видели, и с тенденциями «единого» национального языка обслужить все стороны общественной жизни? Уже все предыдущее изложение отвечает на этот вопрос отрицательно: нет, не может. Противоречия классовой борьбы, противоречия города и деревни, в частности противоречия между умственным и физическим трудом, не дают капитализму возможности осуществить эти тенденции.

11. Даже выступая как прогрессивный общественный класс, двигающий в борьбе с феодализмом общественное развитие *вперед,* буржуазия уже заключает свой демократизм в маленькие кавычки. Дело в том, что буржуазия, выступая против феодализма как представительница всего общества, вместе с тем выступает и как представительница своих собственных *эгоистических классовых интересов.* Таким образом, уже в самом расцвете буржуазии заложено ее гниение.

Приведу пример из области языковой политики.

12. Мы видели, что языковая политика Петра осуществляла тенденции буржуазного развития России в связи с ростом торгового капитала, в частности с проникновением иностранного торгового капитала в Россию. Именно на этой основе была произведена революция русского литературного языка: «отменен» непонятный церковно-славянский язык как язык письменности, осуществлена реформа графики русского языка. Все эти мероприятия шли под флагом заботы об интересах широких масс. Мы указывали на то, что Петр посягал даже на церковно-славянский язык в церкви во имя того же демократизма. Петр заботился о том, чтобы и «поселянин» знал катехизис, но — и это «но» чрезвычайно характерно—тут же проводит различие между поселянами и горожанами, для которых возможно сделать катехизис «покрасивее, для сладости слышащих».

13. Возьмем другой пример: эпоху шестидесятых годов. Буржуазия полна забот о «народе», развертывается широкое «просветительство», говорят о популяризации научных знаний в широких массах, ставится проблема научно-популярного языка. Как будто речь идет о действительных тенденциях языковой всеобщности. Но эти тенденции ограничены классовым сознанием буржуазии. Противопоставление «народа» и избранных носителей и потребителей «настоящих» знаний остается в силе, как навсегда данное, и объективно дело ограничивается установлением науки первого и второго сорта, противопоставлением особого научного языка и

научно-«популярного», т. е. объективно закрепляются не тенденции всеобщности, а тенденции *обособления*. И вся дальнейшая популяризаторская пошлятина буржуазного общества уходит своими корнями в ту эпоху, когда буржуазия, собственно, выполняла прогрессивные функции в общественном развитии.

14. В период, когда пролетариат выступает против буржуазии как «класс для себя», демократические тенденции буржуазии переходят в собственную противоположность. Противоречия между тенденцией капитализма осуществить национальный язык как единое средство общения и между тенденциями классовой борьбы буржуазии против пролетариата и трудящихся масс вообще выступают с полной определенностью, достигают своего высшего развития. Итак, хотя тенденции всеобщности и проявляются в капиталистическом обществе, но оно не способно их осуществить.

15. Это верно для *всякого* капиталистического общества. Но в некоторых странах мы имеем *особую отсталость* развития этих тенденций всеобшности. К этим странам принадлежит и Россия. В чем тут дело?

Дело в том, что есть две формы буржуазного, капиталистического развития. О них говорит Ленин в статье «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—7 года»: «Перед Россией только один путь буржуазного развития. Но формы этого развития могут быть двояки. Остатки крепостничества могут отпадать и путем преобразования помещичьих хозяйств и путем уничтожения помещичьих усадьб, т. е. путем реформы и путем революции. Буржуазное развитие может итти, имея во главе крупные помещичьи хозяйства, постепенно становящиеся все более буржуазными — постепенно заменяющие крепостнические приемы эксплуатации буржуазными, — оно может итти также имея во главе мелкие крестьянские хозяйства, которые революционным путем удаляют из общественного организма «нарост» крепостнических отношений, и свободно развиваться затем без них по пути капиталистического фермерства. Эти два пути объективно-возможного буржуазного развития мы назвали бы путем прусского или путем американского типа».

Капиталистическое развитие России шло в борьбе этих двух возможных путей. Уже в 1908 г., говоря о «капиталистической очистке» обветшалого аграрного строя России, Ленин указывал, что «Столыпин и кадеты, самодержавие

и буржуазия, Николай Второй и Петр Струве сходятся в том, что надо капиталистически «очистить» обветшалый аграрный строй России посредством сохранения помещичьей земельной собственности... Рабочие и крестьяне, социал-демократия и народники (трудовики, н.-с., с.-р. в том числе) сходятся в том, что надо капиталистически «очистить» обветшалый аграрный строй России посредством насильственного уничтожения помещичьей земельной собственности. Они расходятся...» («По торной дорожке», т. XI, ч. I, стр. 64). В той же статье Ленин указывает, что в России «далеко еще не сложились капиталистические аграрные порядки». В этой борьбе вплоть до 1917 г. побеждал прусский тип развития. Единство двух противоположных путей развития выступало в своей прусской форме.

16. Такое положение вещей обусловило следующее: *огромную силу дворянско-помещичьего класса и слабость городской промышленной буржуазии.* Ленин так характеризует положение нашей буржуазии по отношению к помещичьему самодержавию: «Самодержавие издавна вскармливало буржуазию, буржуазия издавна пробивала себе рублем доступ к «верхам» и влияние на законодательство и управление, и места на ряду с благородным дворянством...» («На дорогу», т. XI, ч. I, стр. 211); таким образом, для русской истории является абсолютно нехарактерным такое положение вещей, когда буржуазия в союзе с мелкой буржуазией, крестьянством и пролетариатом борется вооруженной рукой с феодалами-помещиками.

17. В эпоху пролетарских революций русская буржуазия, которая «издавна» была на корму у помещичьего самодержавия, окончательно переходит к нему на содержание, становится контрреволюционной силой. Вот как характеризует Ленин русскую буржуазию в 1911 г. («Крестьянская реформа и пролетарско-крестьянская революция», т. XI, ч. I, стр. 164):

«Либерально-монархическая буржуазия создала партии кадетов и октябристов, сначала уживавшихся в одном земско-либеральном движении (до лета 1905 г.), потом определившихся как деятельные партии, которые сильно конкурировали и конкурируют друг с другом, выдвигая вперед одна преимущественно либеральное, другая преимущественно монархическое свое «лицо», но которое сходилось всегда в самом существенном: в порицании революционеров, в надругательствах над декабрьским восстанием, в преклонении перед «конституционным» фиговым листком абсолютизма как

перед знаменем. Обе партии стояли и стоят на «строго конституционной» почве, т. е. ограничиваются теми рамками деятельности, которые могла создавать черная сотня царя и крепостников, не отдавая своей власти, не выпуская из рук своего самодержавия, не жертвуя ни копейкой из своих «веками освященных» рабовладельческих доходов, ни малейшей привилегией из своих «благоприобретенных» прав.

18. «С другой стороны необходимо указать на обнищание мелкого и среднего крестьянства, которое при поздней и половинчатой отмене крепостного права вкусило всю «сладость» буржуазного «крепостничества» помещиков и кулаков: крестьян «освобождали» в России сами помещики, помещичье правительство самодержавного царя и его чиновники. И эти «освободители» *так* повели дело, что крестьяне вышли «на свободу» ободранные до нищеты, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам»... «Крестьяне остались и после освобождения «низшим сословием», податным быдлом, черной костью, над которой измывалось поставленное помещиками начальство, выколачивало подати, пороло розгами, рукоприкладствовало и охальничило. Ни в одной стране в мире крестьянство не переживало и после «освобождения» такого разорения, такой нищеты, таких унижений и такого надругательства, как в России» (*Ленин,* «Пятидесятилетие падения крепостного права», т. XI, ч. I, стр. 220).

19. Русская буржуазия, вскормленная самодержавием, союзница помещиков в борьбе с пролетариатом и крестьянством, не могла обеспечить победы буржуазной революции в России. «Возможны и бывали такие буржуазные революции, в которых торговая или торгово-промышленная буржуазия играла роль главной движущей силы. Победа подобных революций была возможна как победа соответствующего слоя буржуазии над ее противниками (вроде привилегированного дворянства, или неограниченной монархии). Иначе обстоит дело в России. Победа буржаузной революции у нас невозможна *как победа буржуазии.* Преобладание крестьянского населения, страшная придавленность его крепостническим (на половину) крупным землевладельцем, сила и сознательность организованного уже в социалистическую партию пролетариата, — все эти обстоятельства придают нашей буржуазной революции *особый* характер...» (*Ленин,* «К оценке русской революции», т. XI, ч. I, стр. 72).

IV

20. Русская буржуазия, не сумевшая возглавить буржуазное развитие России, не сумела обеспечить и *буржуазное языковое развитие России.* Поэтому русский пролетариат, ставший у власти, получил от старой России в наследство *ряд феодальных пережитков* в области языка, которые он попутно и ликвидирует на основе своей пролетарской языковой политики.

21. Неспособность русской буржуазии осуществить всеобщность национального языка хотя бы в тех пределах, в которых это возможно в капиталистическом обществе, лучше всего иллюстрируется положением начального образования, элементарной грамотности в старой России. Ведь, с одной стороны, совершенно ясно, что при капитализме «степенью развития элементарной грамотности может быть измерена степень развития буржуазных отношений в стране», капитализм кровно заинтересован в распространении массовой *элементарной* грамотности.

С другой стороны, столь же ясно, что распространение грамотности противоречит интересам помещиков, которым легче держать в своей полукрепостнической кабале крестьянство нищее, голодное, темное и неграмотное.

Кто побеждает в условиях старой России? Конечно, помещики: пролетариат получает в наследство массово-неграмотное крестьянство и невысокий уровень грамотности в рабочих районах.

22. Но ведь распространение начального образования, начальной грамотности есть могучее средство продвижения норм национального языка в массы. Степень всеобщности национального языка, в свою очередь, может быть измерена степенью распространения начального образования, грамотности, письменности. Ведь именно в письменном (печатном) языке, как мы видели, закрепляется (объективируется) норма национального языка. Естественно, что в неграмотной стране всеобщность национального языка — вещь весьма относительная. В неграмотной стране невозможно осуществить единство национальной нормы языка. Пролетариат ликвидирует эту отсталость буржуазного развития России и *ликвидирует ее энергичнейшими темпами.* Цитирую «Ленинградскую правду» от 25/VII 31 г.

РЕШАЮЩАЯ ПОБЕДА ПО ВСЕОБУЧУ ОДЕРЖАНА

Рапорт т. Бубнова т. Сталину.

Москва, 24 (ТАСС). Наркомпрос РСФСР т. Бубнов обратился с рапортом к Центральному комитету ВКП (б) — т. Сталину о выполнении решений XVI партсъезда и ЦК ВКП (б) о всеобуче.

В царской России — говорится в рапорте — подавляющее большинство детей трудящихся находилось вне стен начальной школы. Европейской буржуазии потребовались целые десятилетия для осуществления начального обучения. Между тем страна Советов в один год в основном добилась введения обязательного обучения в сельских местностях в объеме начальной школы, а в рабочих районах — в объеме школы-семилетки.

План введения всеобщего обязательного обучения детей к моменту годовщины решения ЦК от 25 июля 1930 г. выполнен с превышением. Общее число учащихся в школах I-й ступени по РСФСР без автономных республик достигло 8710 тысяч человек — 105 проц. плана Наркомпроса. По автономным республикам общее число учащихся начальных школ достигло 1 506 тыс. чел. — 101 проц плана республики.

За истекший год повысилась роль школы в социалистическом строительстве. Городская школа помогает предприятиям осуществлять свой промфинплан, школа колхозной молодежи в деревне стоит на передовых позициях по коллективизации сельского хозяйства.

Под испытанным руководством большевистской партии, ее ленинского ЦК мы преодолеем все трудности, стоящие на пути развертывания культурной революции.

23. Вопрос о распространении элементарной грамотности был теснейшим образом увязан с вопросом об *упрощении нашего правописания* (орфографии). Проведение элементарной грамотности даже в тех узких пределах, которые были возможны в царской России, упиралось в сложность *орфографии*. Нужно было перепрыгнуть через букву «ять». Буржуазия через нее так и не перепрыгнула; изничтожить букву «ять» пришлось опять-таки пролетариату.

Остановимся несколько подробнее на орфографическом вопросе: он очень удобен для характеристики языковой политики русской буржуазии начала XX века.

24. Русский национальный язык получил в наследство от средневековья ряд орфографических норм, в самом национальном языке не имеющих основания. Сюда относятся, например, два разных знака для звука «е» (и его вариантов) — буквы «е» и «ять», два знака для буквы «и» — буквы «и» и «и» с точкой, два знака для буквы «ф» — буквы «ф» и «фита», т. н. «твердый знак» и др.

Различные знаки для звука «и», как и для «ф», никогда не имели оснований в звуковом строе русского языка. Буква

«твердый знак» или «ер», некогда обозначала особый звук исчезнувший еще в XII веке; буква «ять» также обзначала некогда особый звук, уже в начале XVIII века окончательно выходивший из употребления и совпавший с звуком «е».

25. Еще Тредьяковский считал необходимой реформу русской орфографии, в частности в плане уничтожения этих средневековых пережитков. Но для *помещичьей и церковной России* эта старая средневековая орфография стала одним из лозунгов в борьбе с последовательно *буржуазным развитием страны,* подразумевающим, как мы видели, и *широкое распространение элементарной грамотности.* Букву «ять» считали нужным сохранить, «потому что она отличает грамотного от неграмотного», т. е., в переводе на «русский язык», букву «ять» сохраняли потому, что это затрудняло распространение элементарной грамотности в массах.

Известный черносотенец проф. Будилович в 1904 году по поводу проектов реформы возмущался, что хотят заставить «людей образованных писать безграмотно в интересах недоучек»; проф. Томсон со всем аппаратом «науки» восстал против реформы (1905 г.) в защиту буквы «ять». Несмотря на широкое «общественное» движение, несмотря на то, что реформу возглавляли «академики», *реформа провалилась,* и только пролетариат осуществил эту реформу, ликвидировав большинство средневековых пережитков в нашей орфографии, попутно доделав то, чего не сумела сделать наша буржуазия.

26. В статье «Практические заметки по национальному вопросу» Ленин указывает, что «Либералы и к вопросу о языках, как и ко всем политическим вопросам, подходят как лицемерные торгаши, протягивающие одну руку (открыто) демократии, а другую руку (за спиной) крепостникам и помещикам». Ленин, как известно, дал блестящую характеристику национальной языковой политике русской буржуазии в ряде своих статей. Но двурушничество нашей либеральной буржуазии проявлялось и в других областях языковой политики; в частности, мы имеем блестящий «памятник» этого двурушничества в брошюре буржуазного ученого Сакулина, написанной после Февральской революции 1917 г., т. е. тогда, когда буржуазия обладала «полнотою власти». Брошюра озаглавлена «Реформа русского правописания» (изд. «Парус», Птг., 1917).

27. Сакулин дает в своей брошюре краткую «историю» орфографической реформы. Ближайшее начало он датирует

шестидесятыми годами: «в марте 1862 года в Петербурге происходили орфографические собрания... большинство членов высказалось за исключение «лишних» букв». «Но, — говорит Сакулин, — ведь «эпоха великих реформ» не была сплошным... праздником свободы... начинается период борьбы за общегражданские и народные права; борьба эта принимает все более и более революционный характер...

«...Орфографические совещания как-то внезапно... прекратились». Как легко догадается читатель, собрания прекратились потому, что «революционный характер событий» умерил «реформистский» пыл петербургских педагогов. В результате в 1885 году появляется «Русское правописание» Я. К. Грота, узаконившее все «лишние» буквы и благополучно дожившее до 1917 г.

С оживлением революционной борьбы в 900-х годах снова возбуждается вопрос о реформе. Лидером «движения» выступает Московское педагогическое общество; оно возбуждает перед министерством просвещения вопрос о созыве большой комиссии для рассмотрения проекта реформы. «13 февраля 1903 года был получен ответ, что сие — «неблаговременно». Стороной до нас доходили слухи, что *одна высокопоставленная особа усмотрела в орфографическом проекте революционный акт, посягающий на язык, который в качестве важного элемента народности вместе с православием и самодержавием составляет основу нашего государственного бытия*. В этом направлении был сделан доклад государю... Однако в 1904 году реформу возглавляет Академия наук, образовавшая сперва комиссию, а потом подкомиссию по реформе орфографии; в 1904 г. подкомиссия издала «Предварительное сообщение», а потом — уже в 1912 г. — окончательную редакцию реформы. «Интерес» к реформе возрастал с поразительной силой... Академическая комиссия порядком-таки истощила терпение всех, кто ждал реформы... *Но крепились: хотели, чтобы все шло своим «законным порядком»*.

28. Проф. Сакулин, горячий сторонник реформы и один из активных участников ее разработки, свою брошюру заканчивает следующими словами: «недаром один учитель предлагал назвать реформированную азбуку *алфавитом свободы*. Русский народ творит себе новую жизнь. Пусть же одним из актов его творчества будет новое правописание». Но те аргументы, которыми защищает реформу Сакулин против Будиловичей и Томсонов, независимо от его воли,

полностью вскрывают идеологию русской буржуазии, как вскормленницы помещичьего абсолютизма.

29. Приводя «буквальный текст» своих «помещичьих» противников Будиловича и Томсона — «наиболее авторитетных наших противников» — он заявляет: «основные предпосылки проф. Будиловича и Томсона — верны». Т. е. верны основные предпосылки помещичьих идеологов. «Но с выводами названных ученых согласиться нельзя». Какие же это были предпосылки? «Письмо, как и язык, плод исторического развития» и «насквозь пропитано историей».

На самом деле *не это* было основной предпосылкой помещиков; буржуа вместо их «основной предпосылки» дает *общую фразу,* из которой, действительно, можно делать «разные выводы». Дело вовсе не в том, как полагает Сакулин, что Томсон и Будилович, отождествляя язык и письмо, не учитывали «неодинаковости» их законов. Дело в том, что эти ученые «историей» считали все то *прошлое, феодальное прошлое,* которое сидит *и* в языке *и* в письме; они защищали это прошлое, не отрывая письмо от языка (в чем, с своей точки зрения, были совершенно правы). Они проводили свою *классовую языковую политику.*

30. Каковы же «основные предпосылки» Сакулина? Сакулин разными способами доказывает, что язык и письмо не тождественны, что они имеют каждый *свою* судьбу, что отношение наше к ним *не* должно быть одинаково и т. п. Для чего все это? Для того, чтобы «спасти» *письмо* для «реформы» и отдать *язык* «истории», т. е. прошлому, которым он «насквозь пропитан»; для того, чтобы отдать «язык» Будиловичам и Томсонам, Сакулин спасает возможность реформировать письмо *ценою отказа от языковой политики.*

Он исходит из того, что «наука еще не раскрыла всех законов, руководящих жизнью языка», но тем не менее сообщаем некоторые из этих законов («кое-что мы все-таки знаем»). Это «кое-что» весьма замечательно: «никто разом языка не изобретал», «в процессе его развития много таинственного, потому что большую роль играют моменты подсознательного мышления», «в целом язык есть плод всенародного творчества», «язык эволюционирует путем медленных, невольных, бессознательных перемен», *«язык» — народная святыня и посягать на нее было бы преступно»,* т. е. *языковая политика — преступна.* Здесь Сакулин даже в фразеологии сползает на «феодальный» стиль. Томсон и Бу-

дилович могли бы за ним повторить: «Письмо — народная святыня, и посягать на нее было бы преступно», и были бы вполне последовательны. *На деле* всей своей постановкой вопроса Сакулин льет воду на мельницу помещичьей реакции. Содержанием *отказа* от языковой политики является в данном случае *подчинение* языковой политике феодалов.

Таким образом, одна рука со всем необходимым ассортиментом фразеологии протягивается демократии («алфавит свободы»), а другая — черной сотне: язык есть народная святыня, языковая политика преступна и, как говорило «высокопоставленное лицо» в 1903 г., «язык в качестве важного элемента народности»...

31. Необходимо указать, что действительно революционная буржуазия способна к активнейшей языковой политике; для нее язык есть объект воздействия; она проводит свою языковую политику не только в кампаниях печати, но и в революционном законодательстве; вот пример из эпохи французской революции — постановление революционного комитета департамента Тарн от 24 брюмера II года (1793):

1) Слово *вы* при обращении в единственном числе считается изгнанным из языка свободных французов, и место его заступает *tu* и *toi*.

2) Во всех официальных и частных документах *tu и toi* будет ставиться впредь вместо vous в единственном числе.

3) Это постановление будет напечатано и разослано всем властям и народным обществам департамента Тарн».

V

32. Итак, национальный язык, стремящийся к тому, чтобы стать единым языком для всего населения, в действительности, в силу противоречий капиталистического общества, лишь отчасти входит в обиход подчиненных классов. Специфические условия истории России обусловливают особую отсталость языкового процесса на русской почве.

Обратимся сперва к языку крестьянства.

33. Мы видели, что факт разноязычия, диалектического разнобоя, пестроты крестьянского языка при капитализме есть наследие феодального прошлого, результат экономической, а, следовательно, и культурной разъединенности города и деревни.

Капитализм, который никогда не может снять противоречие между городом и деревней, не может поэтому широко продвинуть ликвидацию этого разнобоя; отсталый русский капитализм тем более не мог этого выполнить. Русский пролетариат получил поэтому в наследство от капитализма пережиток феодального общества *в виде крестьянского разноязычия.*

34. Заинтересован ли пролетариат в сохранении крестьянского разноязычия? Нет. *Он заинтересован в его ликвидации.* То обстоятельство, что русский национальный язык до сих пор не стал еще достоянием всего крестьянства, является одним из препятствий на пути социалистического строительства. Одним из важнейших лозунгов пролетариата является лозунг: «национальный язык всем трудящимся». Мы видели, что, ликвидируя неграмотность крестьянства, пролетариат осуществляет и этот лозунг; но было бы *совершенно неправильно* считать, что именно ликвидация неграмотности есть основная база его осуществления.

Ликвидируя кулачество как класс, превращая крестьянина-середняка и бедняка в колхозника, пролетариат на базе коллективизации и индустриализации сельского хозяйства снимает противоречие между городом и деревней, создает действительно единое общество трудящихся, объединенное действительно единым языком.

Процесс преодоления крестьянского разноязычия протекает, конечно, *стихийно,* определяемый процессом социалистического переустройства деревни. Однако стихийность этого процесса регулируется сознательной пролетарской *языковой политикой;* проводником этой политики на селе являются главным образом *школа* и *печать.*

35. Необходимо иметь в виду, что языковое развитие современной деревни отнюдь не ограничивается ликвидацией крестьянского разноязычия, завоеванием деревни нормами национального языка на основе создания единого языкового *средства связи.* Противопоставление диалекта (местного говора) национальному языку есть противопоставление *идеологического, мировоззренческого* порядка, отражающее глубокое классовое различие той культуры, которая закреплена в диалекте и в национальном языке. Словарь диалекта *качественно* отличен от словаря национального языка; он сохраняет значительное число слов религиозного, фетишистского, чисто-местного значения; словарь не только отражает сумму знаний об окружающем мире, но в то же время выра-

жает и субъективную классовую природу этого знания. Таким образом преодоление крестьянского разноязычия есть в то же время формирование определенного *классового пролетарского мировоззрения.*

На этих путях получает свое полное выражение борьба в языке с тем «идиотизмом деревенской жизни», о котором говорит «Коммунистический манифест»; борьба за нормы национального языка включается в борьбу за воспитание пролетарской языковой идеологии.

36. Преодоление крестьянского разноязычия протекает сейчас на основе коллективизации и индустриализации сельского хозяйства, *интенсивнейшими темпами.* Оно протекает в обстановке ожесточенной *классовой борьбы,* в обстановке сопротивления кулаков и подкулачников. Психология мелкого хозяйчика, психология своей «сивки» и «полоски», своей колокольни — еще сильна; эта психология стоит поперек дороги широкому развитию национальных норм. Она получает свое выражение в школьной и литературной практике. Она питается еще не изжитым в нашей «интеллигенции» *романтически-народническим отношением к крестьянскому говору* как к чему-то, что нужно беречь и лелеять, в чем выражается лицо «народушка».

37. Иногда начинающий крестьянский писатель, даже колхозник, перегружает свой рассказ или повесть местными словечками и оборотами, чуть ли не старается писать на местном наречии. Он — неправ. Независимо от тех причин, по которым он так пишет, он ведь превращает себя в писателя для собственной деревни, для своей округи, он вычеркивает себя из широкого литературного обмена в национальном масштабе. Вместо лозунга единства трудящихся в борьбе за социализм, он выставляет лозунг разъединения, лозунг «своей колокольни». Объективно он льет воду на мельницу кулака; превращается в подкулачника на языковом фронте.

38. Иногда кулацкие тенденции в нашей литературе преподносятся под видом *фотографии,* под видом точного изображения языка деревни. Однако фотография получается однобокая, выпячивается именно старое местное, отжившее или отживающее, а не *движение* деревни к *новому* языку. Писатель *смакует* это старое, *выпячивает его;* лицо современной деревни искажается. Иногда кулацкий писатель выступает под видом этнографа, собирающего остатки старины, которые, дескать, не сегодня-завтра вовсе исчезнут. Но

советская литература не есть общество охраны памятников старины, а боевой участок политической борьбы за социализм, в частности борьбы за язык социализма.

Нарочитое культивирование отживающей деревенской старины есть отражение борьбы кулака против коллективизации и индустриализации деревни. Вот как, например, начинает «от себя» рассказ «Эмбрион» писательница Тагер: «Сейгод на Печоре дела пошли несурядливо... Когда же пришло осеновье, то оказалось, что и на белую рыбу ни малой надеи нет...» Или в другом рассказе (также от себя): «В ту старину недавнего — лет за сорок до наших скучных времен — в том лесном, луговом Пинежском краю жили *порато* весело...» И т. п. Такое любование отживающим диалектом мы найдем и у Клычкова, Клюева, Шишкова и др.

39. Ликвидируя разнобой крестьянского языка, пролетариат подтягивает к норме национального языка и более отсталые слои рабочих. В условиях диктатуры пролетариата ликвидируется *языковой разнобой внутри самого пролетариата*. Этот разнобой является наследием капитализма, который не дает рабочему классу в целом овладеть нормами национального языка.

40. Анализируя язык современных рабочих, мы замечаем в нем отклонения от норм национального языка двоякого происхождения. С одной стороны — это неизбежные пережитки крестьянского языка, бытовавшие в большинстве случаев и в языке мелкой городской буржуазии (мелких ремесленников, мелких торговцев); с другой стороны — это отклонения, объясняющиеся недостаточным, неточным усвоением норм национального языка в его сложных видах письменной и устной речи.

41. По каким путям происходит ликвидация этих отклонений?

Пролетариат овладевает нормами национального языка как класс-гегемон революции в руководстве политической жизнью страны, в государственном аппарате, в разнообразнейших формах учебы и политпросветработы, в борьбе за науку, в практике устной публичной речи, в массовом рабкоровском движении, в росте пролетарской литературы, в литударничестве и пр.

42. Приведем примеры отклонения из языка рабкоров ленинградских газет (имеются в виду подлинные рабкоровские заметки, предоставленные в наше распоряжение редак-

циями). В области словаря мы имеем ряд случаев, когда слово национального языка неправильно понято и употреблено, смешано с другим словом и т. п.; это, так сказать, «болезни роста»:

«Фабзавуч на место тех *специальностей,* которые нужны заводу, приготовил токарей да слесарей» (вм. специалистов).

«В деревне мало *коопераций»* (вм. кооперативов). Такое употребление широко распространено.

«Приведенный случай, когда из фабзайченка выходит мастер, не *единоличен»* (вм. «не единичен»).

«Тов. К. *безответен* перед бюро ВЛКСМ» (вместо «безответственен»).

«...далеко *шагнувших* возраст подростка...» (вм. «перешагнувших»).

«Заводоуправление не *предвидело* дальнейшую доставку песку» (вм. «не предусмотрело», или «не предвидело необходимости дальнейшей доставки...»).

«Толя в старом *созыве* бюро работал агитпропом» (вм. «составе»). Такое употребление широко распространено.

«...если такое «спешное» выполнение Василеостровцем своих *обязанностей* перед рабочими пайщиками...» (вм. «обязательств»).

«...и газета шла хорошо, и несколько кружков *функционировалось»* (вместо «функционировало»).

«Нет еще достаточной *плановитости* (вм.«плановости»).

«До сих пор не *искорено* пьянство» (вм. «искоренено»).

«Но довольно о детском радио. Поговорим о *взрослой* передаче» (вм. «передаче для взрослых»).

«На той *основе,* что требование или спрос среди населения имеется огромный» (вм. «основании»).

43. Аналогичного типа отклонения мы встречаем и в области синтаксических и фразеологических норм. Ср.:

«*Применившему* этот способ *мастеру* производсовещание и заводоуправление решило премировать». Нужно: «премировать применившего мастера», но «дать премию применившему мастеру».

«Администрация цеха тормозит *проведению* в жизнь изобретенья». Нужно: «тормозит проведение...», но «препятствует, мешает проведению».

«Обжаловать *на допущенную неправильность* при обложении». Нужно: «обжаловать допущенную неправильность...», но «принести жалобу на допущенную неправильность», «пожаловаться на...».

«Всякие новшества влекут *с собой* увеличение непроизводительных расходов». Нужно: «влекут за собой...», но «приносят с собой. . .»

«Не удивляйтесь *над* этим заголовком». Нужно: «не удивляйтесь этому...», но «не смейтесь над этим...».

«*О работе* экскурсионной базы вы мало осветили». Нужно: «мало осветили работу», но «мало сказали о работе».

«Мало уделяется внимания со стороны бюро коллектива *на подготовку* местных докладчиков». Нужно: «мало уделяется внимания подготовке...», но «мало обращается внимания на подготовку».

«Прощать не нужно *за такие вещи*». Нужно: «прощать. . . такие вещи», но «наказать за такие вещи».

«Считаем заметку *ничем* не основанной и выносим опровержение». Нужно: «...ни на чем не основанной», но «...ничем не обоснованной».

«Часто большинство *из* жителей того или иного дома люди верующие». Нужно: «большинство жителей...», но «многие из жителей. . .»

«Это заводоуправление не осуществляет *своего назначения*». Нужно: «своему назначению», но «не выполняет своего...»

«Вот почему нельзя решить, выгодно ли ваше предложение об уплате извозчикам *копейку* с воза на разгрузку». Нужно: «копейка с воза. . .», но «. . .уплатить копейку с воза».

«Один процент в пользу *английским горнякам* до окончания забастовки». Нужно: «. . . в пользу английских горняков», но « в помощь английским горнякам . . .»

«За последнее время интерес со стороны молодежи и внимание со стороны комсомольского актива на местах *на нашу* газету, видно, что значительно упали». Нужно: «. . .интерес... и внимание к нашей газете», но «обратить внимание на нашу газету».

44. О чем говорят эти примеры? О недостаточно точном усвоении рабочим норм национального языка. Например, в национальном языке создался такой обычай, что глагол «тормозить» требует после себя винительного падежа без предлога (тормозить вагон, тормозить работу и т. п.), а глаголы «препятствовать», «мешать» требуют дательного падежа (мешать работе, мешать товарищу, препятствовать продвижению дела и т. п.) Так как глаголы «тормозить», «препятствовать», «мешать» в известных случаях их употребления очень

сходны по смыслу, то при недостаточно точном и крепком усвоении норм национального языка при глаголе «тормозить» существительное ставится в том падеже, в котором оно должно стоять при глаголе «мешать». На почве недостаточно точного усвоения норм общерусского языка происходит *смешение* оборотов речи.

45. Довольно значительны в языке рабкоров пережитки крестьянских говоров (большинство которых, как мы уже говорили, налицо и в языке мелкой городской буржуазии). Например: «*теперя* проиходится смириться», «табуретки будут стоять *заместо* парт», «в проверочном отделе *место* одних весов появилась пара», «возьмем *к примеру* полотенцы», «ему бы только схватить что-нибудь *дармовую* газету и прочитать», «коллективу комсомолу *спервоначально* надо провести в жизнь», «наша фабрика вступает в *десяту* годовщину», «ряд других достижений, *которы* у нас имеются», «взялись трясти местком, охрану труда, *теи* отмалчиваются», «нам нужно показать пайщику *тую* работу», «а ненужное выбрасывается *понаружу*», «*вовсюды* первое место куму», «отсюдова», «вкрадцах» (вм. «вкратце»), «вот к чему *влекет* проба» (вм. «влечет»); «наша советская республика *допущает* к избирательному праву», «грязищи — не пройтить, не проехать», «муку *сыплят* через край» и т. д. и т. п.

46. Приведем еще два примера крестьянских пережитков из области грамматики. Первый пример касается т. н. *согласования*.

В национальном языке сказуемое *согласуется* в числе с подлежащим. Что это значит? Это значит, что если подлежащее стоит в единственном числе, то и сказуемое должно стоять в единственном числе; если подлежащее стоит во множественном числе, то и сказуемое стоит во множественном числе, например: трамвай (подлежащее в единственном числе) быстро идет (сказуемое в единственном числе), трамваи (множественное число) перестали (множественное число) ходить, заводоуправление (единственное число) плохо работает (единственное число), ножницы (множеств. число) сломались (множ. число), часть (ед. число) рабочих не обладает (ед. число) достаточной квалификацией, толпа (ед. число) постепенно расходилась (ед. число). В единственном числе ставится сказуемое в том случае, если подлежащим является наречие, например: много (наречие) народа осталось (ед. число) без места, несколько (наречие) человек опоздало (ед. число) на заседание и т. д.

Такое согласование является нормой национального языка, в частности литературного языка.

47. Строго ли выдерживается указанная норма в общерусском разговорном и литературном языке? Нет. Мы встречаем в общерусском языке и *согласование по смыслу:* если подлежащее стоит в единственном числе, а вещественное его значение резко множественно, то сказуемое может стоять во множественном числе. Так, мы говорим: *пять* человек *идут* сюда; *шесть* человек *пришли* и т. д. Хотя слова «пять», «шесть» и т. д. по форме своей, собственно, существительные единственного числа, как «кость», «мякоть», «пыль» и т. д., и в древнерусском языке еще сохраняли даже свой женский род («о чем жо ты не искал... в ту шесть лет», «хлеб дорог бысть... всю десять лет»). Точно так же и «*тысяча* человек идут», хотя «тысяча» уже совершенно правильное существительное, имеющее и род и оба числа.

48. Согласование по смыслу, поскольку оно встречается в общерусском языке, ограничено, однако, определенными условиями, а именно: если подлежащее, стоящее грамматически в единственном числе (или подлежащее — наречие), имеет при себе («управляет») существительное в родительном падеже (обычно также во множественном числе), то сказуемое *может* стоять во множественном числе, т. е. согласовываться с подлежащим по смыслу (напр., при «ряд ребят» «множество недостатков», «несколько человек», «часть рабочих», «много народу» и т. п. — сказуемое может стоять во множественном числе).

Изредка может встретиться сказуемое во множественном числе при *количественном* слове и в том случае, когда при нем нет существительного в род. падеже (напр. «большинство не понимают»). Но при таких словах, как «толпа», «народ», «общество», «полк» и т. п., хотя и обозначающих *множество* людей, сказуемое ставится в *единственном* числе, т. е. согласуется с подлежащим грамматически, а не по смыслу.

49. Согласование по смыслу, допустимое в указанных в предыдущем параграфе пределах, в общерусском языке осознается, однако, часто как некоторое отклонение от нормы. Так, Пушкин при новом издании «Пиковой дамы» в фразе: «за длинным столом, около которого *теснились* человек двадцать игроков, сидел хозяин», заменил слово «теснились» словом «теснилось»; Белинский в фразе: «большая часть жур-

налов наших *заговорили* о добросовестности критики», отмечает «заговорили» как неправильность и поправляет на единственное число — «заговорило» (см. Чернышев, «Правильность и чистота русской речи», С.Петербург, 1911, стр. 153—154). Тем не менее примеры подобного согласования мы встречаем и у крупных писателей, и в прессе. У Тургенева при обычном грамматическом согласовании («человек десять мужиков *стояло* около него») имеем и согласование по смыслу(«несколько мужиков в пустых телегах *попались* нам навстречу»); встречаются подобные обороты у С. Аксакова, Достоевского, Успенского, Короленко, Куприна, Горького и др. (Примеры у Чернышева, стр. 154—155). Примеры из прессы: «масса материалов, касающихся отношений Финляндии к России, *дают* возможность легко защищать всякую теорию («Современное слово» 1910 г.), «большинство зрителей *ушли* со спектакля» («Русские ведомости», 1914 г.), «часть анархистов вошли в помещение ночной типографии» («Русские ведомости», 1917 г.) и пр. примеры см. у Чернышева, стр. 154—155, и у Пешковского, стр. 152—153).

50. Подобные примеры мы находим и в языке рабкоров:

1. «В гараже *работают* (вм. работает) *несколько* учеников».

2. «Кроме того, *много прибывают* (вм. прибывает) в город с других местностей».

3. «*Изживаются* (вм. изживается) *много* недочетов».

4. Под вечер *собрались* (вм. собралось) *человек десять* девушек».

5. «С одной стороны ничего не было, с другой стороны *были* (вм. был) *ряд* жалоб».

6. «Целый *ряд* ребят *получили* (вм. получил) возможность отдохнуть в здравнице».

7. «Пролетарская *часть* рабочих и служащих *выдвинули* (вм. выдвинула) список кандидатов».

8. Сейчас уже наиболее сознательная *часть* рабочих *вносят* (вм. вносит) налог».

9. «*Большинство не выписывают* (вм. выписывает) газет».

10. «На вопрос председателя суда *большинство* в своих преступлениях сознаются» (вм. сознается). И т. п.

51. На ряду с подобными случаями, не выходящими за пределы того, что мы имеем в нормах национального языка, в нашем материале встречаются примеры особого рода, а именно:

1. «22 декабря низший *персонал получили* (вм. получил) эту задолженность».

2. «Так у нас *экономят* (вм. экономит) *заводоуправление*».

3. «В 1926 г. к весне над нами *приняли* (вм. принял) шефство артиллерийский *дивизион* им. т. Ворошилова».

Согласования типа «персонал получили», «заводоуправление экономят», «дивизион приняли» резко выходят за пределы согласования по смыслу возможного в национальном языке; хотя слова «дивизион», «заводоуправление», «персонал» и обозначают некоторое *множество*, но глагол при этих подлежащих в общерусском языке может стоять только в единственном числе (см. § 48). Здесь мы имеем, следовательно, определенное отличие от норм национального языка.

52. В древнерусском литературном языке согласование по смыслу не было ограничено теми рамками, что в современном: множественное число сказуемого наблюдается не только при подлежащем во множественном числе, но и при подлежащем в единственном числе с собирательным значением. В синодальном списке первой новгородской летописи (см. *Е. С. Истрина*, «Синтактические явления синодального списка первой новгородской летописи», Петроград, 1928, стр. 68 и след.) сказуемое во множественном числе последовательно ставится при названиях народностей «мордва... корела, чудь, югра, литва», например: «приходиша (т. е. приходили) ...и воеваша область новгородскую», «ходиша (т. е. ходили) корела на...» и т. п. Сказуемое во множественном числе наблюдается при существительных «народ», «чернь», «братина», «клирос», «город» («град»), «земля» и др. Напр.: «Ходиша» и др.

53. Сказуемое во множественном числе при подлежащем в единственном числе, когда это подлежащее имеет собирательное значение (т. е. обозначает некоторое множество предметов, лиц), широко распространено в крестьянских говорах, например: «*народ весь день гуляли*», «*абщество судят свае*», «скатина ие (лягушатник) не *едят*», «*пошли народ* разом все», «а нивестина *родня* гулять *приходют*», «тупые *нарот у нас*», «большая *часть стали уежьжать*», «*нарот простее были*» и т. п. Эти примеры согласования по смыслу, равно как и отмеченные в § 52 древнерусские примеры, совершенно аналогичны трем последним примерам из рабкоровского материала (§ 51). Поскольку подобное согласование существует в языке рабочих (а существует оно в очень огра-

ниченном размере), оно есть *пережиток крестьянского языка,* отмирающий в условиях включения рабочего в нормы национального языка, в условиях ликвидации «крестьянского наследства».

54. Гораздо чаще встречается в практике рабкоров отклонение, касающееся употребления глаголов на *-ся, -сь.* Употребление глагольной частицы *-ся, -сь* в русском языке сложно и запутано; значение ее иногда затемнено и неясно; употребление ее в общерусском языке не целиком совпадает с употреблением ее в крестьянских говорах.

Естественно поэтому ожидать путаницы в употреблении этой частицы. Особенно этого можно ожидать в причастиях на *-щийся, -вшийся* (нуждающийся, освободившийся и т. п.), поскольку эти причастия вообще скорее свойственны связной, особенно письменной, речи, а не повседневному разговорному языку. В связи с этим мы имеем у рабкоров многочисленные примеры, когда в отличие от норм общерусского языка указанные причастия появляются без частицы «*ся*». Многие из таких случаев очень распространены. Приведем примеры:

55. «Врач и прачка не вошли в список *соприкасающих* с заразой». «Еще есть рабочие *стесняющие* положить в сберкассу полтинник, другой, а *предпочитают* положить излишек в портерную». В этом примере любопытно, что рабочий, начавший чуждым в общем для него оборотом с причастием («стесняющее»), перешел дальше на более привычный ему личный оборот («предпочитают», а не «предпочитающие»).

«Грязь кругом, масса *валяющих* окурков».

«*Собирающие* поступить в вузы текущей осенью должны. . .»

«Березу продали кооперации, *находящей* в деревне Старицы».

«Рабочие с торопливостью занимали *освободившие* тиски».

«Хорошо бы было, чтоб жилищный отдел всех граждан *подавшие* заявления о предоставлении квартиры, составил бы список и повесил бы на видном месте, и по очереди, согласно списка, давались бы *нуждающим* квартиры».

«Со стороны посетителей, то есть *квартиронуждающих*. . .»

«Введена тоже культпросветработа в *имеющем* клубе, *выражающая* в кружковой работе».

V

56. Итак, только пролетариат осуществляет действительную всеобщность национального языка. Только пролетариат создает политические предпосылки для развития и расцвета национального языка, как *общего* для *всего* населения, говорящего по-русски. Только пролетариат делает нормы национального языка достоянием всех трудящихся. Но — могут нам возразить — пролетариат в таком случае не делает ничего *нового,* он только *продолжает* то, что начала делать буржуазия; ведь тенденции всеобщности заложены еще в национальном языке эпохи капитализма. Такое возражение было бы *неправильно.* Дело в том, что как раз капитализм *не в силах осуществить* эту всеобщность; только пролетариат в процессе построения бесклассового общества и способен ее осуществить; осуществление всеобщности национального языка и является процессом, характеризующим развитие языка как средства общения на нашем этапе, *специфичным* для этого этапа развития.

57. Мы говорили об *отклонениях* от норм. Является вопрос: где же искать эту самую норму, от которой происходят отклонения? *Где объективный критерий нормы современного национального языка?* Чем в этом отношении должны руководствоваться практические работники языкового строительства? Чем должен, например, руководствоваться, в частном случае, преподаватель языка сельской школы, которому как раз приходится особенно остро в своей практике сталкиваться с отклонениями от нормы в крестьянском диалекте, которому приходится в ходе преподавания «нормализировать» язык ребят.

58. Мы не можем считать *объективным* критерием нормы *субъективное индивидуальное чутье преподавателя.* Это очевидно. Мы считаем объективным критерием нормы *печатный язык.* Именно в печатном языке закреплена, объективирована норма национального языка (см. ст. «О значении печати и языковой ответственности писателя»).

59. Здесь может возникнуть ряд вопросов.

Во-первых, о каком именно печатном языке мы говорим. О печатном языке «вообще», о языке «классиков», «великих писателей»? Нет. Мы говорим о современном печатном языке, о языке наших газет, журналов, книг и пр. Ориентировать язык крестьянина на норму печатного языка «вообще» или на язык «классиков» было бы реакционной бессмыслицей.

60. Но — скажут нам — наш печатный язык *плох,* вы же сами указывали на его недостатки в одной из предыдущих статей. Верно. Но, во-первых, не нужно преувеличивать его дурные качества в ущерб и хорошим. Во-вторых, ориентироваться нужно на язык наших лучших газет, на язык наших лучших пролетарских публицистов, журналистов, писателей. В-третьих, те недостатки, которые имеет наш печатный язык, относятся скорее к *стилю,* чем к *норме.*

61. Но — могут сказать нам дальше — ориентируя язык на печатную норму, вы обрекаете его на *застой,* на *неподвижность;* ведь *нормы* нашего печатного языка почти те же, что и нормы национального языка эпохи капитализма; ведь в печатном языке мы склоняем и спрягаем слова, строим предложения так же, как записные «буржуа». Вы тянете язык назад и совершенно не учитываете «тот бурный поток речетворчества, который протекает в устном говорении широчайших трудящихся масс». Многие формы, которые вы принуждены будете считать отклонением от нормы и, следовательно, изгонять, являются более прогрессивными, чем «нормальные». Вспомните, что вы сами говорили о формах «пекет» и «печет». Ответим на эти недоумения.

62. Мы вовсе не хотим обрекать язык на застой и неподвижность. Марксистская лингвистика понимает норму *исторически,* понимает ее в *движении.* Мы не представляем себе печатный язык с его нормами как нечто раз навсегда оформившееся, — как некий идеал, которому мы должны следовать до «второго пришествия». Пролетариат, конечно, *не фетишизирует* унаследованные им нормы национального языка. Дело не в этом.

63. Дело также не в том, что мы, будто бы, не учитываем то *движение норм языка,* которое осуществляется в устном говорении. Мы это прекрасно учитываем. Но вся соль в том, *каково* именно *содержание* этого движения, как оформилось *на данный момент* это движение, вполне ли наметилось это движение, его *закономерность.* Вот как раз оказывается, что на данный момент для устного говорения *характерен разнобой, колебания нормы* (которые отчасти сказываются и на печатном языке).

64. Действительно, в устном говорении мы встретим и спряжение типа «пеку», «печет» и спряжение типа «пеку», «пекет»; рядом с «дел», «мест», «ружей» — «делов», «местов», «ружьев», рядом с «их дом» — «ихний дом», рядом с «пламя», «пламени» и т. д., «пламе», «пламя» и т. д.; последняя форма

проникла и прежде в литературный язык: ср. у Лермонтова «из *пламя* и света рожденное слово»; ср. у А. Крайского (1919 г.) «в огне рожденный, крещенный в *пламе»;* ср. очень распространенное «сколько *«время»* вм. «времени»; рядом с произношением «г» как смычного звука — и *щелинное* его произношение; рядом с «аканьем — и «оканье»; колебания в ударении слов и т. п. Эти колебания норм устной речи мы найдем у тех именно, кто в настоящее время являются носителями национальной нормы устного говорения, — у передовых рабочих крупных промышленных центров, у советской интеллигенции. Можем ли мы отдать *предпочтение* которому-нибудь из существующих вариантов? Нет. При современной степени развития самого процесса движения устной нормы, при современном состоянии научной разработки этого процесса — не можем. Можем ли мы разнобой устной нормы перенести и на печатный язык? Каждому ясно, что это было бы нелепо и политически вредно. Какой же у нас выход на *данном этапе* развития языка? Единственный: объективным критерием нормы, на основании которой строится на данном этапе *единый* язык всех трудящихся, считать норму современного печатного языка. Всякая иная постановка вопроса была бы анархией и фразерством.

Но при таких условиях печатный язык, воздействуя на устный, может задержать некоторые прогрессивные тенденции развития устного языка. Но это противоречие отражает лишь противоречия самого процесса развития языка, противоречия данного этапа его развития. В процессе развития самого языка, в процессе его изучения научными организациями совместно с практиками языкового строительства, будут ставиться и разрешаться проблемы изменения норм нашего печатного языка в смысле узаконения в нем тех действительно прогрессивных элементов устной речи, которые в нем сейчас не узаконены. Это узаконение будет осуществляться в общегосударственном масштабе. Пока этого нет (возвратимся к забытому нами преподавателю языка сельской школы), мы будем считать «нормальным» то, что «нормально» для печатного языка, и — в сельской школе — такие факты крестьянского диалекта, для которых не существуют равнозначные факты в печатном языке, будем считать отклонениями, подлежащими «ликвидации» — *в письменной практике* школьника *в первую очередь,* а затем, это неизбежно, и в его устной практике. Так, например, подлежат ликвидации — «местов», «делов», «пекет», «текет», «евонный», «ей-

ный» «бегит», «рукам», «ногам» (в творительном падеже), «време», «время» (род. пад.), «у сестре», «цай», «лапю», «сим», «йисть», «Ванька, чайкю» и пр.

65. Как быть, однако, с такими колебаниями в области *произношения*, относительно которых мы не находим ответа в письменном языке? Напр. разнообразное произношение звука «г» (как смычного и как щелинного), колебания в произношении, связанные с «аканьем», и ряд других. Какой объективный критерий нормы «правильности» можем мы здесь найти? *Такого объективного критерия «правильности» в настоящее время мы не имеем.*

Старая лингвистика выдвигала как объективный критерий — произношение Москвы, в частности «образованных» москвичей. Но для нас такой критерий неприемлем. Во-первых, потому, что давным-давно уничтожена замкнутость этой группировки, нет никакого единого произношения «образованных москвичей»; старый классовый говор — миф, если не считать захудалых учебников декламации и выразительного чтения, в которых он до сих пор преподносится. Во-вторых, территориальный признак (Москва), который в данном случае избирается критерием, противоречит самому принципу национального языка, преодолевающего территориальную ограниченность.

Таким образом, объективного критерия для нормализации этого разнобоя *нет*, вернее, он еще не образовался, а поэтому не зафиксированный в письменном языке разнобой в произношении не подлежит нормированию.

66. Во избежание недоразумений нужно указать, что вовсе не все то новое, что появляется в национальном языке, в речевой практике носителей национального языка, является отклонением от его норм. Отклонением от норм является лишь то «новое», которое не дает ничего нового в области *смысловой*, только по поводу *дублетов* можно говорить о колебаниях нормы.

67. Процесс развития языка в эпоху диктатуры пролетариата создает много *нового* в языке как средстве общения; особенно это новое заметно в словаре; словарный инвентарь национального языка резко меняется — и не только количественно, но и качественно. Например, резко изменилась роль производственного словаря в национальном языке.

68. Производство при капитализме было делом тех, кто был специально связан с ним либо как собственник, либо как профессионал — инженер, техник, рабочий. Обществен-

ная роль производства целиком определялась разделением физического и умственного труда и разделением труда внутри самого производства. Производство было, таким образом, резко *профессионализовано*. Диктатура пролетариата сделала производство собственностью пролетарского государства, превратила производство в *общее дело всех трудящихся*.

Если в капиталистическом обществе производство и политика являются двумя внешне независимыми сторонами общественной деятельности, то в период социализма производственная и политическая деятельность пролетариата все больше и больше соединяются. Для нас борьба за производство является непосредственно политической борьбой.

Производственный язык в связи с этим играет ныне в общем языке совсем иную роль, чем в эпоху капитализма. Если при капитализме производственный язык влачит существование профессионального «арго», разбитого на множество мелких групп (по профессиям), то ныне, начиная с восстановительного периода, производственный язык широким потоком хлынул в общий национальный язык, в газету, в публичные доклады, в художественную литературу, в общую разговорную речь. Слова производственного языка входят в общий язык, поскольку то или иное производство, те или иные стороны организации производства, его процессов, орудий принимают политическое значение. Всякий должен знать, что такое «соцсоревнование», «ударник», «комбайн» «соя», «силос», «спаренная езда», «обезличка» и т. д. и т. п. Любой номер газеты иллюстрирует этот процесс.

VI

69. Мы видели в предыдущей главе, в какой мере и как заинтересован пролетариат в осуществлении «тенденции всеобщности», заложенной в национальном языке капиталистической эпохи. Является вопрос, как обстоит дело с тенденцией национального языка капиталистической эпохи обслужить все стороны общественной жизни, все области идеологии. Судьба этой тенденции капитализма теснейшим образом связана с судьбой капиталистической «всеобщности» вообще. На первых этапах своего развития действительно революционная буржуазия, уничтожая специальные языки феодализма, как будто действительно стремится разрушить обособленность «языков», обслуживающих отдельные области общественности. Но это «стремление» по причинам, которые

нам теперь ясны, не осуществляется. В классовой борьбе с пролетариатом и трудящимися массами буржуазия не заинтересована в том, чтобы ориентировать специальные языки на массовый язык для того, чтобы сделать их доступными массам. Поэтому в процессе развития буржуазного общества обособленность отдельных специальных языков закрепляется. Закрепляется специальный научный язык, непонятный массам; юридический язык, язык законов; язык художественной литературы, поэтический язык; создается даже специальная теория особого «поэтического» языка, отличного от «обыкновенного», которая должна была научно обосновать привилегию господствующих классов на поэзию и т. д. На ряду с этим идут лицемерные по существу разговоры о «популярной научной литературе», «популярной» — для «народа» — художественной литературе и т. д.

70. Пролетариат действительно заинтересован в уничтожении кастовых языков буржуазной эпохи; пролетариат борется с их переживаниями, пролетариат хочет, чтобы научные сочинения, законы и стихи писались не на своих собственных «трудных» языках, а на «обыкновенном» языке. *Пролетариат сливает эти кастовые специальные языки в действительно популярном массовом языке, который он строит.* В этом отношении примечательно, что путь Маяковского к пролетарской литературе был путем к «обыкновенному» языку от кастовой поэтики футуризма.

71. Вопрос о *популярном языке пролетариата* — один из центральнейших вопросов его языковой политики. Мы не имеем возможности поставить его сейчас в применении к художественной литературе, откладывая это на будущее. Но мы в специальной статье даем освещение этого вопроса применительно к тенденциям популярного языка в области науки и, отчасти, политики. Многое из того, что мы говорим в этой статье, будет полезно и литературным работникам.

72. Теперь нам остается посмотреть, как обстоит дело с международными тенденциями национального языка эпохи капитализма, связав этот вопрос с вопросом об иностранных словах.

73. Языковой обмен между коллективами говорящих происходит на разных стадиях развития человеческого общества на основе разного типа экономических связей. Но этот обмен не являлся по своему существу действительно

международным, *интернациональным*, до тех пор, пока не стал выражать намечающихся тенденций *единого мирового хозяйства*. Действительные тенденции единого мирового хозяйства, тенденции интернационального единства, намечаются лишь при капитализме. Уже зарождение нации в условиях подымающегося капитализма несет в себе зачатки ломки национальных перегородок, развитие капитализма отчетливо обнаруживает эту тенденцию.

«Развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.

«Обе тенденции суть мировой закон капитализма. Первая преобладает вначале, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм» (*Ленин*, «Критические заметки по национальному вопросу»).

Марксизм выдвигает на место всякого национализма интернационализм, слияние всех наций в высшем единстве, которое растет на наших глазах с каждой верстой железной дороги, с каждым международным трестом, с каждым (международным по своей экономической деятельности, а затем и по своим идеям, по своим стремлениям) рабочим союзом» (*Ленин*, там же).

74. Неравномерное развитие капитализма в разных странах приводит к тому, что капиталистическое развитие более отсталой страны складывается под влиянием страны более передовой. Это влияние вызывает «импорт» языка; «импорт» языка сказывается в том, что язык более передовой страны получает распространение в более отсталой; заимствуются слова и обороты речи, некоторые классы населения начинают даже в обиходе употреблять чужой язык или смесь своего с чужими — заболевают, так сказать, «детской болезнью» иностранщины, которая характерна именно для начальных этапов буржуазного развития.

Приведем примеры.

75. В XVII веке в Украину импортировался польский язык; в украинский язык проник целый ряд польских слов; украинская речь переходила иногда в смешанный украинско-поль-

ский язык; например, у проповедника Иоанникия Голятовского читаем: «Обыватель еден Александрийский, едучи до Цариграда поручил пречистой деве *жону и цорку* свою, слуга его в дому заставши, хотел *панюю и цорку забити, але олеснул и в двери не трофил*» (польские слова даны курсивом).

Украинский лексикограф Памва Барында иногда разъяснял «славянские» слова польскими; например: «сила — моц, также цнота».

Это польское влияние украинцы, в свою очередь, импортировали в более отсталую Россию, где сказывалось и непосредственное влияние Польши. Русский язык второй половины XVII века и петровской эпохи изобилует полонизмами. На начальных стадиях развития капитализма импорт идет обыкновенно из соседней страны, но с увеличением размаха капиталистических связей чужой язык доставляется и издалека.

76. Общеизвестно огромное количество иностранных слов, проникших в России в петровскую эпоху, обозначающих административные, военные, научные, технические и др. понятия. Иностранные слова вытеснили соответствующие русские, напр.: вместо «крепость» говорили «фортеция», вместо «победа» — «виктория», вместо «сражение, битва» — «баталия»; получались такие, например, русские фразы: «под Фруштатом была баталия, где наши отримали викторию», или: «чтобы не принуждали в таких кондициях акцептовать дацкой двор кварантию» и т. п. В конце концов Петр принужден был написать одному из своих послов: «В реляциях твоих употребляешь ты зело много польские и другие иностранные слова и термины, за которыми самого дела выразуметь невозможно; того ради впредь тебе реляции свои к нам писать все российским языком, не употребляя иностранных слов и терминов». Напомним увлечение французским языком, создавшее знаменитый французско-нижегородский язык, высмеянный Фонвизиным в «Бригадире»: «Я вам еще сказываю, батюшка, же ву ле репет, что мои уши к таким терминам не привыкли. Я вас прошу, же вуз-ан-при, не обходиться со мной...». Или: «А ежели я вас, монсье, попрошу теперь, чтобы вы о своем вояже поговорили, согласитесь вы меня контантировать». — «Де ту мон кер, мадам, только в присутствии батюшки...» и т. п. Место французского языка в языковой практике русского «высшего света» прекрасно охарактеризовано в «Войне и мире» Толстого (для начала XIX века).

77. Массовая мода на иностранщину в языке, заимство-

вание иностранных слов без нужды, возникновение жаргонов типа французско-нижегородского — характеризуют развитие национального языка *на первом его этапе* в отсталых странах. Т. е. характеризуют как раз тот его этап, когда собственно интернациональные тенденции еще слабы. Это первоначальное грубое накопление иностранного словарного инвентаря, на основе которого позднее проявляются действительные тенденции международного словарного единства.

Увлечение иностранщиной, характеризующее этот первый период, в русском языке продолжается до средины XIX века, сопровождаясь и *обратными* столь же энергичными проявлениями *реакции против иностранного*.

Борьба «своего» и «чужого» в языке отражает в данном случае противоречия первого этапа развития капиталистических отношений в отсталой стране: национальный язык образуется как свой, не чужой, сопровождаясь развитием *национального самосознания* господствующих классов, с другой стороны — он складывается под влиянием более развитых капиталистических стран, теснейшим образом увязываясь с языками этих стран, т. е. *с чужими языками*. В борьбе «своего» и «чужого» сказываются и классовые и внутриклассовые противоречия эпохи; на разных стадиях эта борьба принимает разное классовое содержание.

Увлечение иностранным может характеризовать и буржуазию, которая в борьбе с феодализмом увязывается с иностранным капиталом и его культурой; оно может характеризовать определенные слои обуржуазившегося дворянства, в то время как другие слои того же дворянства в борьбе за феодальную старину и «самобытность» борются против иностранного влияния; в практике того же дворянства иностранный язык на новой основе может воспроизвести его кастовую ограниченность, презрение ко всему, что не дворянство, выражает его дворянскую обособленность; в той же форме увлечение иностранщиной может проявляться и в той части буржуазии, которая стремится «носить шпагу», т. е. одворяниться. Отношения здесь могут быть очень сложные. Во всяком случае на более зрелой стадии развития капитализма эти крайние и бурные формы ксеномании (любви к иностранному) и ксенофобии (ненависть к иностранному) становятся уделом групп, стоящих вдали от столбовой дороги капиталистического развития.

78. На более зрелой стадии развития капитализма намечаются устойчивые формы интернациональных связей в сло-

варе, характеризующие различные разделы словаря: политический, научный, технический и др.

Анализ политической терминологии индусских газет показал, что политический словарь индусов сложился под сильнейшим влиянием английского языка; это понятно; но любопытнее всего то, что эти английские по непосредственному происхождению слова оказались в своем большинстве и в русском языке и в других европейских, т. е. что мы имеем здесь налицо интернационально-политический словарь.

79. В какой мере пролетариат заинтересован в этом интернациональном словарном фонде? Заинтересован в высокой мере. Но пролетариат не заинтересован в отсталых анархических формах накопления иностранных слов «без нужды». Нужность иностранного слова определяется прежде всего *интернациональным весом.*

80. Интернационализация словаря в условиях капитализма противоречила тенденции всеобщности национального языка, так как эта интернационализация распространялась почти исключительно на язык господствующих классов, отделяя его еще резче от языка масс. Контрреволюционная буржуазия уже объективно заинтересована в интернациональных словах и в целях *обособления* своего языка от языка масс; отсюда возрождение «иностранщины» в языке этой буржуазии, например, в научном языке, где та или иная школа или школка выдумывает свою терминологию, очень «иностранную», но и очень ненужную, объективно отражающую кастовый дух этой школки.

Таким образом, интернациональные тенденции в языке эпохи капитализма — это буржуазно-интернациональные тенденции; массы остаются вне этих тенденций, или затрагиваются ими в очень малой степени. Только пролетариат еще в рамках капиталистического общества является носителем действительно интернациональных тенденций в языке.

81. Пролетариат продвигает интернациональное слово в массы. Это одна из важных задач его языковой политики. Так, еще в 1895 г. московское первомайское воззвание продвигало интернациональное слово «конгресс» (ср. французск. congrès, немецк. Congress англ. congress и т. п.) в такой форме: «рабочие разных стран стали сноситься между собой, стали устраивать общие международные сходы (конгрессы, на которые и т. д.)». В 1917 г. советское правительство в декрете от 9 декабря продвигает интернациональное слово «демобилизация»: «При этом ни царское правитель-

ство ни правительства буржуазии не удосужились разработать плана перехода заводов на работы мирного времени (плана демобилизации), ибо все эти правительства...»

82. Таким образом, пролетариат *ни в коем случае* не борется с интернациональными словами. Пролетариат борется с анархической «иностранщиной» («без нужды»); пролетариат борется против неучета того положения, что многие интернациональные слова непонятны массам и что нужна, следовательно, определенная тактика продвижения этих интернациональных слов в массы. Но в таком случае интернациональные слова выступают просто как разновидность непонятных слов (об этом см. в статье о популярном языке); интернациональное, «иностранное» их происхождение остается в стороне. Наоборот, изгнание из языка вообще иностранных, интернациональных слов под предлогом приближения языка к массам есть не пролетарская, шовинистская, буржуазно-националистическая тенденция. Это отчетливо было вскрыто в практике украинских и белорусских контрреволюционеров, которые как раз изгоняли из языка интернациональные слова, в частности интернациональные научные термины, заменяя их вновь придуманными из белорусских или украинских корней.

83. Пролетариат включает, следовательно, тенденции интернационализации языка в процесс создания действительно всеобщего национального языка. Победа пролетариата во всем мире создает предпосылки для перехода этих интернационалистических тенденций в процесс создания единого мирового языка на основе единого мирового хозяйства. В этом длительном процессе будут сняты национальные языковые различия.

84. Мы наметили в этой статье основные линии «расцвета» национального языка как средства общения в эпоху диктатуры пролетариата. Но основное содержание этого «расцвета» вскрывается при анализе языка как идеологии. Этот анализ позволяет осветить новым светом и движение языка как средства общения. Поэтому ответ на поставленный в начале вопрос: в чем выражается расцвет русского национального языка в эпоху диктатуры пролетариата? — есть ответ предварительный.

О НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ЯЗЫКЕ

I

1. Для того чтобы правильно разрешить вопрос о научно-популярном изложении, необходимо поднять его на достаточную *теоретическую* высоту. Но это как раз и затруднительно в силу полной неразработанности этого вопроса в нашей научной литературе. Поэтому дальнейшее носит предварительный характер — материала для обмена опытом и мнениями.

2. Необходимо иметь в виду, что проблема научно-популярного изложения не сводится только к проблеме научно-популярного языка. Громадное значение имеет *планировка* изложения и ее внешнее выражение, то, что можно было бы назвать внутренним и внешним монтажем статьи. Поэтому мы в дальнейшем коснемся и вопросов монтирования материала.

3. Должны ли мы для наших целей использовать буржуазное наследство по вопросу о научно-популярном изложении и опыт буржуазных популяризаторов? Несомненно, должны. Особенно интересны для нас могут быть те периоды в истории буржуазии, когда она, выступая на политическую арену, кровно заинтересована в максимальном распространении своих идей, своей науки, своего просвещения, — *просветительские периоды*. Для русской буржуазии это — *шестидесятые годы*. Поэтому далеко не случайно названы в известном указании Н. К. Крупской Писарев и Чернышевский: «У кого учился Ленин говорить и писать популярно? Учился у Писарева, которого в свое время много читал, учился у Чернышевского, но более всего учился у рабочих».

Используя «буржуазное наследство», мы, однако, не должны ни на одну минуту забывать, что классовое *содержание* буржуазного популяризаторства иное, чем наше, и что опыт буржуазии мы должны брать критически, «в переработке».

4. У Писарева есть любопытные указания на те особенности, которыми популярное изложение всегда должно отличаться от строго-научного. Прежде всего он останавливается на специфическом, по его мнению, для популярного из-

*

ложения способе развития мыслей: «Популярное изложение не допускает в течении мыслей той быстроты, которая совершенно уместна в чисто-научном труде. Записные ученые, привыкшие ко всем приемам строгого мышления, ко всевозможным упражнениям умственных сил, могут следить без малейшего напряжения за мыслью исследователя, когда она, как белка, прыгает с одного предмета на другой, бросая читателям только легкие намеки на то, зачем и почему производятся эти быстрые переходы. Следя за этими эволюциями, ученый видит и понимает, что все — одна длинная цепь доказательств, связанная единством общей идеи и цели; он видит, что одна мысль логично развивается из другой; но простой читатель этого не увидит и станет втупик. Писатель высказал одно положение, вывел из него другое, на этих двух построено третье и пошел шагать, а простой читатель только недоумевает: каким же образом второе вытекает из первого и почему возможен переход к третьему? Второе действительно не вытекает непосредственно из первого; эти два положения связываются между собой двумя или тремя промежуточными умозаключениями; но ученый писатель, уверенный в сообразительности своих товарищей по науке, *выкидывает вон эти мостики мысли, которые* действительно не прибавляют к ученому труду ничего нового и существенного. Но для читателя, не выучившегося прыгать, такое отсутствие мостиков составляет непреодолимое препятствие. На первой же странице он спотыкается, а уж на какой-нибудь пятой или шестой он решительно не знает, о чем это тут идет речь и зачем это все написано. При этих условиях серьезное чтение ведет за собой только головную боль и одурение. Популяризатор, разумеется, обязан избавить мысль своего читателя от всяких подобных прыжков. *В популярном изложении каждая отдельная мысль должна быть развита подробно, так, чтобы ум читателя успел прочно утвердиться в ней,* прежде чем он пустится в дальнейший путь к логическим следствиям, вытекающим из этой мысли. Если вы будете утомлять ум вашего читателя слишком быстрыми переходами, то получится тот результат, который произвело бы отсутствие мостиков: читатель ошалеет и совершенно потеряет из виду общую связь своих мыслей» (курсив наш. *И. Я.)*.

Итак, Писарев требует, чтобы в популярном изложении каждая мысль была развита подробно, исчерпывающе, чтобы налицо были всегда те «мостики», которые в чисто-научном изложении могут и отсутствовать. С этим нужно согласиться.

5. Согласиться нужно и с следующим требованием Писарева: «Популярное изложение должно тщательно избегать всякой *отвлеченности.* Каждое общее положение должно быть подтверждено осязательными фактами и пояснено *частными примерами...»* Однако это положение Писарева требует поправки в том смысле, что нужно не только (и не столько) «подтверждать» фактами «общие положения», но *исходить* из фактов: «надо исходить не из отвлеченных рассуждений, а из близких слушателю или читателю волнующих его фактов», потому что популярное изложение должно «помогать слушателю или читателю самому делать выводы и лишь подытоживать, формулировать эти уже осознанные слушателем или читателем выводы» *(Н. К. Крупская,* «Ленин об умении писать для рабочих и крестьянских масс»).

6. Важнейший вопрос поднимает третье положение Писарева. Он говорит: «Популяризатор должен постоянно предвидеть все вопросы, сомнения и возражения своего читателя; он сам должен ставить и разрешать их; такая тактика имеет двоякую выгоду: во-первых, предмет освещается со всех сторон; во-вторых, вопросы и возражения прерывают собой монотонное чтение речи, поддерживают и напрягают постоянно внимание читателя, который в противном случае легко вдается в полумашинальное чтение, т. е. пропускает через свою голову отдельные мысли, не вдумываясь в их отношение к целому».

7. Таким образом Писарев предлагает привносить в популярное изложение мнений «вопросы и ответы», момент разговора, диалога; он выдвигает *внутреннюю диалогическую структуру как основную для популярного изложения.*

Однако Писарев недостаточно осознает важность своего положения. Писарев только скользнул по основному *познавательному* значению «вопроса» («предмет освещается со всех сторон»). «Вопрос» и есть тот топор, которым мы прорубаем себе дорогу для познания объективной действительности в ее многосторонней конкретности; посредством «вопроса» мы отталкиваемся от непосредственного впечатления, от абстрактного понятия для все более и более конкретного познания действительности. Сошлемся на роль познавательного вопроса у Ленина и у других классиков марксизма: «Спрашивается: равенство какого пола с каким полом? Какой нации с какой нацией? Какого класса с каким классом? Свобода от какого ига или от какого класса? ..» (Ленин). «Вопрос»,

«ответ» (он же «вопрос») и еще «вопрос» на новой основе и т. д. — это отражение в языке очень важной стороны диалектического хода мышления, отражающего в свою очередь диалектику действительности. В известном смысле можно сказать, *что всякое утверждение заключает в себе вопрос и ответ в снятом виде*. (Мысли о познавательном вопросе, изложенные в этом §, принадлежат Е. И. Петровой.)

8. Значит ли это, однако, что научно-популярное изложение должно строиться как серия вопросов и ответов, как разговор писателя с самим собой или с воображаемым слушателем, что диалог является *всеобщей* формой научно-популярного изложения? Нет. Почему?

9. На заре философии в древней Греции форма разговора, *диалога*, была в высокой степени распространенной формой философских сочинений (философские диалоги Платона, продолжавшие уже имевшуюся традицию); диалоги *в известной мере* соответствовали нашему научно-популярному изложению: они во всяком случае преследовали, так сказать, научно-учебные, «учительные» цели; на ряду с этим писались и собственно «научные» трактаты (напр., Аристотелем, писавшим также и «диалоги»). Христианская церковь увековечила вопросо-ответную форму изложения в рассчитанных на зубривание всеми христианами *катехизисах*. В катехизисах «популярно» излагались основные догматы веры и тому подобная «наука». В катехизисах голая вопросо-ответная форма в сущности выродилась; некоторые ее положительные черты были совершенно поглощены отрицательными. В наше время, как известно, вопросо-ответная форма научно-популярного изложения распространением не пользуется (хотя встречаются попытки строить на ней целые сочинения; например, работы Богданова).

В высшей степени показательно, что первоначально «Коммунистический манифест» был написан в вопросо-ответной форме, но затем Маркс и Энгельс предпочли форму связного изложения, сохранив внутреннюю диалогическую структуру. Первоначально «Коммунистический манифест» даже имел название «Катехизиса»; в 1847 году Энгельс писал Марксу: «Обдумай немного «Катехизис». Я думаю, что было бы лучше отбросить форму катехизиса и назвать эту вещь «Коммунистический манифест». Так как в нем придется коснуться истории, то теперешняя форма совершенно не подходит. Я привезу проект, который написал тут. Он написан в простой повествовательной форме, но ужасно плохо редактирован».

10. Конечно, было бы совершенно неправильно утверждать, что вопросо-ответная форма неприменима *никогда* и *ни при каких условиях;* в конечном счете, та или иная форма изложения определяется содержанием, целевой установкой, смысловым заданием; в специальных условиях иногда используется и вопросо-ответный способ изложения (напр., в агитационных листовках и брошюрах; ср. брошюру *Ленина* «Политические партии в России и задачи пролетариата», 1917 г., т. XIV, ч. 1, стр. 64—72). Это обстоятельство не меняет, однако нашего вывода, что голая вопросо-ответная форма именно в научно-популярной литературе не только не является *определяющей,* но вообще встречается *очень редко,* В историческом плане она количественно убывает в связи, очевидно, с развитием самого мышления, с развитием научного познания.

11. Почему же все-таки внутренняя диалогическая структура, а не голая вопросо-ответная форма («катехизис»), оказывается познавательно более пригодной? Вопрос-ответная форма действительно способствует расчлененному изложению мысли, соответствующему расчлененности самого процесса познания; но процесс познания не ограничивается только расчленением, анализом, — он подразумевает также соединение, синтез. Процесс познания в своем развитии стремится охватить предмет максимально расчлененном, осветить все его стороны, но вместе с тем он стремится дать связь этих сторон. Механическое перенесение «разговора» на «изложение» не дает внешнего выражения, оформления этой связи; оно дается именно в *связном* изложении, сохраняющем, однако, диалогическую структуру внутри себя, в снятом, подчиненном закономерностям связного изложения виде.

12. Нам могут, однако, сказать: почему изложенные только что мысли нужно относить именно к научно-*популярному* изложению? Ведь, в сущности, они могут быть отнесены ко всякому изложению. Дело в том, что в научно-популярном изложении «вопросы» и «ответы» играют еще и *особую роль* в пределах связного изложения, а именно роль тех самых «мостиков», о которых говорил Писарев: вопросы и ответы помогают оттенить *переходы* от одной мысли к другой и т. д. То есть, вопросы и ответы, с одной стороны, выполняют функцию расчленения предмета, освещения его разных сторон, а с другой, — подчиняясь общим закономерностям связного изложения, исполняют обязанности «службы связи».

II

13. Останавливаясь мельком на познавательном значении «вопросов», Писарев более подробно подчеркивает их психологическое значение: «Вопросы и возражения прерывают собой *монотонное течение речи,* поддерживают и напрягают постоянно внимание читателя, который в противном случае легко вдается в полумашинальное чтение, то есть пропускает через свою голову отдельные мысли, не вдумываясь в их отношение к целому». Многое здесь вызывает сомнение. Прежде всего — самое понятие «монотонное течение речи»: монотонность *вообще»,* взятая вне ее конкретного содержания, безотносительно к познавательному процессу, изрядно попахивать формализмом; формально понят здесь и «вопрос», роль которого сводится к тому, чтобы «поддерживать и напрягать внимание».

Однако и здесь есть здоровое ядро.

14. По существу Писарев ставит здесь вопрос о необходимости преодолевать в научно-популярном изложениии *традиционную форму журнальной статьи*, которая оказывается почему-то непригодной именно в этом виде изложения. Почему? Конечно, не потому только, что она «монотонна» и утомляет читателя. И в данном случае ключ нужно искать в *познавательной* стороне вопроса. Ключ этот мы находим в переписке Маркса и Энгельса по поводу первого тома «Капитала».

15. Энгельс пишет Марксу: «Ты сделал большую ошибку, не разъяснив более наглядно хода рассуждений в этом отвлеченном развитии, не разбив изложения на более мелкие подразделения с отдельными заглавиями. Тебе надо было бы отработать эту часть так же, как построена гегелевская «Энциклопедия», — короткими параграфами, выдвигая каждый диалектический переход особым заглавием, и по возможности все экскурсы и иллюстрации печатать особым шрифтом. Это несколько придало бы книге вид учебника, но зато для громадного класса читателей значительно облегчило бы понимание. Широкая публика, даже ученая, совсем не привыкла к этому роду мышления, и им надо предоставить возможные облегчения».

Маркс отвечает Энгельсу: «Что касается развития формы стоимости, то я последовал твоему совету и не последовал ему, чтобы также и в этом держать себя диалектически. То есть, я, во-первых, написал добавление, где изложил также

насколько возможно проще и насколько возможно по-школьному, а во-вторых, согласно твоему совету, я разбил каждое идущее дальше положение на параграфы и т. д. с особыми заглавиями».

16. Итак, в этом обмене письмами идет речь о научно-популярном изложении («громадный класс читателей», «широкая публика», «возможные облегчения», «вид учебника», насколько возможно проще», «по-школьному» и др.); имеются в виду интересы понимания, мышления читателя; имеется в виду то самое *сплошное изложение*, которое свойственно и традиционной журнальной статье; указывается, наконец, и *способ преодоления* этого сплошного изложения: *короткие параграфы, заголовки, особый шрифт*. Но не это самое важное. Самое важное — следующее:

17. *Во-первых*, форма *сплошного* изложения отвергается не только во внимание к интересам читателя, для его облегчения, в целях популяризации, но и исходя из *специфических особенностей мышления самого автора* (т. е. Маркса), которое является не его личным мышлением, а мышлением, характерным для *класса*, идеологом которого был Маркс, т. е. для *пролетариата*. Таким образом, предлагаемые Марксом — Энгельсом способы преодоления сплошного изложения оказываются необходимыми не только в целях популяризации вообще, а сугубо необходимым в целях популяризации изложения процесса *диалектико-материалистического мышления*. Но в таком случае в нашей обстановке вопрос приобретает крупное *политическое* значение.

18. *Во-вторых*, короткие параграфы и заголовки предлагаются *не как механическая разбивка* сплошного текста, для того, дескать, чтобы избежать «монотонного течения речи», а как *выражение диалектико-материалистического хода мышления:* «отработать эту часть... короткими параграфами, выдвигая каждый диалектический переход особым заглавием». Это обстоятельство в высшей степени важно. Почему? Потому, что способ Маркса и Энгельса выступает здесь не как «правило», *не рецепт, а метод*, не «догма», а «руководство к действию». Только в увязке с диалектико-материалистическим мышлением возможно его применение. Это — существеннейшая оговорка, а то — «заставь дурня богу молиться», и он начнет с энергией, достойной лучшей участи, разбивать своему читателю лоб механически насаженными параграфами, заголовками и пр.

Таким образом, параграфы и пр. — это не просто отрезки,

механические куски, а элементы единого развивающегося диалектического процесса мысли.

19. Подводя итоги тому, что здесь сказано о внутренней структуре популярного изложения («мостики», «вопросы и ответы», «факты и примеры», параграфы, заголовки и пр.), нужно сказать следующее: все эти «примеры» имеют смысл лишь в том случае, когда они подчинены познавательному процессу, процессу мышления; иначе они превращаются в чисто формальные «рецепты», в схоластику. Но мы имеем в виду не мышление вообще, а диалектико-материалистическое мышление. Следовательно, первое «правило», которому должны подчиняться наши популяризаторы, — это развивать свои мысли диалектико-материалистически, воспитать в себе *способ освоения действительности, свойственный пролетариату,* быть популяризаторами *пролетариата.* В противном случае они неизбежно скатятся в болото *формалистического техницизма,* их популяризация выродится в упрощенчество, *в вульгаризацию.* Несмотря на самые благие субъективные намерения, на деле они будут заниматься *вредительской работой* на культурном *фронте.*

20. На связь популяризаторской работы с диалектико-материалистическим подходом к действительности, на то обстоятельство, что без диалектико-материалистического подхода популяризация неизбежно превращается в вульгаризацию, указывал и Ленин; вот что говорит Н. К. Крупская по поводу одного места в его речи на апрельской конференции 1917 г.: «В той же речи Ленин говорил: «Выступая перед массами, надо давать им конкретные ответы». Нужна ясность политической мысли. «Чего нехватает в братаньи — это ясной политической мысли». Говоря о том, что провести предлагаемые условия мира нельзя без подрыва господства капиталистов, Ленин настаивал, что эту мысль нужно сделать ясной массам: «Еще раз повторяю: для неразвитых народных масс эта истина требует посредствующих звеньев, которые вводили бы в вопрос неподготовленных людей. Вся ошибка и вся ложь популярной литературы о войне состоит в том, что этот вопрос обходят, об этом молчат, изображая дело так, что не существовало никакой борьбы классов, а как будто две страны жили дружно, и одна на другую напала, а та обороняется. Это является вульгарным рассуждением, в котором нет ни тени объективности, это сознательный обман народа со стороны образованных людей». Таким образом, только пролетариат правильно разре-

шает вопрос о научно-популярном изложении, поскольку он обладает диалектико-материалистическим методом; буржуазное же «популяризаторство», возводя в энную степень изъяны буржуазного способа познания, является объективно обманом того «populus'а», того «народа», на который оно рассчитано.

21. В заключение несколько слов о внешнем, «графическом», оформлении статьи в печати. Это вопрос — чрезвычайно важный. Графическое оформление было у нас поставлено плохо. Нужна большая забота о внешнем оформлении статьи. Мы имеем в виду, конечно, не эстетское оформление, когда ставятся разные палочки, черты, звездочки и пр., неизвестно почему и для чего (для «красоты»), а такой графический монтаж, который отражает диалектику внутренней структуры. Здесь необходимо широкое использование всех средств графического расположения материала (главы, параграфы, абзацы, подзаголовки, шрифты, рисунок текста и т. п.); в этом отношении мы могли бы многому поучиться у наших лучших газет.

22. Желательно, наконец, чтобы каждая статья сопровождалась подробным вопросником-планом статьи; этот вопросник-план имел бы задачей не только помочь читателю в его учебной проработке статьи, но, что с этим связано, уяснял бы ему самый закон хода мыслей писателя.

23. В следующих главах мы постараемся осветить некоторые вопросы языка научно-популярной статьи, но еще в этой главе нам хотелось бы остановиться на некоторых суждениях по этому вопросу, имеющихся у Писарева, чтобы, так сказать, «покончить» с ним.

24. Писарев говорит: «Самый язык, выбор слов и оборотов имеют очень значительное влияние на успех или неуспех популярно-научного сочинения. Удачное выражение, меткий эпитет, картинное сравнение чрезвычайно много *прибавляют* к тому *удовольствию*, которое доставляется читателю самым содержанием книги или статьи. А так как просвещать читателя помимо его собственной воли нет ни малейшей возможности, то и не следует ни под каким видом пренебрегать теми техническими средствами языка, которые могут *увеличить удовольствие* читателя, не вредя основной идее вашего труда (курсив наш. *И. Я.*).

Останавливаемся на этом суждении Писарева потому, что его мысли и до сего дня распространены в широкой среде.

25. Первая фраза — вполне правильна, но все остальное

совершенно неверно. Прежде всего неправилен тот *отрыв языка от содержания,* который производит Писарев: содержание мыслится отдельно, а языковые средства отдельно; они механически *прибавляют* кусочек удовольствия к тому удовольствию, которое дает содержание. Неправильно понимать такие явления, как «удачное выражение», «меткий эпитет», «картинное сравнение» как *технические* средства языка. Это факты *идеологического* порядка, поэтому Писарев совершенно неверно формулирует отношение между этими фактами языка и содержанием, «идеей» труда посредством слова «не вредя»: дело в том, что факты языка должны *вытекать* из «идеи» произведения, *выражать* эту «идею», а слово «не вредя» подчеркивает лишь их нейтральность по отношению к «идее». В связи с этим стоит и совершенно неверная теория *«удовольствия»,* которую проповедует здесь Писарев. Исходя из нее, можно «прибавлять» к удовольствию читателя от «содержания» сочинения очень много нейтральных, «невредных» вещей, напр., плитку шоколада или велосипед для прогулок в перерывах между работой.

III

26. Вопрос о языке научно-популярной литературы нельзя отрывать от *общих вопросов языковой политики пролетариата.* Но языковая политика пролетариата есть лишь часть общей его политики, осуществляемой в генеральной линии партии. Вопрос о популярном языке есть вопрос о том языке, на котором говорит партия с широкими массами рабочих, колхозников, единоличников-бедняков и середняков—в интересах классовой борьбы пролетариата, социалистического строительства, мировой революции. Вопрос о популярном языке есть поэтому вопрос *политический*, один из важнейших вопросов политики пролетариата и самый важный вопрос его языковой политики.

27. Именно как на вопрос прежде всего *политический* смотрел на вопрос о популярной литературе Ленин. До сих пор сохранило полное значение его высказывание по этому поводу в «Что делать?»: «*Главное* внимание должно быть обращено на то, чтобы *поднимать* рабочих до революционеров, отнюдь не на то, чтобы *опускаться* самим непременно до рабочей массы, как хотят экономисты, непременно до «рабочих-середняков», как хочет «Свобода» (поднимающаяся в этом отношении на вторую ступень экономической педаго-

гии). Я далек от мысли отрицать необходимость популярной литературы для рабочих и особо популярной (только, конечно, не балаганной) литературы для особенно отсталых рабочих. Но меня возмущает это постоянное припутывание педагогии к вопросам политики, к вопросам организации. Ведь вы, господа радетели о «рабочем середняке», в сущности, скорее оскорбляете рабочих своим желанием непременно *нагнуться*, прежде чем заговорить о рабочей политике или о рабочей организации. Да говорите же вы о серьезных вещах выпрямившись и предоставьте педагогию педагогам, а не политикам и не организаторам». Таким образом Ленин обрушивается здесь на *подмену политики педагогией* в вопросе о популярной литературе, каковая подмена в данном случае являлась *извращением политики* пролетариата. Значит ли это, что Ленин отрицал целиком «педагогику» в вопросах популяризации? Конечно, нет. Но он ей отводил *подчиненное* место, определяющей оказывалась, по его мнению, политика. Эта мысль выражается с полной отчетливостью в другой его статье.

28. «В политической деятельности социал-демократической партии всегда есть и будет известный элемент педагогики: надо воспитывать весь класс наемных рабочих к роли борцов за освобождение всего человечества от всякого угнетения, надо постоянно обучать новые и новые слои этого класса, надо уметь подойти к самым серым, неразвитым, наименее затронутым нашей наукой и наукой жизни представителям этого класса, чтобы суметь заговорить с ними, суметь сблизиться с ними, суметь выдержанно, терпеливо поднять их до социал-демократического сознания, не превращая наше учение в сухую догму, уча не одной книжкой, а и участием в повседневной жизненной борьбе этих самых серых и самых неразвитых слоев пролетариата. В этой повседневной деятельности есть, повторяем, элемент педагогики. Социал-демократ, который забыл бы об этой деятельности, перестал бы быть социал-демократом. Это верно. Но у нас часто забывают теперь, что социал-демократ, который задачи политики стал бы сводить к педагогике, тоже — хотя по другой причине — перестал бы быть социал-демократом. Кто вздумал бы из этой «педагогики» сделать особый лозунг, *противопоставлять* ее «политике», строить на этом противопоставлении особое направление, апеллировать к массе во имя этого лозунга против «политиков» соцал-демократии, тот сразу и неизбежно опустился бы до демагогии».

29. Поэтому подмена политики в вопросе о популярном языке «педагогией», «культурничеством», бесхребетным «популяризаторством» в ковычках — есть *извращение классовой линии пролетариата* в этом вопросе. Но—могут возразить нам—Ленин говорит о политической популярной литературе, а мы о научно-популярной. Не переносим ли мы выводы Ленина, сделанные для одной области, совершенно *механически* на другую, *особую* область? Ничуть.

Во-первых, политическая литература пролетариата есть научная литература, потому что самая политика пролетариата есть *научная политика*. Следовательно, популярная политическая литература пролетариата есть научно-популярная литература. Во-вторых, на данном этапе развития пролетариата вся огромная область науки непосредственно входит в состав политики; борьба пролетариата за овладение научными знаниями есть *непосредственно политическая борьба*, она непосредственно включена в его *классовую борьбу*. Именно это содержание вложено в лозунг партии о *партийности науки*. Итак, вопрос о научно-популярном языке есть вопрос *сугубо-политический*. Попытаемся конкретизировать это положение на анализе некоторых отдельных сторон этого вопроса.

IV

30. Популяризация изложения не должна вести к снижению научного уровня статьи, к научному упрощенчеству, к вульгаризации. Это нужно *подчеркнуть*, потому что некоторые товарищи опасаются, что, ставя вопрос о популяризации языка научной статьи, мы скатимся к вульгаризации. Тут нужно быть на чеку, потому что *опасность вульгаризации* в практике популяризаторской работы *действительно имеется*. Но этого нельзя допустить. *Это был бы глупый и скверный* провал. Отметим одну из линий, по которой популяризатор может скатиться к вульгаризации на основе *политически* неправильной установки. Эта линия — *подлаживание к аудитории, к читателю*.

31. Н. К. Крупская в цитированной уже статье говорит: «Но, много работая над тем, чтобы яснее, лучше передать свои мысли рабочему, Ильич в то же время возмущался всякой вульгаризацией, стремлением сузить перед рабочим вопрос, упростить его. Ильич с негодованием относится ко всякому сюсюканью с рабочими, к замене серьезного обсужде-

ния «прибаутками и фразами». В речах и статьях Ильича рабочие всегда видели, что Ильич, как выразился один рабочий, говорит с ними «всерьез». В приведенной выше цитате из «Что делать?» («главное внимание» и т. д.) эта точка зрения высказана с достаточной яркостью. Об этом говорит и другое место в «Что делать?» Ленин высказывает мысль, что рабочие лишь постольку становятся теоретиками социализма, поскольку им удается овладевать знаниями своего века и двигать вперед эти знания, и продолжает: «А чтобы рабочим чаще удавалось это, для этого необходимо как можно больше заботиться о повышении уровня сознательности рабочих вообще, для этого необходимо, чтобы рабочие не замыкались в искусственно суженные рамки «литературы для рабочих», а учились бы овладевать все больше и больше общей литературой. Вернее даже было бы сказать вместо «замыкались» — были замыкаемы, потому что рабочие-то сами читают и хотят читать все, что пишут и для интеллигенции, и только некоторые (плохие) интеллигенты думают, что «для рабочих» достаточно рассказывать о фабричных порядках и пережевывать давно известное».

32. Таким образом, мы вовсе не должны вырабатывать какой-то особый «упрощенный» язык второго сорта для рабочих или еще третьего сорта для колхозников. Мы должны не опускаться до уровня массы, а бороться за повышение ее речевой культуры. Мы ни в коем случае не должны подлаживаться к массовому читателю; нашим лозунгом должно быть: долой всяческий речевой «подхалимаж». Этот лозунг нужно проводить в жизнь с полной настойчивостью. Языковой «подхалимаж» есть частный случай политического «подхалимажа», политического приспособленчества, которое на все сто процентов враждебно политической идеологии пролетариата.

33. Но на пути к отрицанию языкового приспособленчества, упрощенчества, вульгаризации нас подстерегает другая грубейшая политическая ошибка. Испугавшись вульгаризации, не диалектически поняв лозунг «против упрощенчества и приспособленчества», мы можем перегнуть палку в другую сторону и *смазать, снять самую проблему популярного языка.*

Такой перегиб объективно привел бы к тому, что массы рабочих и крестьян оказались бы брошенными на произвол судьбы в своем культурном развитии; наука осталась бы наукой для избранных; мост к овладению наукой широчайши-

ми массами (этим мостом и является популярное изложение) был бы уничтожен; на долю «народа» осталась бы литература «второго сорта». Мы восстановили бы таким образом положение вещей — status quo — буржуазного общества. В такую грубейшую ошибку впадает Троцкий в своих рассуждениях о понятности речи («Журналист», 1928 г., № 6-7, стр. 38). Так как мысли, подобные высказанным Троцким, приходится слышать и посейчас, они должны быть проанализированы.

34. Троцкий пишет: «Являюсь противником деления слов на «понятные» и «непонятные». Нужно, чтобы подбор слов в статье соответствовал тому понятию, которое вы хотите выразить. С другой стороны, нужно сказать. чтобы объем понятий соответствовал тому читателю, для которого статья пишется... Суть понятности и непонятности изложенного заключается в совпадении того опыта, на который опирается писатель, и того, который имеется у читателя. Если между этими двумя опытами — пропасть, то никакими популярными словами тут не поможешь, — тут надо лишь постепенно обогащать опыт читателя... Никто из вас популярнее Маркса о капитале не напишет. Что значит изложить популярно? Это значит: ту сумму идей, понятий, взаимоотношений и законов, которая выражена в «Капитале», нельзя точнее и проще выразить. А выходит все-таки страшно сложно. Почему? Потому, что закон сложен. Или же вы хотите закон в ступе истолочь, чтобы он стал популярнее? Таким путем популярности вы не получите... к этому объему понятий надо подойти по ряду ступеней, надо создать ряд учебников, по которым мы выведем молодежь к этим понятиям, а перепрыгнуть сразу к понятиям сложным при помощи какого-то «популярного языка», как в сказке на коньке-горбунке, этого сделать нельзя».

Таким образом, Троцкий отрицает правомерность проблемы «какого-то популярного языка». Для того, чтобы особенно разительно показать ее неправомерность, он предполагает, что кто-нибудь захотел бы популярно изложить ленинскую теорию диктатуры пролетариата восьмилетним детям и говорит: «какими бы популярными словами вы свою мысль ни излагали, как бы вы ни сюсюкали под детский лепет, — ничего из этого не выйдет...» Однако Троцкий не может пройти мимо существования «сложной формы изложения»; вот какие пустые, ничего не говорящие слова посвящает он этому факту: «Бывает, что мысль проста, а дела-

ется сложной благодаря сложной форме изложения. Сколько угодно бывает, но когда запутанность вытекает из запутанности — это одно, а когда сложность мысли вытекает из сложного материала — это другое». Вывод из всего сказанного: «Задача журналиста и газетчика заключается в том, чтобы пишущий находил слова и фразы, которые отвечали бы данному объему понятий».

35. Итак, Троцкий против «сюсюканья под детский лепет». Это хорошо. Но Троцкий *испугался* «сюсюканья под детский лепет» и вместе с «лепетом» выбросил из ванны самое «дитя» — *интересы рабочего класса.* Это — хуже. В самом деле: бывает ли так, что сложная форма изложения «без нужды» затрудняет рабочему понимание газетной, журнальной и пр. статьи, брошюры, книги, в частности научной статьи? Бывает. Часто? Чрезвычайно часто. Об этом много писал Ленин. Нужно ли заострить на этом внимание пишущих? Нужно обязательно. Потому что такое положение вещей вредно для пролетариата, ослабляет его в классовой борьбе, оно на *руку буржуазии.* Нужно ли, борясь с «сюсюканьем», с вульгаризацией, бороться за действительно популярный язык, против «тарабарщины»? Нужно. Почему Троцкий этого не делает? Почему он, однако, неправильно подходит к этому вопросу?

36. Дело в том, что Троцкий подходит к проблеме «понятности» и «популярного языка» с абстрактной логической точки зрения. Он сводит весь вопрос *к взаимоотношению «слов» и «объема понятий»*. А это неверно. От чего возникает «без нужды сложная форма изложения»? Оставим в стороне случай, когда эта сложность есть результат малограмотности; этот случай к нашей теме непосредственного отношения не имеет. Остается второй случай, который мы поясним как раз на примере «научного» языка.

37. Как мы знаем, буржуазия получает в наследство от феодального общества специальный литературный язык, отличный от массового языка, сплошь и рядом—язык вовсе чужой для самой буржуазии (ср. латинский язык на Западе, церковно-славянский — у нас). Буржуазия «отменяет» этот язык; буржуазия стремится демократизовать язык и развивает письменность (печать) на национальном языке. Но «демократические» тенденции буржуазии прекращаются, коль скоро на арене появляется ее класс-антагонист — пролетариат. Буржуазия заключает союз с своими вчерашними противниками феодалами-помещиками *против* пролетариата

и трудящихся масс вообще. Она «демократична» уже в кавычках, только на словах, — на деле она ведет классовую политику угнетения трудящихся масс, угнетения экономического и *идеологического;* она превращает науку, литературу, искусство в свои классовые привилегии; *кастовость, замкнутость науки* расцветает на новой основе и питается всей классовой политикой буржуазии; на основе этой кастовости, на основе «науки для немногих» расцветает *кастовый специально научный язык;* даже в своей международности он остается сугубо классовым, буржуазно-классовым и кастовым. Этот кастовый язык буржуазной науки блестяще разоблачал Ленин, например, в «Материализме и эмпириокритицизме».

38. Но буржуазии, даже в период развернутой и острой классовой борьбы с пролетариатом, нужно играть в «демократию»; плодом этой игры и является «популярный язык» буржуазии *эпохи ее загнивания;* этот популярный язык является выражением фальсифицированной науки (даже тогда, когда «популяризацией» занимается приказчик буржуазии— мелкая буржуазия), а поскольку он является плодом политического лицемерия буржуазии, ему свойственно уже известное нам «сюсюканье».

39. Таким образом, буржуазия создает специальный кастовый научный язык; этот язык является выражением классовой борьбы в капиталистическом обществе, порождением его противоречий, орудием классовой борьбы в руках буржуазии. Вот где основная причина той «без нужды сложной формы изложения» в научном языке, о которой говорилось выше. Троцкий, обеспокоенный тем, чтобы не истолкли закон «Капитала» в ступе популяризации, сам истолок его в ступе абстракции, забыв о классовой борьбе.

40. Переживания этого классового языка *сильны до сих пор в практике наших научных работников,* критиков, журналистов и пр. Эти переживания нужно изучать, чтобы их преодолеть, с этими переживаниями *нужно бороться.* Эта борьба является одной из важнейших сторон нашей борьбы за популярный язык. Но она не исчерпывает ее содержания. Из сказанного уже ясно, что содержание понятия «популярный язык» у буржуазии и у пролетариата — совершенно различное: буржуазия создает «популярный» язык *потому,* что свой «настоящий» научный язык строит как язык кастовый, пряча науку от пролетариата и всех трудящихся; пролетариат строит популярный язык *в борьбе* с кастовым языком бур-

жуазии и его переживаниями, в борьбе за овладение наукой. Позиция Троцкого обезоруживает пролетариат в этой его борьбе. Троцкий говорит: «как бы вы ни сюсюкали под детский лепет, ничего из этого не выйдет». Мы можем ему ответить: мы будем строить популярный язык пролетариата, а «как бы вы ни шамкали под буржуазию, ничего из этого не выйдет».

V

41. Можно ли делить слова на *понятные* и *непонятные*? Троцкий, как мы видим, является противником такого деления. Однако Троцкий — неправ. Такое деление не только возможно, но и *необходимо*. Верно, что в большинстве случаев непонятливость *слова* связана с отсутствием соответствующего *понятия* у данной группы говорящих. Но и в этом случае мы должны говорить *и* об отсутствии понятия *и* о непонятности слова, и здесь не нужно быть однобоким. Тем более, что на практике мы сплошь и рядом именно от непонятности слова заключаем об отсутствии соответствующего понятия. А в некоторых случаях слово может быть непонятно *при наличии* соответствующего понятия; например, может быть непонятно слово «лингвистика» при наличии соответствующего понятия, обозначаемого другим словом— «языковедение»; сравните также, например, «паровоз» и «локомотив»», «машина», «мотор» и «автомобиль», «трамвай» и «трам»; в ряде случаев для обозначения одного понятия в одной местности существует одно слово, а в другой другое, например: «базар», «кавун», «тротуар» и — «рынок», «арбуз», «панель» и т. п. Сплошь и рядом в данном местном говоре может быть непонятное слово, обозначающее то же самое понятие в национальном языке; может быть известно обиходное название данного предмета, но неизвестен научный термин; для обозначения какого-нибудь предмета или его части употребляется данной группой говорящих два или несколько слов, между тем как существует для этого же предмета специальное слово, неизвестное этой группе и т. д. и т. п. Но, повторяем, даже тогда, когда слово непонятно в связи с отсутствием соответствующего понятия, мы можем и обязаны говорить о непонятности *слова*.

Мы не должны смазывать деление слов на понятные и непонятные, если хотим поставить и разрешить проблему популярного языка. Троцкий, который отрицает самую право-

мерность этой проблемы, естественно, смазывает и проблему «понятного слова».

42. Эта проблема становится особенно важной, если мы от абстрактного логического подхода к ней окунемся в социальную практику, в классово дифференцированное общество. Слово, понятное одной прослойке рабочего класса, непонятно другой его прослойке, слово, непонятное рабочему, непонятно колхознику и т. д. Язык есть важнейшее средство общения между людьми; для пролетариата, который стремится к созданию единого бесклассового общества, к уничтожению разделения между физическим и умственным трудом, — проблема понятности слова приобретает особо важное значение (в увязке, конечно, с расширением объема понятий, накоплением опыта, знаний и пр.). Эта проблема теснейшим образом увязана с проблемой популярного языка.

43. Как же быть со словами, которые непонятны массам? На этот предмет существует очень простое и очень неверное решение: вовсе не нужно употреблять этих слов в нашей массовой газете, радиогазете, устной агитации и т. д. Некоторые товарищи предлагают даже составить *список* (индекс) *запрещенных слов* для разных групп более отсталых читателей или слушателей с тем, чтобы не употреблять этих слов в соответствующих массовых газетах и пр. Но это бы обозначало — *остановить культурный, а значит и политический рост масс*. Это было бы *политически нелепо*. В противовес такой точке зрения нужно выдвинуть другую: необходимо изучить разные группы нашего массового читателя с точки зрения того, какие слова национального языка ему понятны или непонятны, нужно составить списки таких непонятных — или подозреваемых по непонятности — слов, но как раз для того, чтобы эти слова употреблять, постепенно вводить их в обиход соответствующей группы, истолковывая и разъясняя (вместе с теми понятиями, которые они обозначают). Проблема непонятных слов должна быть разрешена *в общей увязке с планом культурного подъема масс, в плановом* внедрении в практику масс непонятных слов и выражений путем разъяснения этих слов тут же *на месте* (как это часто делал Ленин) и путем *словариков и словарей*, толкующих эти слова. Проблема непонятных слов разрешается в *проблеме планового обогащения словаря масс* до уровня национального языка на данном этапе его развития (с учетом его непрерывного движения).

44. В связи с вопросом о непонятных словах нужно сде

лать три оговорки. *Во-первых:* существуют, конечно, такие непонятные для масс слова, которые и вовсе не нужны, которые в национальном языке являются сором, унаследованным от языковой практики помещиков и буржуазии; такие слова, конечно, внедрять в массы не приходится. *Во-вторых:* существуют такие слова, которые только *кажутся понятными* или понятны только в очень относительной степени. Если мы употребим такое слово, как «идиосинкразия», то весьма и весьма многие не поймут этого слова. Но если напишем слово «культура», то многие «поймут». И ошибутся. Есть много слов, которые мы механически употребляем, но не имеем ясного понятия о их содержании. *Такие слова также подлежат разъяснению. В-третьих:* многие думают, что вопрос о непонятных словах сводится к вопросу об *иностранных словах.* Это неверно. Возьмем пример: «социализм». Если это слово непонятно, то нужно сделать его понятным совершенно независимо от того, иностранное оно или нет: так же обстоит дело с «трактором», «телефоном», «силосом» и т. п.: такие русские слова, как «обезличка», «спаренная езда» также могут быть непонятны, объяснить нужно их. Сведение вопроса о *непонятных* словах к вопросу об иностранных словах *на деле* сплошь и рядом ведет к борьбе с *иностранными словами* вообще, прикрывая националшовинистскую идеологию (напр., у белорусских и украинских шовинистов).

45. Проблемою понятности слова вопрос о «понятном» языке не исчерпывается. Многочисленными наблюдениями установлено, что в ряде случаев *каждое отдельное слово* в предложении *понятно,* а все *предложение в целом — непонятно.* В чем причина такого явления? В том, что рабочий-массовик или колхозник не имели возможности приобрести в своей практике навыков сложных речевых конструкций или вообще таких конструкций, которые развились в письменном языке, но не существовали в разговорном языке. Таким образом, говоря о понятном или непонятном в языке, мы не должны ограничиваться словами (как это делает между прочим Троцкий), но говорить и о *синтактических конструкциях.* К сожалению, здесь приходится итти ощупью, так как вопрос этот совершенно не разработан.

46. Замечая, что в огромном количестве случаев непонятными являются именно сложные и «длинные» предложения, многие преподносят такой «рецепт»: пишите простыми и короткими предложениями. В этом «рецепте» есть доля истины.

В самом деле, ведь разговорный бытовой язык, от которого исходит, например, колхозник в своей борьбе за овладение письменным языком, не знает длинных и сложных конструкций; даже когда в разговоре мы говорим *долго* (например, в ответ на вопрос), то, обычно, мы говорим короткими предложениями, ставя их одно после другого, приклеевая их друг к другу, а не так, что эти короткие и простые предложения составляют лишь элементы *единого, сложного, крепко уверенного целого*. Но в такой постановке вопроса есть и большая опасность. Какая?

47. Совет: «пишите короткими и простыми фразами» можно принять лишь как «педагогический прием», как первую ступень лестницы, уходящей вверх к более сложным и длинным. На сегодня, но не на завтра. Нужно хорошенько выяснить на материале вопрос о том, действительно ли *длина* сложного предложения, как таковая, мешает пониманию, или — его *строй;* какой строй оказывается более понятным, а какой менее понятным; не существует ли, например, графических способов сделать сложное предложение более понятным и пр. Но все эти временные «упрощения» синтактической структуры мы должны понимать лишь как *путь* к усвоению массами сложных структур, также как и сам популярный язык мы понимаем как путь к подъему речевой культуры масс.

48. Но здесь не нужно перегибать палку в другую сторону. Не нужно понимать нас так, что мы за «сложность вообще». Это было бы глупо. Совершенно очевидно, что в речевой практике буржуазии возникали такие сложные речевые структуры, которые соответствовали ее способу освоения действительности, ее мышлению, интересам ее классовой борьбы. (Сложность структуры выражала тенденцию буржуазии отгородить «свой» письменный язык от масс.) Переживания *такой* «сложности», совершенно ненужной, вредной, буржуазной сохранились и у нас, с ними нужно бороться. Чтобы не быть голословными, приведем пример такой отрыжки буржуазной сложности: «Исходя из соображения, что сравнительно небольшое количество наиболее могущественных и претендующих на роль мирового владычества государств, затрачивающих на цели сухопутных, морских и воздушных вооружений значительную часть своих государственных бюджетов и имеющих возможность в любой момент чрезвычайно усилить военные средства своей агрессивной политики путем использования широко развитой про-

мышленности, обладает подавляющим большинством вооружений сухопутных, морских и воздушных, договаривающиеся государства признают, что единственно справедливым путем является путь прогрессивного сокращения всех видов вооружения в соответствии с численностью и составом, поскольку этот метод в наименьшей степени нарушает интересы более слабых государств, находящихся в экономической зависимости от более сильных государств, и соглашаются положить указанный принцип в основу сокращения вооружений». Вот это — предложение! Тут и не только колхозник попотеет, прежде чем что-нибудь понять.

49. Однако, с другой стороны, совершенно очевидно, что пролетариат в лице своих идеологов в процессе диалектико-материалистического познания действительности, используя и преобразовывая унаследованный буржуазный синтаксис, разрабатывал свои сложные синтактические конструкции, отражающие ход его мышления: достаточно почитать Ленина, чтобы убедиться в том, что у него часто встречаются сложные речевые конструкции, отражающие диалектическое развитие мысли. К этой сложности нужно вести массы через популярный язык.

50. Перейдем к выводам. Вопрос о научно-популярном языке есть вопрос огромной *политической важности*. Борьба за научно-популярный язык подразумевает: *во-первых*, борьбу с переживаниями буржуазного кастового научного языка в нашей научной практике; *во-вторых*, борьбу за поднятие речевой культуры масс. *Это две стороны одного и того же процесса.*

Понятие популярного языка у буржуазии совершенно иное, чем у нас: буржуазия понимает популярный язык статически; для нее разрыв между «научным» и «научно-популярным языком» представляется «вечным законом», в какой мере «вечным законом» представляется ей капиталистическое общество с его экономическим, политическим и культурным неравенством. Мы понимаем борьбу за научно- популярный язык как *процесс*, процесс снятия противоречия между «научным» и «научно-популярным» языком — на пути строительства социализма, уничтожения классового общества, снятия противоречия между физическим и умственным трудом.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

О работе начинающего писателя над языком своих произведений . 5

О значении печати и языковой ответственности писателя 11

О теоретической учебе писателя 37

Капитализм и национальный язык 60

Язык крестьянства 85

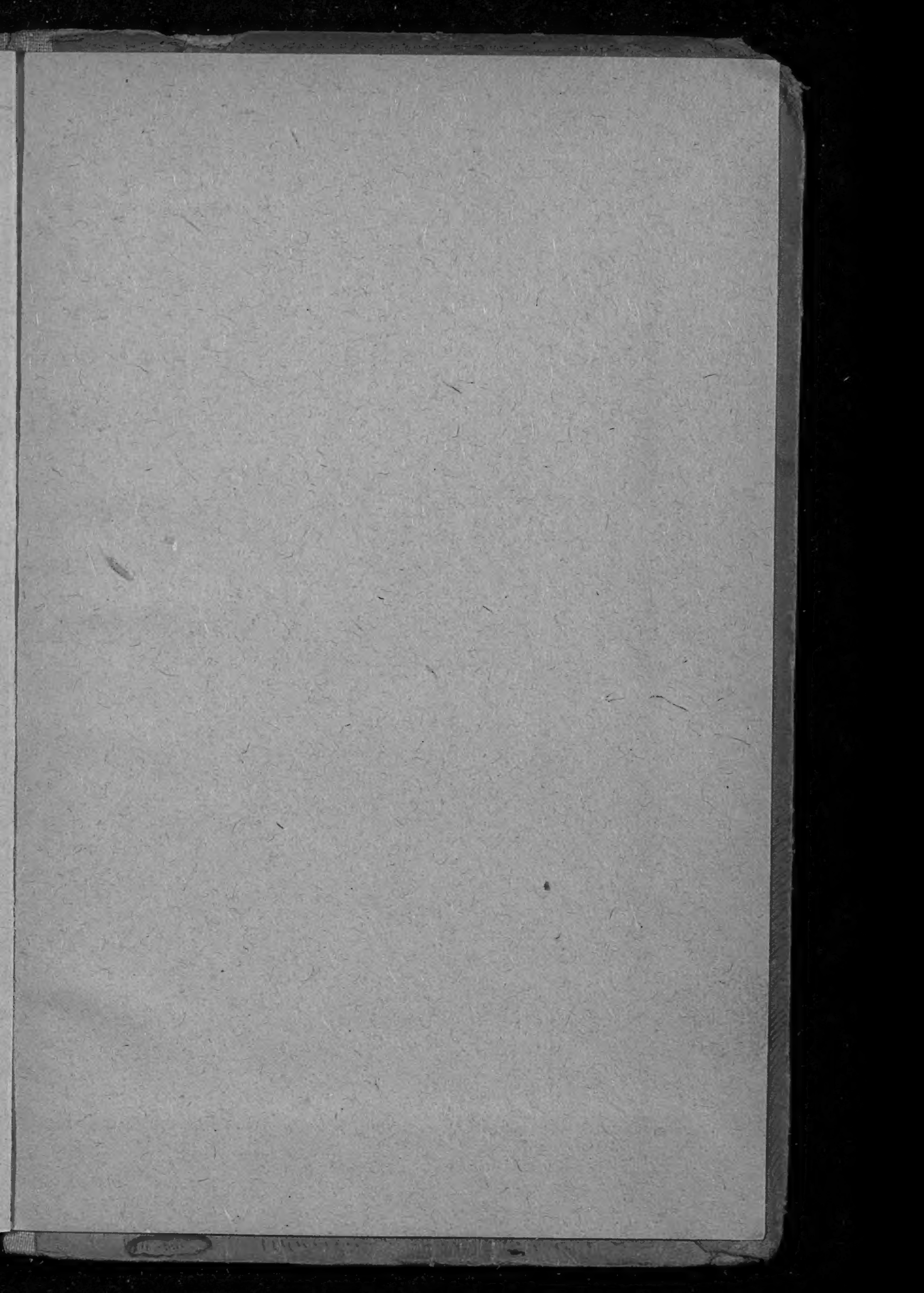
Язык пролетариата 107

Национальный язык в эпоху диктатуры пролетариата 124

О научно-популярном языке 163

Редактор Н. Еселев. Техн. редактор Н. Родченко. ОГИЗ ГИХЛ № 22-5/Л
Индекс Х-5. Тираж 5 000 + 140. Сдано в набор 12/X—31 г. Подписано к печати 15/I 32 г.
Размер бумаги 82 × 111 1/32. Количество печатн. знаков в листе 3? 528. Колич. листов 11 1/4.
Выход в свет 1932 г. Ленгорлит № 32443. Заказ № 1354.

7-я типография ОГИЗа РСФСР им. Бухарина. Ленинград, улица Моисеенко, 10.

2 р. 50 к.

Пер. 35 к.